

Глава 1

1. Князь И. М. Оболенский вначале был херсонским, а затем харьковским губернатором. Занимая последний пост, в 1903 г. он руководил подавлением крестьянских волнений.

2. Романная трилогия писателя Б. М. Маркевича «Четверть века назад. Правдивая история» считается его главным произведением и была опубликована в 1879 г. в журнале «Русский вестник». В том же году в Москве вышло отдельное издание этой трилогии.

3. Имеется в виду произошедшее по Манифесту 19 февраля 1861 г. освобождение крепостных крестьян. Нижеследующие воспоминания В. Б. Лопухина ср. с воспоминаниями его двоюродного брата, который, характеризуя А. А. Лопухина, писал: «Помнится, мы, дети, почти всегда заставляли его лежачим в постели. Целыми неделями он не вставал, и мы считали его больным. Но ничуть не бывало, дедушка был совершенно здоров. Вдруг, без всякого повода, он на несколько недель вставал, а потом опять ложился. Впоследствии я узнал, что это периодическое лежание вызывалось глубокой и непонятной нам, детям, трагедией. “Болезнь”, периодически заставлявшая дедушку ложиться, была чем-то вроде паралича воли, и была она вызвана, как это ни странно, актом 19 февраля. До этого времени дела его шли недурно; судя по рассказам моих тетей — его дочерей, смутно понимавших деловую сторону жизни, при крепостном праве “все делалось само собою, сами собою получались и доходы”, а после этого дедушке выпала задача — самому приняться за устройство своего хозяйства. Он пришел в полную прострацию и, подавленный сознанием своей беспомощности, “превратился в какого-то Обломова”. Управляющие воровали, доходы не получались, дела “сами собою приходили в расстройство”, а дедушка уединялся с тяжелыми думами в своей кровати». «Дедушка, — отмечал Е. Н. Трубецкой, — не умел и не мог сократить в чем-либо привычный образ жизни, а потому и не расставался с лишней прислугой из бывших дворовых, что и было одной из причин его прогрессирующего разорения. Все это было невинно, но была и другая, только что минувшая эпоха, когда этих же бывших дворовых секли. При всей своей доброте дедушка Лопухин был сыном своего времени, он был убежден в своей отеческой власти над дворовыми, которая обязывала его сочетать любящую доброту со строгостью. И в случаях исключительно тяжелой вины он приговаривал к сечению. Дети этому, разумеется, не могли сочувствовать» (*Трубецкой Е. Н.* Из прошлого // Россия воспрянет. Князя Трубецкие. М., 1996. С. 17, 20).

4. В. И. Засулич 24 января 1878 г. стреляла из револьвера в петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова в знак протеста против употребления по отношению к политическим заключенным телесных наказаний. Во время процесса В. И. Засулич, проходившего 31 марта того же года в Петербургской судебной палате, на котором А. А. Лопухин являлся прокурором, а А. Ф. Кони — председателем суда, она была оправдана присяжными за-

седателями. Причиной передачи дела В. И. Засулич на рассмотрение присяжных, оказавшей косвенной предпосылкой подобного исхода, стала обоснованная А. А. Лопухиным позиция Министерства юстиции, которое, в лице своего руководителя К. И. Палена, отрицало политический характер этого дела. По воспоминаниям А. Ф. Кони, А. А. Лопухин содействовал тому, что «из следствия было тщательно вытравлено все, имевшее какой-либо политический оттенок, и даже к отысканию несомненной общности Засулич, купившей для нее револьвер, не было принято никаких серьезных мер». Подробнее о роли А. А. Лопухина в деле В. И. Засулич см.: *Кони А. Ф. Избранное*. М., 1989. С. 315, 318, 328, 330, 331, 335, 349, 350.

5. После Польского восстания 1863 г. в Российской империи существовала целая система ограничений, которые распространялись на католиков (фактически — поляков), находившихся на военной службе. Так, численность поляков-офицеров в отдельных армейских подразделениях не должна была превышать определенного процента, поляки не имели права поступления в военные академии и некоторые войсковые части, не могли занимать должности воспитателей в военно-учебных заведениях и т. д. Некоторые из перечисленных ограничений распространялись даже на русских офицеров, женатых на польках. Все эти ограничения были отменены только в августе 1915 г.

6. Имеется в виду Первая мировая война 1914–1918 гг.

7. Женой В. А. Лопухина стала Нина Исидоровна Гессен (1868–1929), родная сестра историка Ю. И. Гессена и двоюродная сестра одного из лидеров Конституционно-демократической партии И. В. Гессена (*Островский А. В. Родственные связи А. А. Лопухина (1864–1928) // Из глубины времен*. СПб., 1996. Вып. 6. С. 206).

8. Речь идет о предпринятой во второй половине октября 1905 г. председателем Совета министров графом С. Ю. Витте попытке образовать так называемое «Министерство общественного доверия», которое бы состояло из общественных и бюрократических деятелей, пользующихся авторитетом у либеральной оппозиции. Вопрос об этом С. Ю. Витте поднял перед Николаем II еще до получения премьерства (*Корелин А. П., Степанов С. А. С. Ю. Витте — финансист, политик, дипломат*. М., 1998. С. 436, 437). Согласие на образование Министерства доверия царь дал 18 октября. Кандидатами С. Ю. Витте были: А. И. Гучков (министр торговли и промышленности), А. Ф. Кони (министр юстиции), А. С. Посников (товарищ министра народного просвещения), М. А. Стахович (главноуправляющий землеустройством и земледелием), Н. С. Таганцев (министр народного просвещения), князь Е. Н. Трубецкой (министр народного просвещения), князь С. Д. Урусов (министр внутренних дел), Д. Н. Шипов (государственный контролер). Переговоры С. Ю. Витте с общественными деятелями (А. И. Гучков, М. А. Стахович, Е. Н. Трубецкой, С. Д. Урусов и Д. Н. Шипов) о вхождении их в правительство происходили с 19 октября в Петербурге при посредничестве обер-прокурора Синода князя А. Д. Оболенского. Д. Н. Шипов, выражая мнение своей группы, настаивал на включении в кабинет более левых политиков — членов бюро заседавшего в Москве Съезда земских и городских деятелей, а именно — С. А. Муромцева (министр юстиции), И. И. Петрункевича (министр внутренних дел) и князя Г. Е. Львова (главноуправляющий землеустройством и земледелием). Состоявшиеся 21 октября переговоры С. Ю. Витте с делегацией Бюро, в которую входили его председатель Ф. А. Головин, Ф. Ф. Кокошкин и Г. Е. Львов, ни к чему не привели. Разногласия между С. Ю. Витте и группой Д. Н. Шипова породил вопрос о главе МВД. Общественные деятели предлагали этот пост премьеру, он же выставил кандидатуры П. Н. Дурново и Д. Ф. Трепова, вызвавшие протест со стороны шиповцев. Тогда С. Ю. Витте согласился сделать министром внутренних дел С. Д. Урусова, а П. Н. Дурново — его товарищем, на что последовало согласие собеседников премьеры. Однако 26 октября С. Ю. Витте заявил А. И. Гучкову и Д. Н. Шипову, что министром будет П. Н. Дурново, а товарищем — С. Д. Урусов, чем возмутил общественных деятелей. Тогда же в качестве альтернативной кандидатуры в руководители МВД А. Д. Оболенский предложил П. А. Столыпина, против которого высказался Д. Н. Шипов. В результа-

те управляющим МВД стал П. Н. Дурново, план же образования «Министерства общественного доверия» провалился. Подробнее об этом см.: *Старцев В. И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. Борьба вокруг «Ответственного министерства» и «Правительства доверия». Л., 1977. С. 8–31; *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. С. 234–236. Что касается С. А. Лопухина, то его кандидатура всплыла не во второй половине октября, а в середине ноября 1905 г., в связи с отставкой министра юстиции С. С. Манухина. Назначить его преемником С. А. Лопухина премьеру предложил Николай II, причем С. Ю. Витте решил, что этого кандидата царю «подсунул» А. Д. Оболенский. Премьер счел назначение С. А. Лопухина нежелательным, получив отрицательный отзыв о нем от профессора Киевского университета Н. В. Самофалова. Характеризуя С. А. Лопухина С. Ю. Витте, Н. В. Самофалов сказал, что это — «весьма почтенный человек, уважаемый в судебном округе и симпатичный барин», однако, находя его, как и С. С. Манухина, «излишне либеральным», заметил, что «Лопухин будет Манухиным, но только без его авторитетности, серьезных юридических знаний, опытности и громадной трудоспособности». Преемником С. С. Манухина оказался кандидат С. Ю. Витте — сенатор М. Г. Акимов (Из архива С. Ю. Витте: Воспоминания. Рассказы в стеногр. записи. Рукоп. заметки. СПб., 2003. Т. 2. С. 352–253).

9. Ср. с описанием личности князя П. И. Трубецкого, данным его внуком. См.: *Трубецкой Е. Н.* Из прошлого. С. 10–16.

10. Имеется в виду принятая Николаем II 6 июня 1905 г. депутации 14-ти лидеров либерального движения (граф П. А. Гейден, Ф. А. Головин, князь П. Д. Долгоруков, Н. Н. Ковалевский, барон П. Л. Корф, князь Г. Е. Львов, Н. Н. Львов, А. Н. Никитин, Ю. А. Новосильцев, И. И. Петрункевич, Ф. И. Родичев, князь С. Н. Трубецкой, М. П. Федоров, князь Д. И. Шаховской), которые представили царю адрес Съезда земских и городских деятелей, прошедшего 24–26 мая 1905 г. в Москве, когда поражение России в войне с Японией, после гибели русского флота в Цусимском сражении, стало очевидным окончательно. Адрес призывал Николая II ускорить созыв народного представительства и поручить ему решение вопроса о войне и мире, а также позволить народным избранникам установить «обновленный государственный строй». Во время приема депутации монархом С. Н. Трубецкой обратился к нему с речью, текст которой накануне был согласован им с коллегами по депутации. С. Н. Трубецкой просил Николая II даровать гражданское и национальное равноправие, создать всесословное народное представительство, имеющее право призывать к ответственности бюрократию, и разрешить свободное обсуждение намеченных реформ не только представительству, но и обществу, т. е. предоставить свободу слова и собраний. «Отбросьте ваши сомнения, — заявил в ответ Николай II. — Моя воля, воля царская — созывать выборных от народа — непреклонна. Привлечение их к работе государственной будет выполнено правильно. Я каждый день слежу и стою за этим делом. Вы можете об этом передать всем вашим близким, живущим как на земле, так и в городах. Я твердо верю, что Россия выйдет обновленную из постигнутого ее испытания. Пусть установится, как было встарь, единение между царем и всею Русью, общение между мною и земскими людьми, которое ляжет в основу порядка, отвечающего самобытным русским началам. Я надеюсь, что вы будете содействовать мне в этой работе» (Полное собрание речей императора Николая II. 1894–1906: Сост. по офиц. данным «Правительственного вестника». СПб., 1906. С. 57–58; *Обнинский В. П.* Последний самодержец: Очерк жизни и царствования императора России Николая II. М., 1992. С. 108–111).

11. Падение Константинополя (Стамбула) ожидалось в связи с Дарданельской (Галлиполийской) операцией, длившейся с 19 февраля 1915 по 9 января 1916 г. и являвшейся одним из важнейших эпизодов Первой мировой войны 1914–1918 гг. Целью операции, в которой участвовал объединенный англо-французский флот, действовавший против Турции, было взятие Галлиполийского полуострова и, в перспективе, Константинополя. Первоначально операция развивалась успешно для союзников, поскольку в конце апреля союзный десант высадился на юге полуострова и закрепился на небольшом плацдарме.

В начале августа англо-французские войска десантировались на побережье бухты Сувла. Однако действия германского подводного флота, нарушив сообщения между десантами и основными силами Англии и Франции, существенно осложнили их оборону на Галлиполи, вследствие чего 6 декабря 1915 г. было принято решение об эвакуации союзников с этого полуострова. Подробнее о Дарданелльской операции и отношении к ней русского правительства см.: Константинополь и проливы по секретным документам бывшего Министерства иностранных дел. М., 1926. Т. 2. С. 128–183; *Мурхед А.* Борьба за Дарданеллы. Решающее сражение между Турцией и Антантой. М., 2004.

12. Имеется в виду русско-японская война 1904–1905 гг.

13. «Министерская чехарда» — чрезвычайно частые перемены в составе Совета министров Российской империи, которые происходили в период Первой мировой войны, преимущественно с сентября 1915 по февраль 1917 г. Само выражение «министерская чехарда» впервые употребил член правой фракции IV Государственной думы В. М. Пуришкевич, выступая в ней 12 февраля 1916 г. Всего с июля 1914 г. по февраль 1917 г., т. е. за 31 месяц, министрами перебивали 39 человек, в т. ч. 4 председателя Совета министров, столько же военных министров, министров юстиции и земледелия и обер-прокуроров Синода, 3 государственных контролера, 3 министра иностранных дел, народного просвещения и путей сообщения, 2 министра торговли и промышленности, наконец, 6 министров внутренних дел. Причиной «министерской чехарды» современники считали вмешательство в кадровую политику камарильи, прежде всего — императрицы Александры Федоровны и Г. Е. Распутина. Отрицать попытки камарильи влиять на формирование правительства неверно, однако проблема заключается не в том, были эти попытки или нет, а в том, насколько они являлись результативными. Если под кандидатами камарильи понимать сановников, найденных Александрой Федоровной и Г. Е. Распутиным и назначенных по их совету, то среди министров такие кандидаты отсутствовали. Из 39 и 53 сановников, получивших за время войны посты товарищей министров и членов Государственного совета, кандидатами императрицы были, соответственно, один (князь Н. Д. Жевахов) и два (А. Б. Нейдгардт и Н. К. Шведов) сановника. Из 78 губернаторов, назначенных за то же время, кандидатом старца являлся лишь один губернатор (Н. А. Ордовский-Танаевский). Представляется, что «министерская чехарда» была следствием влияния (причем косвенного) не камарильи, а народного представительства, став не чем иным, как формой согласования кадровой политики Николая II с законодательными палатами, но такого согласования, которое, не ведя к установлению парламентаризма, проходило в рамках дуалистической системы, конституированной Основными государственными законами 1906 г. Тасуя министров, император пытался создать свой вариант «министерства доверия», альтернативный предлагавшемуся оппозицией. О «министерской чехарде» см.: *Куликов С. В.* 1) «Министерская чехарда» в России периода Первой мировой войны. Хроника событий (июль 1914 — февраль 1917) // Из глубины времен. СПб., 1994. Вып. 3. С. 42–57; 2) Камарилья и «министерская чехарда». Соотношение вербальных и бюрократических практик в позднимперской России // Новая политическая история: Сб. науч. работ. СПб., 2004. С. 77–97.

14. Подразумевается Гражданская война в США, происходившая в 1861–1865 гг.

15. Учреждение Дальневосточного наместничества и назначение наместником Е. И. Алексеева последовали 30 июля 1903 г. Хотя положения об этом наместничестве выработано не было, Е. И. Алексеев, по повелению Николая II, ведал на Дальнем Востоке не только внутренней, но и внешней политикой. Более того, 19 декабря 1903 царь повелел наместнику по всем вопросам обращаться лично к нему или управляющему делами Особого комитета Дальнего Востока А. М. Абазе, минуя министерства. С началом русско-японской войны 1904–1905 гг. Е. И. Алексеев стал главнокомандующим сухопутными и морскими силами России на Дальнем Востоке, однако вскоре, из-за разногласий с командующим сухопутными силами А. Н. Куропаткиным, Е. И. Алексеев был отозван в Петербург. Упразднение Дальневосточного наместничества произошло 8 июня 1905 г.,

в связи с поражением России в русско-японской войне. См. об этом: *Ремнев А. В.* Проблемы организации дальневосточного управления накануне и в начале Первой российской революции // Революция 1905–1907 годов и общественное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Омск, 1995; *Лукоянов И. В.* Дальневосточный наместник Е. И. Алексеев: необыкновенная карьера // Азиатская Россия. Люди и структуры империи: Сб. науч. ст. Омск, 2005.

15а. В. Б. Лопухин неточно передает фамилию, правильно — Криштафович (см.: ОР РНБ. Ф. 1000. 1971. № 7/2. Л. 40 об. *Мурзанов Н. А.* Словарь русских сенаторов. 1711–1917 гг.: Материалы для биографий). (Комментарий Д. Н. Шилова).

16. Имеется в виду опера «Евгений Онегин», музыка к которой была сочинена П. И. Чайковским в 1878 г.

17. Речь идет о книге, являвшейся 1-м (и единственным изданным) томом воспоминаний С. Д. Урусова: *Урусов С. Д.* Записки губернатора. Кишинев. 1903–1904 г. М., 1907. Кроме того, она была опубликована в 1907 и 1908 гг. в Берлине и в Лейпциге (год издания неизвестен) и переведена на шесть европейских языков.

18. В действительности С. Д. Урусов вступил не в Конституционно-демократическую партию, а в более умеренную Партию демократических реформ. Далее речь идет о воззвании, которое подписали 9 июля 1906 г. в Выборге 180 депутатов I Государственной думы (в основном — кадеты, трудовики и социал-демократы) после ее досрочного роспуска. Впоследствии воззвание поддержали еще 52 депутата, в т. ч. председатель Думы С. А. Муромцев. Протестуя против роспуска, оно декларировало необходимость гражданского неповиновения, призывая население не давать «ни копейки в казну, ни одного солдата в армию», т. е. к нарушению статей 70 и 71 Основных государственных законов 1906 г., которые обязанностью российских подданных как раз и объявляли «защиту престола и Отечества» и выплату «установленных законом налогов и пошлин». Полный текст Выборгского воззвания см.: *Обнинский В. П.* Последний самодержец. М., 1992. С. 262. Против лиц, подписавших Выборгское воззвание, возбудили уголовное дело, причем 169 из них судило Особое присутствие Петербургской судебной палаты, заседавшее 12–18 декабря 1907 г. В результате процесса «выборгцев» 167 человек, в т. ч. С. Д. Урусов, были приговорены к 3-месячному тюремному заключению, которое повлекло за собою лишение их избирательных прав. Подробнее об этом см.: Выборгский процесс: Иллюстрир. изд. СПб., 1908.

19. Имеется в виду центральный эпизод Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг.

20. Точнее — войны 1853–1856 гг., т. е. Крымской.

21. По сведениям осведомленного журналиста Л. М. Клячко, Я. А. Ушаков в 1863 г. «был приговорен к повешению за участие в террористической группе, организовавшей покушения на сановников». Его помиловали, и впоследствии он стал «ярим правым» (*Клячко (Львов) Л. М.* Звездная палата // Минувшие дни. 1928. № 3. С. 29).

22. Имеется в виду чин «статского генерала» — действительного статского советника. Должность губернского предводителя дворянства практически гарантировала получение придворного чина или звания, которые к 1917 г. имели две трети (28) губернских предводителей (*Куликов С. В.* Высшая царская бюрократия и Императорский двор накануне падения монархии // Из глубины времен. СПб., 1999. Вып. 11. С. 95).

23. В. Б. Лопухин благоразумно умолчал, вероятно, имея в виду реакцию советского цензора, что этот отзыв принадлежал В. М. Пуришкевичу, который, впрочем, в декабре 1916 г. вышел из правой фракции и сблизился с думским прогрессивным блоком, т. е. либеральной оппозицией. В своей речи, произнесенной на заседании IV Государственной думы 14 февраля 1917 г., характеризуя министров, В. М. Пуришкевич разбил их на три «лагеря». Оратор полагал, что девиз первого «лагеря» — «политика государственной пользы, блага и порядка», второго — «политика собственных интересов, карьеры» и третьего — «политика провокаций и политического шантажа». К первому «лагерю» В. М. Пуришкевич отнес не только Н. Н. Покровского (министр иностранных дел), но и А. А. Риттиха

(министр земледелия), Э. Б. Кригер-Войновского (управляющий МПС) и И. К. Григоровича (морской министр), т. е. министров, пользовавшихся полным доверием оппозиции. Во вторую группу, по мнению В. М. Пуришкевича, входили М. А. Беляев (военный министр), князь В. Н. Шаховской (министр торговли и промышленности), П. Л. Барк (министр финансов), а также Н. А. Добровольский (управляющий Министерством юстиции) и Н. П. Раев (обер-прокурор Синода), в третью — А. Д. Протопопов (министр внутренних дел). Именно в связи с характеристикой состава Совета министров В. М. Пуришкевич и назвал Н. Н. Покровского «кристально чистым и благородным» (Государственная дума. 1906–1917: Стеногр. отчеты. М., 1995. Т. 4. С. 242).

24. Версию о назначении Б. В. Штюрмера председателем Совета министров по выбору Г. Е. Распутина разделяли многие современники, в т. ч. и В. Б. Лопухин, однако в действительности Б. В. Штюрмер являлся личным кандидатом Николая II. Старец узнал о близости назначения Б. В. Штюрмера от Александры Федоровны и тут же одобрил его кандидатуру, дословно повторив аргументы царицы. «Я полагаю, — писала она супругу 4 января 1916 г., поддерживая избрание им Б. В. Штюрмера, — что стоит рискнуть немецкой фамилией, так как известно, какой он верный человек, и он хорошо будет работать с новыми энергичными министрами». Передавая Николаю II мнение Г. Е. Распутина, Александра Федоровна сообщала 9 января, что «наш Друг сказал про Штюрмера: не менять его фамилии и взять его хоть на время, так как он, несомненно, очень верный человек и будет держать в руках остальных». На протяжении января 1915 — января 1916 г., вплоть до назначения Б. В. Штюрмера, т. е. до 20 января, Г. Е. Распутин никогда с ним не встречался. Следовательно, старец не мог и организовывать его назначения. Встреча Г. Е. Распутина с Б. В. Штюрмером состоялась только 21 января, сразу по получении им премьерства. В первой половине января 1916 г., когда назначение Б. В. Штюрмера было Николаем II уже предрешено, в пользу этого назначения стали агитировать петроградский митрополит Питирим и журналист и контрразведчик И. Ф. Манасевич-Мануйлов. До самого назначения Б. В. Штюрмера Питирим его «не знал совершенно» и «никогда не видал». О близости замены И. Л. Горемыкина Б. В. Штюрмером Питириму сообщил его секретарь И. З. Осипенко, узнавший об этом от Г. Е. Распутина, с которым секретарь общался 4, 5 и 6 января 1916 г. В свою очередь, от Питирима о назначении Б. В. Штюрмера узнал И. Ф. Манасевич, поскольку начиная с января 1915 и до 20 января 1916 г. он с Г. Е. Распутиным не общался. Следовательно, митрополит и журналист, подобно царице и старцу, не имели отношения к избранию царем кандидатуры Б. В. Штюрмера — представители камарильи только вторили желанию Николая II. Если, тем не менее, современники считали, что в данном случае Питирим и И. Ф. Манасевич сыграли решающую роль, то этому способствовали, вольно или невольно преувеличивая свое значение, и митрополит, и журналист. Подробнее о назначении Б. В. Штюрмера см.: Куликов С. В. 1) Назначение Бориса Штюрмера председателем Совета министров: предыстория и механизм // Источник. Историк. История: Сб. науч. работ. СПб., 2001. Вып. 1. С. 387–428; 2) Камарилья и «министерская чехарда». С. 83–85. Отношения Г. Е. Распутина и Б. В. Штюрмера во время его премьерства были близкими весьма недолго. Уже в начале марта 1916 г., вспоминал посредник между премьером и старцем И. Ф. Манасевич-Мануйлов, подразумевая Г. Е. Распутина, «произошло то, чего он не ожидал. А именно — что Штюрмер совсем, почти, не откликнулся на его просьбы». Хотя старец и передавал через фрейлину Л. В. Никитину свои письма и прошения премьеру, но он «или не считался с ними, или замедлял по ним исполнение». Неудивительно, что с этого времени, подчеркивал С. П. Белецкий, Г. Е. Распутин «был недоволен Штюрмером». Недовольство премьером «росло» не только у старца, но и у А. А. Вырубовой, которая, выражая мнение свое и Александры Федоровны, «отзывалась очень нехорошо о Штюрмере» и говорила, что он — «неверный человек» и «на него нельзя положитьсь». «Так что, — подытоживал И. Ф. Манасевич, — дамская половина, вместе с Распутиным, шла против Штюрмера; очень рельефно это сквозило» (Допрос И. Ф. Манасевича-

Мануйлова. 10 апреля 1917 г. // Падение царского режима: Стеногр. отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычай. следств. комис. Врем. правительства. Т. 2. Л., 1925. С. 50, 51; Показания С. П. Белецкого // Падение царского режима. Т. 4. Л., 1925. С. 522). Следовательно, эпитет «распутинский премьер» точен лишь отчасти.

25. «Перикола» — опера Ж. Оффенбаха.

26. Книга И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”: Очерки путешествия», вышедшая в 2-х тт. в 1858 г. в Петербурге, обобщила его впечатления, полученные во время кругосветного плавания 1852–1854 гг., когда Гончаров являлся секретарем адмирала Е. В. Путятина.

27. Имеется в виду путешествие вокруг Азии, предпринятое наследником-цесаревичем Николаем Александровичем (будущим Николаем II) в 1890–1891 гг. для завершения своего образования. В ходе путешествия он и сопровождавшая его свита посетили Египет, Индию, Цейлон, Сингапур, Индонезию, Сиам (Таиланд), Индокитай, Китай и Японию. Приплыв во Владивосток, цесаревич вернулся в Петербург сухопутным путем. Об этом путешествии см.: *Кривенко В. С.* Путешествие Его императорского величества наследника цесаревича на Восток, от Гатчины до Бомбея. СПб., 1891; *Ухтомский Э. Э.* Путешествие на Восток Его императорского высочества государя наследника цесаревича. 1890–1891. Т. 1–3. СПб.; Лейпциг, 1893–1897.

28. Подразумевается процесс, по которому проходили члены революционной организации «Народная воля», подготовившие покушение на Александра II, в результате которого 1 марта 1881 г. он был смертельно ранен.

29. Институт земских начальников был введен в 1889 г. одновременно с ликвидацией института мировых судей, функции которых отошли к земским начальникам, соединявшим в своих руках административную и судебную власти. Главная функция земских начальников состояла в контроле деятельности крестьянских общин. Скептическая оценка, данная В. Б. Лопухиным личному составу земских начальников, соотносится с аналогичной оценкой, принадлежащей графу С. Ю. Витте, который писал: «Все земские начальники, собственно говоря, не что иное, как провинциальные чиновники, назначаемые административной властью, обыкновенно это — отставные офицеры, юнкера, не окончившие курс высших учебных заведений дворяне, одним словом — лица самого второстепенного сорта. Конечно, я не говорю о некоторых исключениях, которые, может быть, есть; конечно, между земскими начальниками, как исключение, есть порядочные люди, люди соответствующие» (Из архива С. Ю. Витте. Т. 1. Кн. 1. С. 245, 246).

30. Т. е. окончивший Александровский лицей в Петербурге.

31. П. Г. Курлов, будучи товарищем министра внутренних дел, заведующим полицией, осуществлял высшее руководство охраной царской семьи и высших сановников, в т. ч. П. А. Столыпина, во время их пребывания в конце августа — начале сентября 1911 г. в Киеве. После совершенного 1 сентября Д. Г. Богровым смертельного ранения П. А. Столыпина П. Г. Курлов считался одним из главных виновников гибели премьера, а потому был уволен и над ним было начато следствие по обвинению в «бездействии». Дело П. Г. Курлова было прекращено в январе 1913 г. по повелению Николая II. Подробнее об этом см.: *Тайна убийства Столыпина.* М., 2003.

Глава 2

1. «Кюба» — ресторан в Петербурге, существовавший с 1840-х гг. и первоначально называвшийся «Restaurant de Paris». В 1887–1894 владельцем ресторана был французский повар Жорж Кюба, который и дал ему второе название, бытовавшее и позднее, хотя с 1894 рестораном владел Альмир Жуэн. Находился на углу Большой Морской улицы (д. 16) и Кирпичного переулка.

2. Общие пассажирские тарифы были введены в 1893 г. и действовали до их пересмотра в 1904–1908 гг. См. о них: Краткий отчет о деятельности тарифных учреждений и Департамента железнодорожных дел за 1889–1913 гг. СПб., 1914; *Соловьева А. М.* Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975.

3. «Петербургская газета» — ежедневная «политическая и литературная» газета, выходящая в 1867–1917 гг.

4. Николай II вступил в брак с Александрой Федоровной 14 ноября в Петербурге, между тем как его отец был похоронен неделей раньше, 7 ноября 1894 г. Незадолго до смерти Александр III специально для ускорения свадьбы вызвал будущую супругу сына в Ливадию (Дневники императора Николая II. [М., 1992]. С. 46, 48; *Кривенко В. С.* В Министерстве двора: Воспоминания. СПб., 2006. С. 236).

5. Проведение, под патронажем Министерства финансов, Всероссийской промышленно-художественной выставки в Нижнем Новгороде было намечено еще при Александре III. При Николае II она была приурочена к его коронации, после которой выставка и проходила. Ее открытие состоялось 28 мая, закрытие — 1 октября 1896 г.

6. В начале 1869 г. В. И. Ковалевский, будучи студентом Земледельческого (впоследствии — Лесного) института в Петербурге, сблизился с революционером-террористом С. Г. Нечаевым, который, после организованного им в Москве зверского убийства студента И. И. Иванова, скрывался от полиции у В. И. Ковалевского и его знакомых. В январе 1870 г. он был арестован по делу С. Г. Нечаева и заключен в Петропавловскую крепость. В июле 1871 г. В. И. Ковалевский вместе с другими обвиняемыми предстал перед Особым присутствием Петербургской судебной палаты, которая оправдала его и освободила из крепости. Вместе с тем, В. И. Ковалевского лишили права поступления на государственную службу и отдали под надзор полиции. Он был близок к народникам на протяжении 1870-х гг., пока в 1879 г. не сумел добиться определения в Министерство государственных имуществ (*Шенелев Л. Е.* Воспоминания В. И. Ковалевского // Русское прошлое: Ист.-док. альм. СПб., 1991. Вып. 2. С. 6–9).

7. Мнение В. Б. Лопухина о С. В. Маркове противоречит мнению о нем графа С. Ю. Витте, который оценивал его в целом положительно. Ср.: Из архива С. Ю. Витте. Т. 1, кн. 1. С. 301, 354, 458.

8. В 1902 г. В. И. Ковалевский влюбился в М. Г. Благосветову (Илловайскую) и решил уйти от Е. А. Шабельской. В ответ на это она представила к оплате векселя с бланковыми подписями, т. е. ручательством, В. И. Ковалевского на 150 000 рублей. Он заявил, что векселя поддельные (это было подтверждено в 1903 г. экспертизой Департамента полиции), но, тем не менее, согласился выплатить по ним треть суммы, вызвав недовольство кредиторов, подавших на него в суд (*Шенелев Л. Е.* Воспоминания В. И. Ковалевского. С. 16).

9. Имеется в виду исход еврейского народа из Египта под водительством Моисея. См.: Исход 12: 35.

Глава 3

1. Фирма «Грегер, Горвиц и Коган» во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг., согласно договору подряда, заключенному с интендантством, обеспечивала действующую армию главным образом продовольствием, причем условия договора были чрезвычайно выгодны для этой фирмы — она получала 10% от стоимости поставок, почти бесконтрольно устанавливая цены и количество поставляемых продуктов. Подразумевая реакцию общества на деятельность подрядчиков, С. Ю. Витте вспоминал, что «все указывали на крайние злоупотребления и вообще на нечистоплотность всего этого дела». Тем не менее, по окончании войны фирма предъявила претензии казне в том, что недополучила от нее несколько миллионов рублей. Правительство и суд отвергли домогательства руково-

дителей фирмы, однако они вышли на светлейшую княгиню Е. М. Юрьевскую, вторую, морганатическую, супругу Александра II, через которую и сумели получить, по крайней мере, часть искомой суммы. См. об этом: *Ананьич Б. В.* Банкирские дома в России, 1860–1914 гг.: Очерки истории частного предпринимательства. Л., 1991. С. 72–73; Из архива С. Ю. Витте. Т. 1. Кн. 1. С. 258–260.

2. В начале своей карьеры Т. И. Филиппов, вместе с Б. Н. Алмазовым, А. А. Григорьевым и А. Н. Островским, входил в состав «молодой редакции» журнала «Москвитянин». Впоследствии он примыкал к московским славянофилам (И. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин, А. С. Хомяков), редактируя с А. И. Кошелевым журнал «Русская беседа» (*Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917: Биобиблиогр. справ. СПб., 2001. С. 693).

3. «Аквариум» — увеселительный сад с рестораном в Петербурге, существовавший с 1886 г. по 1920-е гг. по адресу: Каменноостровский пр., 10.

4. Женой А. Д. Свербеева была Вера Федоровна, урожденная графиня Менгден, от которой он имел сына Дмитрия и дочь Зинаиду.

5. Описывая салон А. Д. Свербеева, его внук князь К. Н. Голицын вспоминал: «Начиная с осени и кончая весной регулярно дважды в неделю на Фурштатской собиралось многолюдное общество. Приходили сослуживцы сенатора, друзья, знакомые, родственники, состоявшие с ним в разных степенях родства или свойства. Рядом с солидными мужчинами и дамами совершенно непринужденно и весело чувствовала себя молодежь — внуки сенатора и их товарищи по Училищу правоведения или по Морскому корпусу». Посетителями салона А. Д. Свербеева были контр-адмирал Свиты его величества М. М. Веселкин, А. Ф. Кони, А. В. Кривошеин, барон А. А. Медем, личный секретарь императрицы Александры Федоровны граф Я. Н. Ростовцев, а также отец мемуариста, князь Н. В. Голицын, являвшийся в 1916–1917 гг. директором Петербургского и Главного архивов МИД, и др. Особую группу посетителей образовывали учащиеся Академии художеств и Петербургской консерватории, которым А. Д. Свербеев оказывал покровительство (*Записки князя К. Н. Голицына*. М., 1997. С. 47, 48, 51).

6. См.: *Кони А. Ф.* Собрание сочинений. Т. 6. М., 1968. С. 228–239. Сведения о других публикациях, в т. ч. существовавших на момент создания записок В. Б. Лопухина, см.: Там же. С. 563.

Глава 4

1. В конце XIX – начале XX в. осью внешней политики Российской империи являлся русско-французский союз, основы которого заложил Александр III, утвердивший 28 июля 1891 г. текст соответствующего соглашения, дополненного в декабре 1893 г. военной конвенцией между Россией и Францией (*История внешней политики России. Вторая половина XIX века*. М., 1997. С. 286–301). Упрочению русско-французского союза и призван был содействовать официальный визит Николая II во Францию, ставший одним из эпизодов его поездки по Западной Европе и происходивший с 23 по 27 сентября 1896 г. Подробнее о визите см.: *Рыбаченок И. С.* Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX в. М., 1993. С. 90–95.

2. В действительности с родословной С. Ю. Витте все обстоит гораздо сложнее. Его дед Ф. Ф. Витте служил обычным землемером в Лифляндской губернии, дослужился лишь до чина 9-го класса (титулярный советник) и только после 35 лет службы получил орден Св. Владимира 4-й степени, дававший право на потомственное дворянство. Отец С. Ю. Витте, Ю. Ф. Витте, причислился к псковскому дворянству «по заслугам» Ф. Ф. Витте в 1856 г., когда С. Ю. Витте было уже 7 лет. Очевидно, что по своему отцу С. Ю. Витте был не дворянином, а разночинцем. С другой стороны, его мать, Е. А. Фадеева, и бабушка

по матери, урожденная княгиня Долгорукова, действительно принадлежали к родовитым фамилиям (*Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. С. 8, 9).

3. По окончании японо-китайской войны 1894–1895 гг. 5 (17) апреля 1895 г. был заключен Симоносекский мирный договор, по которому победившая в войне Япония получала от Китая Ляодунский полуостров с городом Порт-Артур, острова Формоза (Тайвань) и Пэнхуледао, а также согласие на протекторат над Кореей. Однако под давлением Германии, России и Франции Япония 28 апреля (10 мая) того же года заявила об отказе от Ляодуна (за дополнительную контрибуцию) и протектората. Хотя инициатором демарша трех держав являлась Россия, В. Б. Лопухин неправ, когда возлагает вину за этот демарш на князя А. Б. Лобанова-Ростовского. На самом деле во время Особого совещания 30 марта 1895 г., которое проходило под председательством великого князя Алексея Александровича и предопределило политику России по данному вопросу, министр иностранных дел занял осторожную позицию, считая нежелательной ссору с Японией. Мнение А. Б. Лобанова было созвучно точке зрения Алексея Александровича, полагавшего, что России необходимо не только сохранить «хорошие отношения» с Японией, но и «вступить с ней в соглашение». Действуя против Японии, подчеркнул великий князь, Россия обретет «вечного и притом сильного врага» и заставит японцев «быть заодно с англичанами». Самым решительным оппонентом Алексея Александровича и А. Б. Лобанова оказался С. Ю. Витте, который считал, что Россия должна «заявить решительно» о невозможности водворения Японии в Китае и даже, в случае необходимости, пойти на войну с ней. Точка зрения С. Ю. Витте, поддержанного военным министром П. С. Ванновским, возобладала (Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке (1888–1903 гг.) // Красный архив. 1932. Т. 3. С. 69–83; История внешней политики России. Конец XIX – начало XX в. (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997. С. 135–136). Следовательно, в 1895 г. виновником жесткой политики России по вопросу о судьбе Ляодуна, ставшей, в итоге, одной из причин русско-японской войны 1904–1905 гг., был не А. Б. Лобанов, а С. Ю. Витте. О причинах русско-японской войны см.: *Романов Б. А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895–1907. М.; Л., 1955.

4. Подразумевается покушение, которому наследник-цесаревич Николай Александрович подвергся 29 апреля 1891 г. при посещении японского города Отсу (Отцу), когда местный полицейский, признанный впоследствии психически больным, нанес по голове наследника удар саблей плашмя.

5. Левант — старое название Ближнего Востока. Левантинцами (левантийцами) называли греков, живших вне пределов географической Греции — на Балканском полуострове и в Турции.

Кадровые перестановки в МИД, которые описываются В. Б. Лопухиным в данном абзаце, происходили не только по причине назначения нового министра иностранных дел, но и в связи с утверждением Николаем II 15 декабря 1897 г. закона «Об изменении штатов центральных установлений и домово́й церкви МИД». Ранее, согласно «Учреждению» МИД 1868 г., в него входили: Совет министерства (консультативный орган, проводивший экзамен для поступающих на службу в МИД), канцелярия (ведала текущими делами, политической перепиской министра, подготовкой его всеподданнейших докладов и Цифирной (Шифровальной) и Газетной экспедициями), Азиатский департамент (отношения с государствами Азии), Департамент внутренних сношений (консульские и юридические дела, торговые связи со странами Европы и Азии), Департамент личного состава и хозяйственных дел (кадровые и хозяйственные вопросы) и архивы — Петербургский главный архив и Государственный архив МИД, а также Московский главный архив. Согласно закону 15 декабря 1897 г., 1 января 1898 г. Азиатский департамент был переименован в 1-й Департамент, Департамент внутренних сношений — во 2-й Департамент, а административно-хозяйственные дела подчинены старшему советнику МИД, который фактически являлся вторым товарищем министра иностранных дел (Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. Т. 4. СПб., 2004. С. 9–13).

6. «Сборник консульских донесений» — ведомственное издание МИД, составлявшееся на основе донесений российских консулов, содержавших информацию об экономике той страны, в которой они служили. Первый выпуск сборника за 1898 г., объемом в 90 страниц, был напечатан в Петербурге в скоропечатне «Надежда». Впоследствии его публиковала типография Товарищества художественной печати. Уже в 1898 г. вышло шесть выпусков сборника, общий объем которых насчитывал более 500 страниц, а тираж — 500 экземпляров. В точно таком же формате сборник выходил вплоть до 1910 г., и все это время, даже проходя службу в других ведомствах, его составлением занимался именно В. Б. Лопухин, под формальным редакторством Н. А. Малевского-Малевича. Назначение последнего в 1908 г. послом в Японию, равно как и всегдашняя перегруженность В. Б. Лопухина делами, прервали издание сборника, ставшего, тем не менее, ценнейшим историческим источником.

7. В конце XIX — начале XX в. содержание советников и секретарей, т. е. основного состава посольств и миссий Российской империи, было в 10 раз меньше окладов послов и посланников. По воспоминаниям Ю. Я. Соловьева, «семейные секретари посольств и миссий не могли прожить на жалованье за границей», а потому Министерство иностранных дел «было вынуждено набирать этот состав исключительно из лиц, обладавших значительными личными средствами». «На семейных членов посольств и миссий, — подчеркивал тот же мемуарист, — ложились значительные почти обязательные расходы по представительству; их, конечно, приходилось покрывать из своего кармана» (Соловьев Ю. Я. Воспоминания дипломата. 1893–1922. М., 1959. С. 177). В свою очередь, Г. Н. Михайловский подчеркивал, что служба в дипломатическом ведомстве требовала не только «разностороннего образования, фундаментального знания иностранных языков», но и «известной материальной обеспеченности, так как на расходы по представительству казенных средств было недостаточно», вследствие чего личный состав МИД «представлял результат несомненного социального отбора» (Михайловский Г. Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. М., 1993. Кн. 1. С. 375).

8. Визит президента Франции Ф. Фора в Россию, ответный по отношению к визиту Николая II во Францию, состоявшемуся в 1896 г., длился с 11 по 14 августа 1897 г. Во время прощального завтрака Николай II выступил с речью, в которой назвал узы, связывающие обе страны, «союзными», тем самым официально признав существование между Россией и Францией союза, что вызвало большой резонанс в Западной Европе. Подробнее об этом см.: Рыбаченок И. С. Союз с Францией во внешней политике России. С. 162–163.

9. Согласно конвенции, заключенной между Россией и Китаем 15 (27) марта 1898 г., он уступал первой в аренду на 25 лет Квантунский полуостров (южная часть Ляодунского полуострова) с городами Порт-Артур (Люйшунь) и Даляньван (Талиенван). Заключению конвенции предшествовало вхождение 2 декабря 1897 г. русской эскадры в бухту Порт-Артура, вызванное занятием Германией в ноябре этого года другого китайского города — Киао-Чао (Циндао).

10. На самом деле, желая сгладить отрицательное отношение Японию к водворению России в Квантуне, в марте-апреле 1898 г. царская дипломатия, кстати — вопреки сопротивлению С. Ю. Витте, пошла на большие уступки в корейском вопросе, в результате которых Россия потеряла доминирующее положение в Корее. Россия согласилась отозвать из Сеула финансового советника К. А. Алексева (фактически — министра финансов Кореи) и военных инструкторов. Одновременно прекратилась и деятельность Русско-Корейского банка. Согласно протоколу, подписанному представителями России и Японии 13 (25) апреля 1898 г., первая признала интересы второй в Корее и могла посылать туда своих советников и инструкторов только по согласованию с Японией. Впрочем, формально обе стороны выступали как гаранты независимости Кореи. Подробнее об этом см.: Пак Чон Хё. Русско-японская война 1904–1905 гг. и Корея. М., 1997. С. 20–32.

11. Речь идет о Комитете Сибирской железной дороги, который являлся высшим органом по руководству строительством этой дороги. Комитет находился под председательством Николая II и функционировал в 1892–1905 гг. Членами Комитета, кроме

его вице-председателя (в 1893–1895 гг. этот пост занимал Н. Х. Бунге), были министры путей сообщения, финансов, земледелия и государственных имуществ и военный, а также управляющий Морским министерством и государственный контролер. См.: Высшие и центральные государственные учреждения России. Т. 1. СПб., 1998. С. 79–80.

12. Имеется в виду поворот во внутренней политике России, вызванный состоявшимся 1 марта 1881 г. покушением на Александра II и восшествием на престол Александра III. Мнение В. Б. Лопухина о перспективах внутренней политики Александра III явно навеяны знакомством мемуариста с воспоминаниями С. Ю. Витте. Ср.: «В последние годы своего царствования Александр ко многим вопросам уже относился иначе, нежели он относился к ним в первые годы своего царствования, выражаясь принятыми терминами, он уже сделался значительно более либеральным. Я уверен в том, что Александр, по собственному убеждению, двинул бы Россию на путь спокойного либерализма» (Из архива С. Ю. Витте. Т. 1. Кн. 1. С. 314).

13. Данный эпизод, относящийся к 1893 г., приводится в воспоминаниях С. Ю. Витте (Из архива С. Ю. Витте. Т. 1. Кн. 1. С. 330–331), откуда, судя по всему, В. Б. Лопухин и воспроизвел его по памяти. Закон о страховании рабочих от несчастных случаев за счет предпринимателей встретил возражения К. П. Победоносцева и А. А. Половцова в заседании Государственного совета 24 мая 1893 г., и потому был взят С. Ю. Витте обратно для переделки под предлогом того, что это — «дело очень сложное, требующее тщательной разработки и большой постепенности» (Судьбы России: Докл. и зап. гос. деятелей императорам о проблемах экон. развития страны (вторая половина XIX в.). СПб., 1999. С. 313). Законопроект «О вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств в предприятиях фабрично-заводской, горной и горно-заводской промышленности» стал законом только 2 июня 1903 г. См. об этом: *Лаверычев В. Я.* Царизм и рабочий вопрос в России. (1861–1917 гг.). М., 1972.

14. Подразумевается состоявшееся 17 января 1895 г. в Николаевском зале Зимнего дворца выступление Николая II перед представителями дворянства, земств и городов. «Я рад, — заявил тогда царь, — видеть представителей всех сословий, съехавшихся для заявления верноподданнических чувств. Верю искренности этих чувств, искони присущих каждому русскому. Но мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель». Проект этой речи был составлен К. П. Победоносцевым, который по отношению к слову «мечтания» употребил слово «безумные», замененное царем на «бессмысленные» (Полное собрание речей императора Николая II. С. 7; Из черновых бумаг К. П. Победоносцева // Красный архив. 1926. Т. 18. С. 203–207).

15. Имеется в виду катастрофа, произошедшая ранним утром 18 мая 1896 г. на Ходынском поле около Москвы во время раздачи, по случаю коронации Николая II, собравшейся там более чем полумиллионной толпе подарков, когда пострадали 2 690 человек, из которых погибли — 1 389. Современники воспринимали Ходынскую катастрофу как нечто небывалое в анналах истории, хотя при аналогичных мероприятиях, — коронации Наполеона I в 1804 г., в 1872 и 1873 гг. в Кенигсберге и в 1881 г. в Лондоне, — погибли, соответственно, более 1 000, несколько сот и около 4 000 человек (Дневники императора Николая II. С. 145, 145–146, 145–146; Документы о ходынской катастрофе 1896 г. // Красный архив. 1936. Т. 76. С. 31–48; *Константин Константинович, вел. кн.* Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М., 1998. С. 231, 232, 232–233, 236; Дневник Алексея Сергеевича Суворина. 2-е изд. М., 2000. С. 229, 231, 237).

16. Испано-американская война происходила в августе-декабре 1898 г. и закончилась Парижским мирным договором, по которому Испания утратила Кубу, Пуэрто-Рико и Филиппины.

17. Степень влияния К. П. Победоносцева в 1890-е гг., значительного только в религиозной сфере, В. Б. Лопухин сильно преувеличивает. Уже Александр III в последние годы жизни определенно дистанцировался от обер-прокурора Синода. В 1893 г. император заявил С. Ю. Витте, что «одною критикою жить нельзя, а надо идти вперед», но «в этом отношении К. П. Победоносцев и другие лица его же направления более не могут принести пользы», по причине чего, признался Александр, он «уже давно перестал принимать во внимание их советы» (Из архива С. Ю. Витте. Т. 1. Кн. 1. С. 331). По сведениям А. А. Савельева, Николай II, еще будучи наследником, не любил К. П. Победоносцева «за ханжество и стремление преследовать другие вероисповедания». Знаком отсутствия между Николаем II и К. П. Победоносцевым особой близости стало то, что в октябре 1894 г. для составления манифеста о вступлении на престол нового монарха он призвал не обер-прокурора, а князя Л. Д. Вяземского. К. П. Победоносцев, записала в мае 1901 г. А. В. Богданович, «у царя никакой роли не играет» (*Савельев А. А.* Два восшествия на престол русских царей: (Из воспоминаний земского деятеля) // Николай II: Материалы для характеристики личности и царствования. М., 1917. С. 98; *Богданович А. В.* Три последних самодержца. М., 1990. С. 263; *Кривенко В. С.* В Министерстве двора. С. 235). С другой стороны, В. Б. Лопухин явно преувеличивает степень прогрессивности С. Ю. Витте. На посту министра финансов он позиционировал себя как ортодоксального консерватора, исповедующего уваровскую триаду «православие, самодержавие, народность». Политическое и культурное развитие России, писал С. Ю. Витте Александру III, подразумевая элементы триады, «совершалось в живом взаимодействии и гармоническом сочетании трех основных стихий, только в России проявивших всю полноту их творческой силы» (*Витте С. Ю.* Собрание сочинений и документальных материалов. Т. 1. Кн. 2. Ч. 1. М., 2004. С. 242–243). Вместе с тем, оставаясь консерватором в политике, в экономике С. Ю. Витте проводил однозначно либеральные реформы, что дает основания говорить о его экономическом либерализме, который, впрочем, не влиял на его политические взгляды. «Экономический либерализм г. Витте, — подчеркивал П. Б. Струве в 1900 г., — находит себе непреходимую границу в его политическом консерватизме» (*Струве П. Б.* Предисловие к первому изданию // Самодержавие и земство: Конфиденц. записка министра финансов статс-секретаря С. Ю. Витте (1899 г.). Stuttgart, 1903. С. XXII). Только в 1905 г. С. Ю. Витте выступил в роли открытого сторонника политического либерализма.

18. И. Л. Горемыкин был министром внутренних дел только один раз — в 1896–1899 гг. Дважды он являлся председателем Совета министров — в апреле-июле 1906 г. и в 1914–1916 гг. В то же время, ошибка В. Б. Лопухина весьма характерна, поскольку до создания в 1905 г. объединенного правительства в виде возглавляемого премьером Совета министров премьерские функции фактически выполнял именно министр внутренних дел.

19. Имеется в виду процесс, по которому проходили члены «Народной воли», подготавливавшие покушение на Александра II, произошедшее 1 марта 1881 г.

20. Подразумевается Собственная его величества канцелярия по учреждениям императрицы Марии (названо в память о жене Павла I Марии Федоровне), в ведомстве которой находились женские учебные заведения. Жена Александра III была верховной покровительницей этой канцелярии, а И. Н. Дурново — главноуправляющим ею в 1886–1889 гг.

21. В действительности временами министр финансов и обер-прокурор Синода образовывали настоящий политический тандем. Не случайно С. Ю. Витте писал К. П. Победоносцеву 19 августа 1903 г.: «Всегда буду помнить, как в прошедшие 12 лет я всегда пользовался вашим расположением и вашими указаниями». Вплоть до 1904 г. при решении большинства не только внутри-, но и внешнеполитических вопросов министр финансов и обер-прокурор действовали солидарно. В 1895–1898 гг. С. Ю. Витте и К. П. Победоносцев критиковали продворянскую политику председателя Комитета министров И. Н. Дурново, в 1896 г. — не поддержали новый порядок увеличения кредитов по Министерству императорского двора и идею взятия Босфора, в 1897 г. — предложение о введении общежитий при Московском университете, в 1898–1899 гг. они выступили против разработан-

ного министром внутренних дел И. Л. Горемыкиным проекта введения земства в Западном крае и подготовленного главноуправляющим Канцелярией по принятию прошений, на высочайшее имя приносимых, Д. С. Сипягиным проекта ее реформирования, в 1900 г. — за утверждение закона о предельности земского обложения (*Струве П. Б.* Предисловие к первому изданию. С. XXXV; Переписка Витте и Победоносцева (1895–1905 гг.) // Красный архив. 1928. Т. 30. С. 90–97, 97, 98–99, 100, 101, 101–105, 105, 108). Политический союз министра финансов и обер-прокурора нашел свое воплощение в безусловной поддержке С. Ю. Витте находившихся в ведении Синода церковно-приходских школ. Если с 1886 по 1893 гг. церковно-приходские школы получали из Государственного казначейства по 175 500 рублей в год, то за время пребывания С. Ю. Витте на посту министра финансов их ежегодное финансирование увеличилось в 59 (!) раз и достигло к 1903 г. размера в 10 341 916 рублей (*Бан Ил Квон.* Победоносцев и распространение церковно-приходских школ в 1884–1904 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000. С. 288–289, 312).

22. В 1898–1899 гг. происходила полемика С. Ю. Витте с министром внутренних дел И. Л. Горемыкиным, выступавшим за введение земства в Западном крае и Архангельской, Астраханской, Оренбургской и Ставропольской губерниях. Позиция С. Ю. Витте по данному вопросу была обоснована в двух записках (наибольшую известность получила вторая из них), содержавших принципиальную критику земства как института. Критическое отношение к земству С. Ю. Витте мотивировал настолько же политическими, насколько и чисто функциональными соображениями, тем, что в деятельности земства появились «такие недостатки и такие темные стороны, отрицать которые не могут даже самые горячие его защитники». «Стесненное правительственной регламентацией, незаконченное в своей организации, — писал он, — земство, несомненно, стало весьма плохим средством управления». С. Ю. Витте признавал, что в этом виновато не только земство, но и государство, считая, что «спор попадал в заколдованный круг: земство стало плохим средством управления потому, что оно стеснено, его надо стеснить потому, что оно стало плохим средством управления». Между тем, «выход из этого круга», т. е. приведение верховной власти в соответствие с началом самоуправления путем дарования конституции, был «очень прост». Однако одни его «не видели», а другие, составлявшие большинство, «не желали видеть или опасались указывать». «Земство, — полагал С. Ю. Витте, — пришло в упадок, бесспорно, потому, что поставлено было правительством в ненормальные условия, но изменить эти условия, дать ему свободу без последующего изменения самодержавного строя государства было нельзя» (*Bumme С. Ю.* Самодержавие и земство. С. 91, 92). Таким образом, на критическое отношение С. Ю. Витте к земству влияла, в конечном счете, его приверженность идеалу неограниченной монархии. Принимая во внимание не только политические, но и фискальные соображения, С. Ю. Витте выступал за сужение финансовой базы земства путем ограничения роста земского обложения и усиление контроля за ним со стороны государства. Данные цели преследовали изданные по его инициативе законы 8 июня 1893 г., 18 января 1899 г. и 12 июня 1900 г. Подробнее об этом см.: *Куликов С. В.* С. Ю. Витте и земство. Взаимодействие государства и гражданского общества в России конца XIX — начала XX века // Правовые состояния и взаимодействия: историко-теоретический, отраслевой и межотраслевой анализ: Материалы VII междунар. науч.-теорет. конф. С.-Петербург, 1–2 декабря 2006 года. СПб., 2006. Ч. 2. С. 363–372.

23. Имеется в виду Февральская революция 1917 г. и период правления Временного правительства.

24. Одновременно с подписанием в Москве 22 мая (3 июня) 1896 г. соглашения между Россией и Китаем об образовании русско-китайского союза вступил в силу контракт правительства Поднебесной империи с Русско-Китайским банком на постройку Китайской восточной железной дороги, которая, спрямляя Сибирскую железную дорогу, должна была пройти по северо-восточной части Маньчжурии. Окончательный вариант контракта, подписанный 27 августа 1896 г., подразумевал срок концессии в 80 лет, причем территория КВЖД, полоса отчуждения, признавалась экстерриториальной.

25. В связи с обострением внутривосточной борьбы в Корее ее император Коджон с наследником с февраля 1896 по февраль 1897 г. укрывались в Российской миссии в Сеуле, поэтому на данный период пришелся апогей влияния России в Корее. Однако под давлением англо-японской партии 28 февраля (12 марта) 1898 г. Коджон объявил посланнику в Корее А. Н. Шпейеру, что эта страна «может обойтись без поддержки России». В результате уже 21 апреля (3 мая) русские военные инструкторы и финансовый советник К. А. Алексеев получили из Петербурга повеление о выезде из Кореи (*Пак Чон Хё*. Русско-японская война. С. 25–26).

Глава 5

1. Речь идет об англо-бурской войне 1899–1902 гг., сторонами в которой были Великобритания и южноафриканские республики Трансвааль и Оранжевая, населенные бурами — потомками голландских колонистов. Война началась с поражений англичан, однако после прибытия в Южную Африку подкреплений Великобритании одержала победу и включила бурские государства в свою колониальную империю.

2. Подразумевается союз Англии, России и Франции, окончательно оформленный в 1907 г. и получивший название «Антанта».

3. Вероятно, имеются в виду события, вызванные беседой германского императора Вильгельма II с российским послом в Германии бароном Н. Д. фон дер Остен-Сакеном, имевшей место 31 декабря 1899 г. (13 января 1900 г.) Во время беседы кайзер отметил, что в связи с англо-бурской войной возникли условия для обуздания «империалистических притязаний Англии», которые более не повторятся. Учитывая позицию Германии, министр иностранных дел М. Н. Муравьев 27 февраля 1900 г. прозондировал правительство Франции относительно возможности совместного с Германией посредничества в целях «прекращения кровопролития». Французский кабинет одобрил идею М. Н. Муравьева, и по его предложению 3 марта 1900 г. Н. Д. фон дер Остен-Сакен обратился к германскому правительству по поводу посредничества, однако к этому времени Германия решила отказаться от активности в данном вопросе (*История дипломатии*. 2-е изд. Т. 2. М., 1963. С. 472–475).

4. Под «великодушным почином» подразумевается инициатива Николая II, по повелению которого 12 (24) августа 1898 г. министр иностранных дел М. Н. Муравьев передал всем находившимся в Петербурге представителям иностранных держав специальное циркулярное сообщение, предлагавшее начать подготовку международной конференции для ограничения роста вооружений и упрочения всеобщего мира. «Положить предел непрерывным вооружениям, — говорилось в сообщении, — и изыскать средства предупредить угрожающие всему миру несчастья — таков ныне высший долг для всех государств. Преисполненный этим чувством, государь император повелеть мне соизволил обратиться к правительствам государств, представители коих аккредитованы при высочайшем дворе, с предложением о созывании конференции в видах обсуждения этой важной задачи». Идеи этого документа получили развитие в циркуляре М. Н. Муравьева тем же адресатам от 30 декабря 1898 г. Результатом инициативы Николая II стала Первая конференция мира, открывшаяся в Гааге 6 (18) мая и работавшая до 17 (29) июля 1899 г. Участники конференции подписали три конвенции (о мирном решении международных столкновений, о законах и обычаях сухопутной войны и о регулировании законов и обычаев морской войны) и три декларации (о воспрещении метать снаряды с воздуха, употреблении химического оружия и разрывных пуль). Ключевое значение имела конвенция о мирном решении международных столкновений, на основе которой была создана Постоянная палата третейского суда. Подробнее об этом см.: *Рыбаченок И. С.* Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге. М., 2005.

Глава 6

1. Согласно конвенции 15 (27) марта 1897 г. между Россией и Китаем, последний соглашался распространить концессию Общества Китайской восточной железной дороги (КВЖД) на соединительную ветку до Даляньваня (Дальнего) — Южную Маньчжурскую железную дорогу (ЮМЖД). Контракт на сооружение этой ветки был подписан 24 июня того же года. Одновременно Общество КВЖД учредило Восточную компанию океанского пароходства со штаб-квартирой в Дальнем.

2. Боксерское восстание (восстание ихэтуаней) — массовое народное движение китайцев, имевшее антизападный и антихристианский характер. Символом восставших было изображение кулака, поэтому европейцы и называли их боксерами. Восстание происходило в 1898–1901 гг., причем его пик пришелся на лето 1900 г., когда боксеры осадили посольский квартал в Пекине, и было подавлено благодаря действиям интернационального военного отряда, сформированного Англией, Германией, Францией и другими западноевропейскими державами, а также Россией, США и Японией.

3. Данный эпизод явно взят из воспоминаний графа С. Ю. Витте. Ср.: Из архива С. Ю. Витте. Т. 1. Кн. 2. С. 579–580.

4. Россия оккупировала Маньчжурию для обеспечения безопасности КВЖД, поскольку ее отдельные участки были разрушены восставшими. Некоторые государственные деятели Российской империи, в т. ч. военный министр А. Н. Куропаткин, выступали за продолжение оккупации как можно дольше, с тем, чтобы в перспективе присоединить северо-восток Маньчжурии к России, сделав ее Желтороссией. Однако по причине протеста великих держав против оккупации царское правительство было вынуждено 26 марта (8 апреля) 1902 г. подписать с Китаем соглашение о поэтапном выводе русских войск, который должен был завершиться в сентябре 1903 г.

5. Всемирная выставка в Париже проходила в апреле 1900 г.

Глава 7

1. Имеется в виду Александровский лицей, который, действительно, специализировался на подготовке будущих дипломатов и «широко открывал двери» для заграничной службы. Кроме него, дипломатов готовило и Училище правоведения. Окончание этих двух учебных заведений давало право на зачисление по МИД. Лиценсты и правоведа при поступлении на службу «немедленно, — вспоминал Ю. Я. Соловьев, — получали небольшое жалование (правда, оно ограничивалось 18 рублями в месяц). Вообще, причисленные к Министерству иностранных дел первое время служили безвозмездно; таким образом, доступ туда был открыт лишь сыновьям более или менее состоятельных родителей». В МИД, указывал этот мемуарист, «у меня никаких связей не было, но окончание лицея, в особенности с первой золотой медалью, очень облегчило мне первые шаги» (*Соловьев Ю. Я.* Воспоминания дипломата. С. 25–26).

2. Ср. с записью от 14 апреля 1902 г. в дневнике А. А. Половцова, который сообщает, что в 1901 г. В. Н. Ламздорф «просил о назначении церемониймейстером секретаря своей канцелярии Савинского. Ламздорфу было отказано по настоянию обер-церемониймейстера графа Гендрикова. Когда он получил от министра Двора уведомление, что Савинский назначен церемониймейстером, то граф немедленно отправил Фредериксу просьбу об увольнении» (*Дневник А. А. Половцова // Красный архив. 1923. Т. 3. С. 137*).

3. Подразумевается Портсмутский мирный договор 1905 г., оформивший окончание русско-японской войны 1904–1905 гг.

За. Инициалы указаны В. Б. Лопухиным ошибочно, правильно: И. А. Иванов. (Комментарии Д. Н. Шилова).

4. «Торгово-промышленная газета» — ежедневная газета, выходившая в 1893–1917 гг. в Петербурге.

«Русские ведомости» — ежедневная газета либерального направления, издававшаяся в 1863–1917 гг. в Москве.

«Московские ведомости» — ежедневная газета, выходившая в 1756–1917 гг. в Москве и в конце XIX — начале XX в. являвшаяся главным органом консерваторов.

5. В данном случае В. Б. Лопухин допустил явную передержку — термин «черносо-тенец» появился и получил широкое распространение, по крайней мере, только в 1905 г., когда возникли массовые консервативные организации.

6. Н. П. Боголепов был ранен 14 февраля 1901 г.

7. Подразумевается группа лиц, руководимая статс-секретарем его величества (с 1903 г.) А. М. Безобразовым, близкая к Николаю II и оказывавшая влияние на дальневосточную политику России конца XIX — начала XX в. В группу, начавшую складываться в 1898 г., в разное время входили контр-адмирал А. М. Абаза, великий князь Александр Михайлович (до 1900 г.), адмирал Е. И. Алексеев (до 1903 г.), один из директоров Невского судостроительного завода М. О. Альберт, егермейстер И. П. Балашев, генерал К. И. Вогак, отставной гвардейский офицер В. М. Воляжлярский, член Государственного совета граф И. И. Воронцов-Дашков (до 1900 г.), дворцовый комендант П. П. Гессе, отставной гвардейский офицер А. И. Звезгинцев, член Государственного совета граф А. П. Игнатьев, полковник А. И. Мадритов, бывший генеральный консул России в Корее Н. Г. Матюнин, министр внутренних дел В. К. Плеве (с 1902 г.), отставной гвардейский офицер М. В. Родзянко, генерал князь Ф. Ф. Юсупов, граф Сумароков-Эльстон и др. Непосредственная цель безобразовцев состояла в фактическом подчинении России Северной Корее через организацию на ее территории фиктивных коммерческих предприятий, противником чего являлся С. Ю. Витте, полагавший, что усиление влияния России в Корее вызовет недовольство Японии и приведет к русско-японской войне. Союзниками С. Ю. Витте в противостоянии безобразовской клике были военный министр А. Н. Куропаткин и министр иностранных дел граф В. Н. Ламздорф. Безобразовцы считали С. Ю. Витте своим главным антагонистом и выступали за его отставку, причем сложность отношений между ними предопределялась тем, что организованные группой предприятия существовали на Дальнем Востоке наряду с предприятиями Министерства финансов и носили такой же мнимо коммерческий характер, как и виттевские. Спор между С. Ю. Витте и безобразовцами возник не по поводу разных методов дальневосточной политики, а по поводу того, кому должна принадлежать монополия в реализации этой политики — министр финансов хотел, чтобы предприятия конкурентов контролировал зависимый от него Русско-Китайский банк. Основным из предприятий безобразовцев стала лесопромышленная концессия на реке Ялу в Корее, с 1901 г. принадлежавшая Русскому лесопромышленному товариществу на Дальнем Востоке, в правление которого входили члены группы. В 1900 г. безобразовцы выдвинули проект создания Восточно-азиатской промышленной компании и внесли ее Устав в Комитет министров, однако С. Ю. Витте, сославшись на боксерское восстание в Китае, добился разрешения Николая II «не вносить это дело в Комитет, покуда не успокоятся события на Дальнем Востоке». Впрочем, в апреле 1901 г. С. Ю. Витте отнесся «сочувственно» к идее образования компании, и в январе 1903 г. открыл А. М. Безобразову кредит в 2 000 000 рублей (*Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 320). Весной 1902 г. при поддержке С. Ю. Витте было создано Маньчжурское горное товарищество, с которым в 1903 г. объединилось Русское лесопромышленное товарищество. Неоднозначный характер отношений министра финансов и безобразовцев выразился на двух заседаниях Особого совещания под председательством Николая II по делам Дальнего Востока. На первом заседании, 26 марта 1903 г., рассматривался вопрос о превращении предприятия на Ялу в акционерное общество, причем С. Ю. Витте, как и другие министры, поддержал данную идею, в связи с чем В. И. Гурко отмечал: «если

признавать, что непосредственной причиной войны с Японией явилась эксплуатация нами лесов поблизости от устьев Ялу, то виновны в этом все министры, участвовавшие в совещании 26 марта 1903 г., а больше других тот же Витте, а отнюдь не Плеве, как это Витте впоследствии всюду утверждал» (Там же. С. 329, 330, 331). Второе заседание Особого совещания, 7 мая 1903 г., обсуждало записку К. И. Вогака, содержавшую обоснование «нового курса». К. И. Вогак полагал, что русская «политика уступок» Японии в Корею «приведет к войне», а потому надо ее «окончить». На заседании С. Ю. Витте и В. Н. Ламздорф, по сведениям А. Н. Куропаткина, подтверждаемым журналом заседания, «сдали» и «поклонились новым светилам — Безобразову и Вогаку, которые доминировали» (*Куропаткин А. Н. Пролог маньчжурской трагедии // Русско-японская война: Из дневников А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевица. Л., 1925. С. 9, 20, 21, 22, 23, 33*). Результатом победы безобразовского курса стали назначение дальневосточным наместником Е. И. Алексеева и создание Особого комитета под председательством Николая II по делам Дальнего Востока. А. М. Безобразов являлся его членом, А. М. Абаза — членом и управляющим делами Комитета, Н. Г. Матюнин — помощником управляющего делами. Еще одним итогом победы безобразовцев стало переименование С. Ю. Витте в августе 1903 с поста министра финансов на пост председателя Комитета министров. Только выйдя из игры, он заявил себя открытым противником безобразовской группы, считая ее виновницей русско-японской войны 1904–1905 гг. Между тем, В. И. Гурко полагал, что «первым виновником» был С. Ю. Витте, поскольку «именно он втравил Россию во всю дальневосточную авантюру» (*Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. С. 342, 343*). С началом в январе 1904 г русско-японской войны деятельность безобразовской группы отошла на второй план, концентрируясь в Совещании под председательством А. П. Игнатьева для обсуждения вопросов по финансовым, промышленным и хозяйственным предприятиям России на Дальнем Востоке (январь–июнь 1904 г.), членами которого являлись А. М. Абаза, В. М. Вонлярлярский, Н. Г. Матюнин. Руководитель группы, проживая в Швейцарии, сосредоточился на собирании компромата на С. Ю. Витте (Безобразовский кружок летом 1904 г. // Красный архив. 1926. Т. 4 (17). С. 73, 74, 75). Безобразовцы, никогда не имевшие постоянного состава и стабильного влияния, постепенно теряли свое значение в связи с поражениями в ходе русско-японской войны. По окончании войны группа окончательно распалась, однако ее отдельные члены, прежде всего сам А. М. Безобразов, а также В. М. Вонлярлярский, приняли участие в «битве документов», которую вел С. Ю. Витте в целях реабилитации политики, проводившейся им на Дальнем Востоке во время пребывания на посту министра финансов. См. об этом: *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. С. Ю. Витте и издательская деятельность «безобразовского кружка» // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX века: Сб. науч. тр. Вып. 4. Л., 1989. С. 59–84; Лукоянов И. В. The Bezobrazovtsy // The Russo-Japanese war in global perspective. World War Zero. Boston, 2005.*

8. Пребывание в Петербурге наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда длилось с 25 по 30 января 1902 г.

9. «Гражданин» — политическая и литературная газета-журнал. Издавался в 1872–1879 и 1882–1914 гг. в Петербурге. Выходил в 1872–1879, 1883–1884 и 1911–1914 гг. еженедельно, в 1882, 1885–1886 и 1897–1909 гг. — 2 раза, в 1887 г. — 3 раза в неделю, в 1888–1895 гг. — ежедневно. Основатель, издатель и главный автор — князь В. П. Мещерский. Редакторы — Г. К. Градовский (1872), Ф. М. Достоевский (1873–1874), В. Ф. Пуцыкович (1874–1879), В. П. Мещерский (1882–1906) и М. Н. Назаров (1906–1914). Первоначально издавался на частные пожертвования при поддержке наследника престола великого князя Александра Александровича (будущего императора Александра III). В 1876–1878 гг., в связи с критикой внешней политики правительства Александра II, «Гражданин» получил несколько предостережений и неоднократно приостанавливался, в 1879 г. его издание было прекращено. С 1882 по 1895 г. по повелению Александра III В. П. Мещерский на издание «Гражданина» ежегодно получал 80 000–100 000 рублей, по другим данным — 36 000, а с 1888 г. — 62 000 рублей (РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 450. Л. 10. Письмо

В. П. Мещерского С. Ю. Витте, 14 мая 1895 г.). По вступлении на престол, в октябре 1894, Николая II он не только отверг просьбу В. П. Мещерского о повышении ежегодной субсидии до 90 000 рублей, но и решил вообще прекратить финансирование «Гражданина». По совету С. Ю. Витте царь согласился выдать В. П. Мещерскому 80 000 рублей, но велел министру финансов предупредить князя, что деньги выдаются ему в последний раз. В 1895 г. В. П. Мещерский через С. Ю. Витте ходатайствовал перед императором о получении 66 000 рублей (30 000 от Минфина, 36 000 — от МВД), но Николай II отказал опять (ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1204. Л. 3–5. Письмо С. Ю. Витте Николаю II, 17 мая 1904 г.). С 1902 г., по инициативе министра внутренних дел Д. С. Сипягина, одобренной царем, В. П. Мещерский начал получать от С. Ю. Витте по 18 000 рублей в год, причем при сменяющихся министрах финансов размер этой субсидии оставался неизменным.

Глава 8

1. Имеется в виду Никольский собор в Петербурге, до сих пор являющийся главным храмом Военно-морского флота России.

2. Речь идет о следующем издании: Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на ... [1765–1796, 1802–1916] г. СПб.; Пг., 1765–1916. Адрес-календарь издавался ежегодно и состоял из двух частей, первая из которых содержала информацию о высшем и центральном, а вторая — о провинциальном чиновничестве.

3. О пересмотре Устава Военно-медицинской академии в 1902 г. см.: *Скориченко Г. Г.* Императорская Военно-медицинская (медико-хирургическая) академия: Ист. очерк. Ч. 2. СПб., 1910.

4. Подразумевается написанная в 1903 г. картина И. Е. Репина «Торжественное заседание Государственного совета 7 мая 1901 г., в день столетнего юбилея со дня его учреждения». В написании этой картины, хранящейся в Государственном русском музее, И. Е. Репину помогали его ученики — И. С. Куликов (левая часть) и Б. М. Кустодиев (правая часть) (Государственный русский музей. Живопись. XVIII — начало XX в. Каталог. Л., 1980. С. 251–253).

5. Реформирование Государственного совета произошло в феврале 1906 г., после чего, с апреля этого года до февраля 1917, он функционировал как верхняя палата законодательного народного представительства, причем одна половина его членов назначалась императором, а другая — выбиралась отдельными корпорациями.

6. Д. С. Сипягин был смертельно ранен 2 апреля 1902 г.

7. Речь идет о следующем произведении Д. П. Голицына-Муравлина: Сон Услады: Сказка-шутка в 3-х д. // Свет: Сб. романов и повестей. Т. 4. СПб., 1902.

8. «Новое время» — ежедневная «политическая и литературная» газета, основанная А. С. Сувориным и выходившая в 1863–1917 гг. в Петербурге. Являлась органом консервативно-либерального направления.

9. Формально С. В. Рухлов являлся сыном губернского секретаря, который, однако, происходил из крестьян (*Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. С. 575).

Глава 9

1. Главное управление торгового мореплавания и портов, на правах министерства, было учреждено 7 ноября 1902 г. В состав нового ведомства, возглавленного великим князем Александром Михайловичем, из Министерства финансов передали отдел торгового мореплавания, Совет по делам торгового мореплавания и Комитет по портовым делам,

из МПС — отдел торговых портов. Кроме того, подразделениями Главного управления являлись Совет главноуправляющего торговым мореплаванием и портами, Технический совет, канцелярия главноуправляющего (с июня 1903 г.) и архив при ней, Учебный комитет по мореходному образованию и Комитет по делам о выдаче ссуд на приобретение морских торговых судов (оба — с мая 1904 г.). В октябре 1905 г. Главное управление торгового мореплавания и портов вошло в состав вновь образованного Министерства торговли и промышленности (Высшие и центральные государственные учреждения России. Т. 2. СПб., 2001. С. 196–198).

2. Речь идет об утвержденном императором 2 июня 1903 г. законе «О вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств в предприятиях фабрично-заводской, горной и горно-заводской промышленности». Закон предусматривал установление страхования рабочих от несчастных случаев за счет предпринимателей и введение в течение 5 лет, с 1 января 1904 г., закона об обязательном страховании.

3. В данном случае подразумевается так называемая зубатовщина — политика полицейского социализма, проводившаяся в России по инициативе начальника Московского охранного отделения С. В. Зубатова, которому в конце XIX — начале XX в. покровительствовали московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович, московский обер-полицмейстер Д. Ф. Трепов и министр внутренних дел В. К. Плеве. В русле этой политики, в целях легального решения рабочего вопроса, по инициативе охранных отделений, местных учреждений Департамента полиции, создавались профессионально-просветительные организации рабочих, контролировавшиеся его агентами. Попытки московской полиции регулировать отношения между рабочими и фабрикантами в пользу первых имели место еще в 1898 г. В 1901 г. С. В. Зубатов изложил в особой записке Д. Ф. Трепову, поданной им Сергею Александровичу, идею создания легальных организаций рабочих под контролем полиции с целью улучшения их быта и отвлечения пролетариата от влияния на него революционных учений. В том же году в Москве возникли две первые зубатовские организации — общества взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве и ткачей. В 1902–1903 гг. подобные объединения были созданы также в Киеве, Минске, Николаеве, Одессе и Харькове. Кроме того, С. В. Зубатов инспирировал создание Независимой еврейской рабочей партии, которая появилась в конце 1901 г. и рекрутировала рабочих Северо-Запада. В ознаменование 41-й годовщины отмены крепостного права 19 февраля 1902 г. зубатовские организации провели в Москве невиданную по размаху патриотическую манифестацию около памятника Александру II в Кремле. С. Ю. Витте оценивал зубатовщину крайне отрицательно. В январе 1902 г. он раскритиковал Сергея Александровича за приверженность принципу, что «реформы должны идти сверху, а не снизу», и насаждение «полицейского социализма» (*Половцов А. А. Дневник*. С. 108). Между тем, косвенно С. Ю. Витте был одним из виновников появления зубатовщины, поскольку, как министр финансов, в ведении которого находился рабочий вопрос, уделял его решению слишком мало внимания. Подразумевая конец XIX — начало XX в., В. И. Гурко писал, что «отсутствие в то время отвечающего условиям времени и развивающейся промышленности рабочего законодательства, а также вялость деятельности Фабричной инспекции, <...> невольно наталкивали лиц, отвечающих за сохранение спокойствия в стране, на принятие таких мер, которые, по существу, отнюдь не входили в круг их деятельности» (*Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого*. С. 140). С назначением С. В. Зубатова в 1902 г. начальником Особого отдела Департамента полиции он начал насаждать свою систему и в Петербурге, однако зубатовщина способствовала не канализированию, а дальнейшему развитию рабочего движения. В 1902 г. зубатовские организации, поддерживаемые полицией в противовес Фабричной инспекции, организовали стачки на московских фабриках, а также в Минской губернии, в июле 1903 г. — всеобщую забастовку фабрично-заводских и портовых рабочих Одессы. Хотя тогда же С. В. Зубатов получил отставку, зубатовщина продолжалась и после его отставки. В феврале 1904 г.

с разрешения МВД был утвержден устав Собрания русских фабрично-заводских рабочих С.-Петербурга во главе со священником Г. А. Гапоном. Подробнее о зубатовщине см.: *Корелин А. П.* Русский «полицейский социализм» // Вопросы истории. 1968. № 10; *Власть и реформы. От самодержавной к советской России.* СПб., 1996; *Потолов С. И.* 1) Петербургские рабочие и интеллигенция накануне революции 1905–1907 гг.: «Собрание фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга» // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 — февраль 1917. СПб., 1997; 2) *Георгий Гапон и либералы (новые документы)* // Россия в XIX–XX вв.: Сб. ст. к 70-летию со дня рождения Рафаила Шоломовича Ганелина. СПб., 1998.

4. В. К. Плеве был убит 15 июля 1904 г., а великий князь Сергей Александрович — 4 февраля 1905 г.

5. Данное предположение В. Б. Лопухина ошибочно, поскольку С. Ю. Витте являлся премьером с октября 1905 по апрель 1906 г., а несостоявшаяся попытка покушения на него, организованная крайне правыми, относится к январю 1907 г. См.: Письмо Витте Столыпину от 3 мая 1910 г. Царь-заговорщик. Союз русского народа и граф Витте // Суд идет. 1926. № 19. С. 1154–1170; № 20. С. 1223–1231; № 21. С. 1308–1316; Особые журналы Совета министров Российской империи, 1909–1917 гг. 1911 год. М., 2002.

6. В конце 1908 г. А. А. Лопухин, будучи за границей, сообщил о провокаторстве Е. Ф. Азефа эсеровскому публицисту В. Л. Бурцеву, что стало известно Департаменту полиции. После возвращения в Петербург 19 января 1909 г. А. А. Лопухин был арестован и предан суду Особого присутствия Сената под председательством сенатора В. Н. Варварина по обвинению в оказании эсерам «существенного содействия» разоблачением Е. Ф. Азефа. Свой поступок А. А. Лопухин мотивировал желанием добиться пресечения террористической деятельности Е. Ф. Азефа. Тем не менее, 1 мая 1909 г. А. А. Лопухин был приговорен к лишению всех прав состояния и пятилетней ссылке на каторжные работы. Общее собрание Сената заменило каторгу ссылкой на поселение, которую А. А. Лопухин отбывал в Красноярске. См.: Дело А. А. Лопухина в Особом присутствии Правительствующего сената: Стеногр. отчет. СПб., 1910. По повелению Николая II от 4 декабря 1912 г. А. А. Лопухин был помилован и восстановлен во всех правах.

7. Речь идет о Первой мировой войне 1914–1918 гг.

8. Проект Положения об учреждениях мелкого кредита, рассматривавшийся Государственным советом в 1903 г., стал законом 7 июня 1904 г.

9. Имеется в виду образованное Николаем II 23 января 1902 г. под председательством С. Ю. Витте Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, роль которого В. Б. Лопухин оценивал, явно находясь под влиянием воспоминаний С. Ю. Витте. Министр финансов действительно привлек земских деятелей к работе Особого совещания, впрочем, на нерегулярной основе. В 1902–1904 гг. в качестве приглашенных с совещательным голосом в нем участвовали 5 председателей земских управ, а его членом являлся председатель Петербургской губернской земской управы Н. Л. Марков. Из 531 местного комитета Особого совещания в 49 комитетов были приглашены земские гласные и, как общее правило, во всех комитетах участвовали председатель и члены губернских и уездных земских управ. В начале 1902 С. Ю. Витте обратился с просьбой к некоторым земским деятелям, в частности — В. Ю. Скалону, взять на себя разработку вопросов, включенных в программу занятий Особого совещания. К работе созданной в ноябре 1901 г. и функционировавшей в дальнейшем как подкомиссия совещания Комиссии Центра (Комиссия по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния среднземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России) были привлечены земские деятели 18-ти губерний. Тем не менее, в представленной в октябре 1903 г. «Записке земцев в Комиссию Центра», которая стала первой легальной публикацией точки зрения земской оппозиции, они подвергли критике политику не В. К. Плеве, а С. Ю. Витте, обвиняя его в недостатке внимания к развитию сельского хозяйства (Народное хозяйство. 1903. № 6. С. 201–223). Создав Особое совещание о нуждах сельско-

хозяйственной промышленности, царь, однако, поручил курировать аграрные реформы В. К. Плеве, который в 1902–1904 гг., в отличие от С. Ю. Витте, способствовал реальному проведению аграрных реформ. При МВД функционировала Редакционная комиссия по пересмотру законодательства о крестьянах, разработавшая соответствующие проекты. В своих воспоминаниях С. Ю. Витте критиковал деятельность Редакционной комиссии, но ранее он оценивал ее вполне позитивно. По признанию С. Ю. Витте, Комиссия поставила вопросы «по крестьянскому делу» «настолько удачно, что ими исчерпываются почти все основные положения, которые остановили на себе главное внимание местных комитетов» Особого совещания, вследствие чего С. Ю. Витте предлагал его членам высказаться «по тем принципиальным вопросам, которые поставлены выработанной в МВД программой» (*Vumme С. Ю.* Записка по крестьянскому делу. СПб., 1905. С. 143, 144). В. К. Плеве стал одним из авторов Манифеста 26 февраля 1903 г., объявившего о необходимости полной отмены круговой поруки, и инициатором издания Временных правил 6 июня 1904 г. о добровольном переселении крестьян в Сибирь и на Дальний Восток. Противопоставляя свою позицию относительно цели аграрных реформ позиции В. К. Плеве, С. Ю. Витте вспоминал, что являлся решительным противником общины, хотя в действительности его позиция носила конформистский характер, ибо даже в конце 1904 г. С. Ю. Витте полагал, что «принцип неприкосновенности общины» должен быть не упразднен, а лишь «совмещен с возможностью выхода из нее отдельных крестьян» (Там же. С. 62), против чего не высказывался и В. К. Плеве. См.: *Симонова М. С.* Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции. М., 1987; *Власть и реформы; Дякин В. С.* Деньги для сельского хозяйства. 1892–1914 гг.: Аграрный вопрос в экономической политике царизма. СПб., 1997.

10. В данном случае В. Б. Лопухина подвела память: Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности закрыли в марте 1905 г., между тем как В. К. Плеве был убит в июле 1904 г. Судьбу Особого совещания предопределили интриги группы сановников, возглавляемой И. Л. Горемыкиным, который перехватил у С. Ю. Витте инициативу в подготовке аграрных реформ, возглавив, одновременно с упразднением виттевского совещания, Особое совещание по вопросам о мерах к укреплению крестьянского землевладения.

11. Пренебрегая значение поста председателя Комитета министров, В. Б. Лопухин также следует за воспоминаниями С. Ю. Витте. На самом деле степень влиятельности Комитета министров напрямую зависела от личных качеств сановника, являвшегося председателем этой коллегии. При предшественнике С. Ю. Витте, И. Н. Дурново, Комитет министров, по воспоминаниям одного из чиновников его канцелярии, «сошел почти на нет. Определенной компетенции у него не было, так как все министры сохраняли отдельный доклад у государя и вносили на разрешение Комитета только то, что сами хотели. Но при Витте все завертелось иначе. Комитет ожил. Множество дел, и крупных и мелких, стали в него поступать, и все эти дела оказывались при Витте спешными». С назначением С. Ю. Витте председателем Комитета министров «вся жизнь Комитета и его канцелярии резко изменилась». «Текущие мелочи управления» С. Ю. Витте «не интересовали. Зато по любому поводу возникали при нем крупные политические вопросы, и он любил, при предварительных докладах канцелярии, сам возбуждать такие вопросы и узнавать по ним мнения своих сотрудников. В заседаниях он не раз перебивал других министров, когда они высказывали трафаретные правые мысли, и замечал: “Такие речи, ваше превосходительство, хорошо произносить в Петербурге и во дворцах, а в России они встречают совершенно другой отклик»» (*Тхоржевский И. И.* Последний Петербург: Воспоминания камергера. СПб., 1999. С. 46, 62).

12. Учреждение Дальневосточного наместничества и назначение Е. И. Алексева наместником произошли 30 июля 1903 г. См. комментарий 15 к главе 1.

13. Налицо несомненная вариация на тему из воспоминаний С. Ю. Витте. Ср.: Из архива С. Ю. Витте. Т. 1. Кн. 2. С. 618.

14. Поездка А. Н. Куропаткина на Дальний Восток, в ходе которой он посетил и Японию, относится к маю-июлю 1903 г.

15. Характеризуя деятельность группы А. М. Безобразова, А. Н. Куропаткин отмечал: «Задавшись целью, опираясь на деятельность Лесного товарищества на Ялу, создать какой-то “заслон” со стороны возможного нападения на нас Японии, Безобразов и его единомышленники придали в 1902–1903 гг. своей деятельности на р. Ялу весьма тревожный характер». А. М. Безобразов просил Е. И. Алексеева отправить на корейскую территорию 600 переодетых солдат из состава подчиненных ему войск, организовать отряд из хунхузов (китайцев) в 3 000 человек, подкрепить действия агентов лесного предприятия высылкой на Ялу в Шахецзы четырех охотничьих команд в 600 конных стрелков и, наконец, занять Фынхуанчен отдельным отрядом войск. Е. И. Алексеев удовлетворил пожелания А. М. Безобразова не полностью, согласившись только на высылку в Шахецзы одной охотничьей команды в 150 конных стрелков и выдвижение на Фынхуанчен казачьего полка с орудиями, однако и эти меры вызвали недовольство Японии (*Куропаткин А. Н. Русско-японская война. 1904–1905. Итоги войны.* СПб., 2003. С. 155).

16. Одним из плодов недовольства великих держав нарушением Россией принципа «открытых дверей» в Маньчжурии стал англо-японский союз, оформленный 30 января 1902 г. и обеспечивавший внешнеполитический тыл Японии в 1904–1905 гг., т. е. во время ее войны с Россией.

Глава 10

1. Речь идет о Первой мировой войне 1914–1918 гг.

2. Сын Николая II Алексей родился 30 июля 1904 г. См.: *Кузьмин Ю. А. Российская императорская фамилия. 1797–1917: Биобиблиогр. справ.* СПб., 2005. С. 107.

3. В действительности важнейшим итогом деятельности князя П. Д. Святополк-Мирского на посту министра внутренних дел явился царский указ 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», который провозгласил программу либеральных реформ, остававшуюся официальной программой правительства вплоть до Февральской революции 1917 г. Эта программа подразумевала укрепление законности, независимости судов и неприкосновенности личности, расширение компетенции и избирательной базы органов земского и городского самоуправления, создание волостного земства, решение крестьянского, рабочего, вероисповедного и национального вопросов, установление свободы печати. Появление Указа сопровождалось ухудшением внешнеполитического положения России, вызванным поражениями в ходе русско-японской войны 1904–1905 гг., и обострением внутривнутриполитического положения, в связи с чем усилилось либеральное движение. Так, 6–7 ноября 1904 г. в Петербурге заседал Общеземский съезд, выдвинувший программу реформ, которая подразумевала в т. ч. и введение народного представительства. Идя навстречу либеральному движению, П. Д. Святополк-Мирский представил Николаю II 24 ноября 1904 г. всеподданнейший доклад, основные положения которого совпадали с программой оппозиции, причем в докладе рекомендовалось ввести выборных в Государственный совет (Всеподданнейший доклад министра внутренних дел П. Д. Святополк-Мирского 24 ноября 1904 г. // *Река времен: Кн. истории и культуры. Кн. 5. М., 1996*). Этот доклад и стал непосредственной причиной появления Указа, воспроизводившего основные положения доклада. Для обсуждения доклада и способа осуществления предложенных в нем мер П. Д. Святополк-Мирский рекомендовал Николаю II созвать совещание министров и других высокопоставленных сановников, заседания которого проходили 2 и 8 декабря 1904 г. в Царском Селе под председательством Николая II. В ходе совещания С. Ю. Витте перехватил инициативу в проведении реформ у П. Д. Святополк-Мирского, поскольку составление Указа

было поручено не министру внутренних дел, а председателю Комитета министров. На совещании С. Ю. Витте выступил, также, против пункта о включении выборных в Государственный совет, признав, что остальные предложения П. Д. Святополк-Мирского «заслуживают полного внимания» (*Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого. С. 363). Более того, 11 декабря 1904 г., в присутствии своего единомышленника по данному вопросу, великого князя Сергея Александровича, С. Ю. Витте посоветовал императору вычеркнуть пункт о выборных, что он и сделал. Тем не менее, в остальном текст Указа, разбитого на восемь пунктов и поручавшего их выполнение Комитету министров, т. е. С.Ю. Витте, сохранился без изменений. Подробнее о подготовке Указа и его проведении см.: *Ганелин Р. III.* Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991; *Власть и реформы; Ананьич Б. В., Ганелин Р. III.* Сергей Юльевич Витте и его время.

4. Решение о посылке на Дальний Восток 2-й Тихоокеанский эскадры, сформированной из кораблей Балтийского флота, было принято 11 августа 1904 г. на Особом совещании под председательством Николая II и уже 2 октября она вышла из Либавы. Сформировать 3-ю Тихоокеанскую эскадру царское правительство решило после падения Порт-Артура в декабре 1904 г. и гибели 1-й Тихоокеанской эскадры. 3-я эскадра вышла из Либавы 3 февраля 1905 г. Соединение 2-й и 3-й эскадр произошло 26 апреля (История русско-японской войны 1904–1905 гг. М., 1977. С. 324–332).

Глава 11

1. Демонстрации столичных рабочих 9 января 1905 г. были организованы созданным в феврале 1904 г. с разрешения МВД Собранием русских фабрично-заводских рабочих С.-Петербурга во главе со священником Г. А. Гапоном, который пользовался поддержкой С. Ю. Витте. В мае 1905 г. А. В. Богданович отмечала: «всем известно, что Гапону протезировал Витте» (*Богданович А. В.* Три последних самодержца. С. 348). Демонстрациям предшествовала забастовка, начавшаяся 3 января 1905 г. и переросшая во всеобщую стачку. По инициативе Г. А. Гапона, действовавшего к этому времени в тесном контакте с лидерами революционных организаций, в частности — Партии социалистов-революционеров, рабочие решили прийти 9 января к Зимнему дворцу и представить Николаю II особую петицию. Петиция, которая, наряду с вполне легальными, содержала и явно революционные требования, предлагала царю «сейчас же призвать представителей Земли русской от всех классов», настаивая на том, чтобы «выборы в Учредительное собрание происходили при условии всеобщей, тайной и равной подачи голосов». Петиция требовала принять «меры против нищеты народной», под которыми подразумевались: передача земли народу и отмена выкупных платежей, дешевый кредит, замена косвенных налогов подоходным, исполнение военных заказов в России, а не за границей, прекращение русско-японской войны «по воле народа». «Меры против невежества и несправедливости русского народа» предусматривали: немедленное провозглашение политической и религиозной амнистии, неприкосновенности личности, свободы слова, печати, собраний и совести, всеобщее и обязательное народное образование, ответственность министров перед народом, равенство всех перед законом, отделение церкви от государства. Наконец, под «мерами против гнета капитала над трудом» имелись в виду: отмена института фабричных инспекторов, учреждение при заводах и фабриках постоянных комиссий из выборных от рабочих, которые совместно с администрацией разбирали бы претензии рабочих и имели бы решающий голос при решении вопроса об их увольнении, немедленная свобода кооперативов и профсоюзов, 8-часовой рабочий день и нормировка сверхурочных работ, свобода борьбы труда с капиталом, установление нормальной рабочей платы и участие представителей пролетариата в выработке законопроектов о государственном страховании рабочих (Начало Первой русской революции. Январь–март 1905 г. М., 1955. С. 28–30). Накануне 9 января 1905 г., в отсут-

ствии Николая II, с 1904 г. постоянно жившего в Царском Селе, министры, причем как консервативные, так и либеральные (в т. ч. князь П. Д. Святополк-Мирский), решили арестовать Г. А. Гапона и не допускать шествия рабочих, применив, в случае необходимости, военную силу. Однако арестовать лидера Собрания фабрично-заводских рабочих не удалось, и демонстрации состоялись, причем при их разгоне войска употребили оружие, в результате чего, по официальным данным, были убиты 130 и ранены несколько сот человек. Хотя Николай II и Александра Федоровна назначили из личных средств 50 000 рублей на оказание помощи семьям пострадавших 9 января, «Кровавое воскресенье» привело к резкому усилению не только революционного, но и оппозиционного движения. См.: *Авенар Э.* Кровавое воскресенье. (9-е января 1905 г.). [Харьков], 1925; Первая русская революция в Петербурге 1905 г. М.; Л., 1925. Сб. 1, 2; Царизм в борьбе с революцией 1905–1907 гг.: Сб. док. М., 1936; А. М. Горький и события 9 января 1905 г. в Петербурге // Исторический архив. 1955. № 1; *Ганелин Р. III.* 1) Канун «Кровавого воскресенья». Царские власти 6–8 января 1905 г. // Вопросы истории. 1980. № 1; 2) К истории текста петиции 9 января 1905 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1983. Т. 14; 3) К предыстории «Кровавого воскресенья» // Новое о революции 1905–1907 гг. в России: Межвуз. сб. Л., 1989.

2. Рескрипт Николая II А. Г. Булыгину появился 18 февраля 1905 г. Тем же числом был датирован манифест, в котором царь призвал своих подданных к объединению с властью для борьбы с революцией, и упоминаемый В. Б. Лопухиным императорский указ Сенату. Подробнее об этом см.: *Ганелин Р. III.* Российское самодержавие в 1905 году. С. 85–121.

3. Особое совещание под председательством С. Ю. Витте о нуждах сельскохозяйственной промышленности Николай II закрыл 30 марта 1905 г., в тот же день образовав Особое совещание по вопросам о мерах к укреплению крестьянского землевладения под председательством И. Л. Горемыкина, которое В. Б. Лопухин, вслед за воспоминаниями С. Ю. Витте, оценивает отрицательно. Между тем, оно было призвано подготовить решение вопросов, находившихся в центре внимания при проведении аграрной реформы П. А. Столыпина, что видно из рескрипта, данного царем И. Л. Горемыкину 30 марта 1905 г. В рескрипте деятельность Особого совещания напрямую связывалась с Указом 12 декабря 1904 г., в котором Николай II объявил, что «во главе забот <...> о благоденствии Российской державы» он полагает «мысль о наилучшем устройстве многочисленного в России крестьянского сословия». Целью совещания царь поставил «непосредственное упрочение земельного строя крестьян, как главной основы народного благосостояния», причем повелевал «заботиться выяснением практических путей к осуществлению намечаемой задачи при неперемennom условии охранения частного землевладения от всяких на него посягательств». Особое значение, по мнению Николая II, имели «меры к предоставлению крестьянам удобнейших, соответственно изменившимся хозяйственным условиям, способов пользования отведенными им надельными землями и к облегчению нуждающемуся в земле сельскому населению возможности переселения на предназначенные для сего земли или расширения своего землевладения при содействии Крестьянского банка», а также «заботы к завершению отграничения крестьянских наделов от земель прочих владельцев, дабы тем самым вящим образом утвердить в народном сознании убеждение в неприкосновенности всякой частной собственности» (Правительственный вестник. 1905. № 71). Руководимое И. Л. Горемыкиным Особое совещание существовало с 30 марта 1905 г. по 30 августа 1906 г. Членами совещания были: А. С. Брянчанинов, граф А. А. Голицишев-Кутузов, В. И. Гурко, барон Ю. А. Икскуль фон Гильденбандт, А. В. Кривошеин, Н. Н. Кутлер, барон В. В. Меллер-Закомельский, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, А. С. Стишинский, Н. Ф. Сухомлинов, В. Ф. Трепов, Д. А. Хомяков, П. Х. Шванебах и князь А. Г. Щербатов (Высшие и центральные государственные учреждения России. Т. 1. С. 58). Характерно, что в начале работы горемыкинского совещания С. Ю. Витте оценивал положительно его личный состав и особенно председателя. «В крестьянском совещании, — писал С. Ю. Витте 26 апреля 1905 г. К. П. Победоносцеву, — участвуют

люди различных мнений по этому предмету. Там такие крайние, как Стишинский, Гурко, Семенов, много людей знающих (Горемыкин), поэтому опасаться за крайности едва ли приходится» (Переписка Витте и Победоносцева (1895–1905 гг.). С. 109).

4. И. Л. Горемыкин являлся составителем следующих справочных пособий: Сборник решений Правительствующего сената по крестьянским делам. СПб., 1889; Свод узаконений и распоряжений правительства об устройстве сельского состояния и учреждений по крестьянским делам, с последовавшими по ним разъяснениями, содержащимися в решениях Правительствующего сената и в постановлениях и распоряжениях высших правительственных учреждений. Т. 1, 2. СПб., 1891 (данная книга выдержала пять изданий, последнее — в 1903 г.) (*Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. С. 183).

5. Мнение В. Б. Лопухина, навеянное воспоминаниями С. Ю. Витте, о полной бесплодности работ Особого совещания о мерах к укреплению крестьянского землевладения лишено оснований. Непосредственным итогом его деятельности стали последовавшие 6 мая 1905 г. учреждение Комитета по земельным делам и преобразование Министерства земледелия и государственных имуществ в Главное управление землеустройства и земледелия, которое впоследствии было главным инструментом при проведении аграрной реформы П. А. Столыпина. Кроме того, горемыкинское совещание выработало Наказ этому Главному управлению по вопросам крестьянского землевладения и инструкцию Крестьянскому поземельному банку об основаниях и порядке его деятельности.

6. Руководимая Н. В. Шидловским Особая комиссия для выяснения причин недовольства рабочих Петербурга и его пригородов и изыскания мер к устранению их в будущем просуществовала рекордно короткий срок — с 29 января по 20 февраля 1905 г. В комиссию, наряду с бюрократами и промышленниками, планировалось включить и выборных представителей от рабочих, в связи с чем она осуществляла руководство организацией и проведением выборов. Однако назначенные на 18 февраля 1905 г. окончательные выборы представителей от рабочих не состоялись в 7 из 9 выборных собраний, из-за чего деятельность комиссии была прекращена (Высшие и центральные государственные учреждения России. Т. 1. С. 57). Крах комиссии Н. В. Шидловского не прекратил попыток царского правительства по решению рабочего вопроса, предпринимавшихся в осуществление пункта 4 указа 12 декабря 1904 г., который подразумевал введение государственного страхования рабочих. Комитет министров под председательством С. Ю. Витте рассматривал рабочий вопрос на заседании 24 декабря 1904 г. Согласно положениям Комитета министров, утвержденным Николаем II 17 января и 20 февраля 1905 г., были образованы две комиссии: под председательством товарища министра финансов М. М. Федорова — для составления законопроекта о государственном страховании рабочих и под председательством министра финансов В. Н. Коковцова — для обсуждения мер по упорядочению быта и положения рабочих на промышленных предприятиях. Конкретно Комиссии В. Н. Коковцова поручалась разработка вопросов о создании профессиональных союзов, о сокращении рабочего дня, о разрешении стачек и забастовок, о медицинской помощи рабочим и «других вопросов, кои могут выясниться при обсуждении вышеозначенных мер» (Правительственный вестник. 1905. № 46). С образованием 27 октября 1905 г. Министерства торговли и промышленности рабочий вопрос перешел в ведение этого ведомства и стал разрабатываться в Особой комиссии под председательством министра торговли и промышленности В. И. Тимирязева. Законопроекты о страховании рабочих от несчастных случаев и об их обеспечении на случай болезни стали законами 23 июня 1912 г. См.: Рабочий вопрос в Комиссии В. Н. Коковцова в 1905 г. М., 1926; *Вовчик А. Ф.* Политика царизма по рабочему вопросу в предреволюционный период. (1895–1904 гг.). Львов, 1964; *Лаверычев В. Я.* Царизм и рабочий вопрос в России; *Шепелев Л. Е.* Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг.: Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1987; Власть и реформы.

7. Информация этого абзаца дает основания считать, что всеобщую политическую стачку лидеры оппозиционного и революционного движения начали готовить, по мень-

шей мере, с мая 1905 г., между тем как в историографии точкой отсчета называется июль того же года (*Островский А. В.* Сентябрьские события 1905 г. в Москве // Политическая история России первой четверти XX века: Памяти проф. Виталия Ивановича Старцева. СПб., 2006. С. 136–138).

8. По просьбе Японии 26 мая 1905 г. президент США Т. Рузвельт обратился к воюющим сторонам с предложением собраться на конференцию для выяснения возможных условий примирения. Первой это предложение приняла Япония, а 30 мая — Россия.

9. Восстание на броненосце «Князь Потемкин-Таврический» происходило 14–24 июня, восстание же под руководством лейтенанта П. П. Шмидта — 13–16 ноября 1905 г.

10. Подробнее о роли С. Ю. Витте при подготовке мирного договора с Японией см.: *Игнатъев А. В.* С. Ю. Витте — дипломат. М., 1989. С. 218–238; *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. С. 189–203.

11. Увольнение великого князя Алексея Александровича с должности главного начальника флота и Морского ведомства произошло 2 июня 1905 г., в связи с чем 27 июня того же года он получил рескрипт от Николая II (*Кузьмин Ю. А.* Российская императорская фамилия. С. 105).

12. См. комментарий 23 к главе 1.

13. См. комментарий 10 к главе 1.

14. Портсмутский мирный договор был подписан 23 августа 1905 г.

15. Николай II сообщил С. Ю. Витте о награждении его графским титулом при встрече с ним, состоявшейся 16–17 сентября 1905 г. на императорской яхте, около шхер Бьорке. Вопреки мнению В. Б. Лопухина, Николай II, вспоминая С. Ю. Витте, его «искренно, сердечно благодарил» и сказал, что возводит собеседника в графское достоинство «в ознаменование столь великого события», им «так успешно завершено». С. Ю. Витте «тронула» «такая экстраординарная награда» и «сердечность», с которой царь объявил об этой милости, а потому С. Ю. Витте его «весьма благодарил» и даже поцеловал ему руку (Из архива С. Ю. Витте. Т. 1. Кн. 2. С. 727). В царском указе Сенату от 18 сентября 1905 г. говорилось, что С. Ю. Витте «возведен в графское Российской империи достоинство» «в воздаяние заслуг пред престолом и отечеством и отличного выполнения возложенного его императорским величеством поручения первостепенной государственной важности, а также в ознаменование особого его величества благоволения». Через неделю, 25 сентября 1905 г., С. Ю. Витте удостоился высочайшего рескрипта, в котором признавалось, что свою задачу в Портсмуте он исполнил «блистательно». Здесь Николай II объявлял, что пожаловал С. Ю. Витте графское достоинство, «высоко ценя» проявленные им «умение и государственнический опыт» и в воздаяние его «первостепенной, великой заслуги» перед отечеством. Рескрипт заканчивался фразой «Пребываю к вам неизменно благоклонный» и собственноручной припиской царя «и искренно благодарный Николай» (Дополнительный формулярный список о службе члена Государственного совета, статс-секретаря, действительного тайного советника графа Витте // *Vumme С. Ю.* Собрание сочинений и документальных материалов. Т. 1. Кн. 1. М., 2002. С. 577, 578).

16. Впервые вопрос о необходимости введения подоходного налога был поднят в Государственном совете 10 марта 1905 г. при обсуждении представления министра финансов В. Н. Коковцова об увеличении налогов в связи с расходами на русско-японскую войну. Проект закона о введении подоходного налога рассматривался в мае 1905 г. в Комиссии при Министерстве финансов под председательством товарища министра финансов Н. Н. Кутлера, членами которой были А. И. Вышнеградский, П. П. Мигулин, И. Х. Озеров, Н. Н. Покровский, М. М. Федоров, Л. В. Ходский и др., главным образом бюрократы и ученые. В марте-апреле 1906 г. заседала Межведомственная комиссия под председательством министра финансов И. П. Шипова, посвященная той же теме. Кроме того, И. П. Шипов возглавлял Совецание, обсуждавшее вопрос о коммерческой тайне при взимании подоходного налога. В конце мая — начале июня 1906 г. заседало Совецание под председательством директора Департамента окладных сборов Министерства финан-

сов Н. Н. Покровского, занимавшееся рассмотрением вопроса о сборе дополнительных сведений о доходах, подлежащих обложению подоходным налогом. Совет министров остановился на проблеме его введения во время заседания 24 октября 1906 г., признав целесообразность нового налога. Особый журнал Совета министров по данной проблеме Николай II утвердил 26 января 1907 г., и уже 23 февраля того же года министр финансов В. Н. Ковцов внес соответствующий законопроект во II Государственную думу. В дальнейшем этот законопроект рассматривался III и IV Думами, а затем, в феврале 1916 г., Государственным советом. Утверждение закона о введении подоходного налога царем последовало 4 апреля 1916 г. Подробнее о судьбе подоходного налога в России начала XX в. см.: *Беляев С. Г.* П. Л. Барк и финансовая политика России. 1914–1917 гг. СПб., 2002. С. 168–198. Текст закона «О государственном подоходном налоге» см.: *Столыпин П. А.* Программа реформ: Док. и материалы. Т. 1. М., 2003. С. 589–624.

17. Имеется в виду Октябрьская всероссийская политическая стачка, которая началась 6 октября с забастовки служащих и рабочих Московско-Казанской железной дороги. В ночь на 7 октября Центральное бюро Всероссийского железнодорожного союза, находившееся в Москве, призвало по телеграфу к забастовке все железные дороги. К 10 октября бастовали дороги Московского узла, поддержанные фабриками и заводами, причем руководство забастовкой осуществлял Московский стачечный комитет. В течение 10–12 октября стачка охватила Харьковский и Петербургский железнодорожные узлы. К 17 октября прекратили работу почти все железные дороги, телеграфные конторы, предприятия в крупных промышленных центрах, высшие и средние учебные заведения. В стачке участвовали не менее полутора миллионов рабочих и железнодорожников, 200 000 служащих государственных и общественных учреждений. В Петербурге, где фабрики и заводы стали бастовать с 12 октября, на следующий день возник Совет рабочих депутатов как орган, руководивший забастовкой. К 15 октября деловая жизнь столицы прекратилась. После издания Манифеста 17 октября Московский стачечный комитет и Центральное бюро Всероссийского железнодорожного союза призвали прекратить стачку, и 19 октября в Москве она пошла на убыль. Совет рабочих депутатов призвал к прекращению стачки 21 октября. Подробнее об этом см.: *Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года.* Ч. 1. М.; Л., 1955; Совет министров Российской империи. 1905–1906 гг.: Док. и материалы. Л., 1990; *Ганелин Р. Ш.* Российское самодержавие в 1905 году; *Власть и реформы.*

18. Речь идет о Манифесте 17 октября 1905 г., в котором Николай II предписал Совету министров даровать населению политические свободы, наделить Государственную думу законодательными полномочиями и расширить избирательное право. Сам С. Ю. Витте утверждал, что, кроме него, к составлению текста опубликованного манифеста были причастны только помощник управляющего делами Комитета министров Н. И. Вуич и будущий обер-прокурор Синода князь А. Д. Оболенский. О подготовке Манифеста 17 октября см.: *Островский А. В., Сафонов М. М.* Манифест 17 октября 1905 г. // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Л., 1981. Т. 12; *Ганелин Р. Ш.* Российское самодержавие в 1905 году. С. 202–222.

19. В действительности Манифест 17 октября 1905 г. был опубликован именно в редакции С. Ю. Витте, однако в ходе его подготовки по повелению Николая II барон А. А. Будберг, при участии И. Л. Горемыкина и барона Ю. А. Икскуля-фон-Гильденбандта, 14–15 октября составил другой проект манифеста, причем более радикальный, чем виттевский. Действительно, в будбергском проекте говорилось о придании Думе законодательного характера, даровании свободы личности, веры, слова и собраний, всеобщего избирательного права, введении выборных представителей в Государственный совет, ответственности министров перед палатами и политической амнистии. По просьбе царя 15–16 октября А. А. Будберг, учитывая оба проекта, свой и С. Ю. Витте, подготовил новый проект манифеста, в котором объявлялось о даровании «права народного представительства», неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов и рас-

ширении избирательного права. Николай II одобрил этот новый проект, надеясь на согласие с ним С. Ю. Витте, но он его отверг, настаивая на издании своего проекта. Подробнее об этом см.: 15–17 октября 1905 г. В царской резиденции: (Из записок А. А. Будберга) // Английская набережная, 4: Ежегодник С.-Петербург. науч. о-ва историков и архивистов. СПб., 1997. С. 391–412.

20. Военное положение в Царстве Польском было объявлено 31 октября, вторая всеобщая стачка, менее масштабная, чем первая, началась 2 ноября 1905 г.

21. См. комментарий 8 к главе 1.

22. На пост министра народного просвещения граф И. И. Толстой был назначен после того, как 12 лет являлся вице-президентом Академии художеств. Должность петербургского (петроградского) городского головы он занимал в 1913–1916 гг.

23. На самом деле государственным контролером в кабинете С. Ю. Витте был Д. А. Философов. П. Х. Шванебах занимал этот пост в кабинете И. Л. Горемыкина (апрель-июль 1906 г.) и П. А. Столыпина (до июня 1907 г.).

24. Совет рабочих депутатов в Петербурге был арестован 3 декабря 1905 г. после того, как накануне издал так называемый «финансовый манифест», в котором призывал население не платить налоги, требовать уплаты по всем сделкам золотом, изымать вклады из банков и сберегательных касс и не допускать уплаты по государственным займам. В ответ на арест Совет рабочих депутатов в Москве, федеративный комитет РСДРП и Комитет Партии социалистов-революционеров 4 декабря приняли решение о проведении третьей всеобщей стачки и переводе ее в вооруженное восстание. Стачка, руководимая Исполнительным комитетом московского Совета, началась 7 декабря в Москве, причем ее поддержали Всероссийский съезд почтово-телеграфных служащих и Центральное бюро Всероссийского железнодорожного союза. В стачке участвовали Московский узел, кроме Николаевской железной дороги, взятой под охрану правительством, и, полностью или частично, другие узлы. Московское вооруженное восстание вспыхнуло 9 декабря и через два дня достигло своей кульминации. Район Пресни полностью контролировался восставшими. Для подавления восстания 14 декабря в Москву были посланы Семеновский и Ладожский полки, с прибытием которых соотношение сил изменилось в пользу правительства. В результате 18 декабря прекратилось восстание, а 19 декабря — всеобщая стачка. В ходе подавления восстания, с 7 по 17 декабря, были убиты 548 и ранены около 1500 человек. Подробнее о Московском восстании см.: Московское вооруженное восстание по данным обвинительных актов и судебных протоколов. Вып. 1. М., 1906; Высший подъем революции 1905–1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь–декабрь 1905 года. Ч. 1, 2. М., 1955; Яковлев Н. Н. Вооруженные восстания в декабре 1905 года. М., 1957; Власть и реформы; Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Сергей Юльевич Витте и его время.

25. В декабре 1905 г. происходили заседания Особого совещания под председательством Николая II, которое обсуждало проекты избирательного закона. Реформа же Государственного совета рассматривалась Особым совещанием, также под председательством императора, в феврале 1906 г. По итогам этого совещания 20 февраля 1906 г. был издан Манифест «Об изменении Учреждения Государственного совета и о пересмотре Учреждения Государственной думы» и соответствующий Указ, согласно которым в Государственный совет вводились выборные члены, избравшиеся от отдельных корпораций: духовенства Православной церкви, губернских земских собраний, дворянских обществ, торговли и промышленности, Академии наук и университетов.

26. Проект решения аграрного вопроса, разработанный под руководством Н. Н. Кутлера и предусматривавший принудительное отчуждение помещичьих земель, был готов к началу 1906 г. Придя к выводу о необходимости принудительного отчуждения, Н. Н. Кутлер, однако, понимал утопичность надежд на то, что при помощи него удастся удовлетворить земельный голод крестьян. По оценке Н. Н. Кутлера, даже такая «сравнительно скромная» задача, как доведение наделов всего крестьянского населения до норм Положений 19 февраля 1861 г., представлялась «практически неосуществимой», поскольку

ку во многих губерниях землевладение крестьян, имевших земли меньше, чем следовало бы по этим нормам, увеличилось бы в среднем на душу «на ничтожные доли десятины», составив «увеличение, за которым вовсе не может быть признано какого-либо существенного значения». Целью принудительного отчуждения Н. Н. Кутлер поэтому считал «отнюдь не всеобщее дополнительное наделение, а лишь устранение случаев особо резкого малоземелья». В основу исчисления размеров вознаграждения помещиков, недвижимостей которых подлежала отчуждению, Н. Н. Кутлер предлагал положить принцип не рыночных цен, а справедливого вознаграждения по капитализации чистой рентной доходности отчуждаемых земель, исчисленной согласно арендным ценам при предпринимательской аренде либо чистой доходности земель данной местности при хозяйстве за счет владельцев (Аграрный вопрос в Совете министров (1906 г.). М.; Л., 1924. С. 42–44, 46–48). Проект Н. Н. Кутлера встретил сопротивление со стороны предводителей дворянства, чье мнение принял во внимание Николай II. Учитывая точку зрения царя, С. Ю. Витте, хотя и с оговорками, отказался от осуществления проекта, находя его «вредным не потому, что собственность священна, но потому, что для государства вредно уничтожение культурных хозяйств». Более того, С. Ю. Витте согласился на отставку Н. Н. Кутлера и представил Николаю II проект Манifestа, провозглашавшего недопустимость принудительного отчуждения, который, однако, царь не утвердил. (Царскосельские совещания: Протоколы секрет. совещ. в апр. 1906 г. под председательством бывшего императора по пересмотру основн. законов // Былое. 1917. № 4. С. 234; Аграрный вопрос в Совете министров. С. 147). О проекте Н. Н. Кутлера см. также: Власть и реформы; *Ананьич Б. В., Ганелин Р. III*. Сергей Юльевич Витте и его время.

Глава 12

1. Послом России в Японии Н. А. Малевский-Малевич был назначен в 1908 г.

2. Со вступлением России в Первую мировую войну для предотвращения беспорядков во время сбора призывников и отправки их на фронт последовало временное запрещение продажи спиртных напитков. Согласно Особому журналу Совета министров от 9 августа 1914 г. «По вопросу о разрешении торговли спиртными напитками» с 16 августа разрешалась торговля только виноградными винами и денатурированным спиртом, «с соблюдением указанных в Особом журнале ограничений». Тем же порядком до 1 сентября 1914 г. продлевалось воспрещение продажи на вынос всех прочих крепких напитков. При подписании журнала министр внутренних дел Н. А. Маклаков заявил особое мнение. «Полагаю необходимым, — написал Маклаков, — закрыть винные лавки на все время военных действий, ясно и решительно объявив об этом решении во всеобщее сведение; думаю, нельзя делать этого периодическими возобновлениями отсрочки открытия лавок» (Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А. Н. Яхонтова: (Записи заседаний и переписка). СПб., 1999. С. 370). По результатам обсуждения вопроса о «сухом законе» 22 августа последовало повеление Николая II «О продлении воспрещения продажи спирта, вина и водочных изделий для местного потребления в Империи до окончания военного времени». Через месяц, 27 сентября, царь утвердил Положение Совета министров «О сроках прекращения торговли крепкими напитками по ходатайствам о том сельских и городских общественных управлений» (Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени. Т. 1. Пг., 1915. С. 170–171, 238–239). См. также: *Мак-Ки А.* Сухой закон в годы Первой мировой войны: причины, концепция и последствия введения сухого закона в России 1914–1917 гг. // Россия и Первая мировая война: (Материалы междунар. науч. коллоквиума). СПб., 1999.

3. Партия демократических реформ (ПДР) — политическая партия либеральной ориентации, образованная в ноябре 1905 г. в Петербурге по инициативе двух групп петербург-

ской интеллигенции, в первую из которых входили члены редколлегии журнала «Вестник Европы» (К. К. Арсеньев, В. Д. Кузьмин-Караваев, М. М. Стасюлевич), а во вторую — профессора Петербургского политехнического института (К. П. Боклевский, А. Г. Гусаков, И. И. Иванюков, А. П. Македонский, Н. А. Меншуткин, М. И. Носач, А. С. Посников). Органами ПДР были журнал «Вестник Европы» и газета «Страна», а ее лидером являлся М. М. Ковалевский. ПДР занимала место между Конституционно-демократической партией и Союзом 17 октября, претендуя на то, чтобы стать левым центром. Программа ПДР подразумевала установление парламентской системы управления, придание учредительного статуса Думе, введение всеобщего, тайного, прямого и равного голосования, принудительное отчуждение частновладельческих земель, обеспечение судебной защиты гражданских и политических прав, демократизацию местного самоуправления и, как ее первое условие, распространение земства на всю империю. По некоторым вопросам, в частности — по аграрному, программа ПДР сближала ее с народными социалистами. В марте 1906 г. Партия демократических реформ объединилась с Умеренно-прогрессивной партией под названием Партии народного благоденствия. К концу 1907 г. ПДР существовала только номинально. Ее отдельные члены в 1906 г. примкнули к Партии мирного обновления, а затем, в 1912 г. — к Партии прогрессистов. См.: Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов: Док. и материалы. 1906–1916 гг. М., 2002.

Партия мирного обновления — политическая партия либерального толка, образованная в ходе работы I Государственной думы (апрель-июль 1906 г.) на основе фракции мирного обновления при участии правых кадетов (Н. Н. Львов, князь Е. Н. Трубецкой), левых октябристов (граф П. А. Гейден, М. А. Стахович, Д. Н. Шипов), членов Партии демократических реформ и беспартийных. Программа Партии мирного обновления появилась в печати 18 июня 1906 г. Подобно Партии демократических реформ, Партия мирного обновления находилась между Конституционно-демократической партией и Союзом 17 октября. Официально декларируя свою близость к Партии демократических реформ, мирнообновленцы, в отличие от нее, выступали за введение прямого голосования только в городах и двухстепенных выборах — в остальных местностях. Они были сторонниками предоставления женщинам избирательного права, но лишь в местном самоуправлении, и признавали «необходимость двухпалатной системы народного представительства», при которой вторая палата избиралась бы органами местного самоуправления. Неофициальными органами Партии мирного обновления являлись газеты «Слово» и «Московский еженедельник». Мирнообновленцы пытались предотвратить роспуск I Думы, участвуя в переговорах с П. А. Столыпиным по поводу образования «общественно-бюрократического министерства», в котором им отводились три места, но это министерство образовывать не удалось. Общество мирного обновления было зарегистрировано в октябре 1906 г., причем органами его управления стали общие собрания членов ЦК или местных комитетов. Тогда же в ЦК вошли представители делового мира Москвы — А. С. Вишняков, П. П. Рябушинский, С. И. Четвериков и др. В 1912 мирнообновленцы вошли в Партию прогрессистов. См.: *Шевырин В. М.* 1) Партия мирного обновления в избирательной кампании во II Государственную думу // Вестник Московского университета. Сер. История. 1972. № 5; 2) Мирнообновленцы: в поисках «третьей силы» // Политические исследования. 1993. № 4.

4. Союз 17 октября — политическая партия, названная в честь Манифеста 17 октября 1905 г. Находилась на правом фланге русского либерализма, занимая центральный сегмент политического спектра. Как политическое течение октябризм возник на земско-городских съездах 1904–1905 гг., проходивших в Москве. Его организационное оформление началось в конце октября 1905 г. и завершилось на Первом съезде Союза 17 октября, состоявшемся 8–12 декабря 1906 г. также в Москве. Во главе партии октябристов находился Центральный комитет, избравшийся на съезде и руководимый председателем. К 1909 г. прошли три октябристских съезда. В 1906 г. в России действовали свыше 260 отделов Союза 17 октября, включая 23 примкнувшие к нему родственные по идеологии

местные политические организации, общей численностью около 80 000 человек. Основными печатными органами Союза являлись газеты «Слово» и «Голос Москвы», всего же их насчитывалось около 50. Первый вариант программы Союза был опубликован 9 ноября 1905 г. в газете «Слово». В отличие от более левой кадетской партии, партия октябристов, поддерживая полную и быструю реализацию либеральных реформ, провозглашенных в Манифесте 17 октября 1905 г., и превращение России в конституционную монархию, вместе с тем выступала против создания других автономий внутри России, кроме Великого княжества Финляндского, и «немедленного и безусловного разрешения еврейского вопроса». Основатели и лидеры октябристов — граф П. А. Гейден, А. И. Гучков, барон П. Л. Корф, М. В. Красовский, П. Е. Рейнбот, М. В. Родзянко, М. А. Стахович, Н. А. Хомяков, Д. Н. Шипов. В I и II Государственных думах октябристы составляли незначительное меньшинство, в III и IV, после изменения избирательного закона 3 июня 1907 г., — относительное большинство депутатов. К этому времени часть октябристов, в т. ч. П. А. Гейден, М. А. Стахович, Д. Н. Шипов, в знак протеста против карательной политики правительства перешли в Партию мирного обновления. В 1907–1909 гг. Союз 17 октября, поддерживая П. А. Столыбина, играл роль правительственной партии. В 1913 г. прежде единая фракция октябристов в IV Думе распалась на две фракции — октябристов, в которую вошли более левые члены Союза 17 октября, и земцев-октябристов, состоявшую из более правых членов Союза, причем формально он продолжал оставаться единым. После Февральской революции 1917 г. Союз 17 октября распался окончательно. См.: *Шелохаев В. В.* 1) Партия октябристов в период первой российской революции. М., 1987; 2) Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907–1914 гг. М., 1991; Партия «Союз 17 октября»: Протоколы съездов, конф. и заседаний ЦК: 1905–1915 гг. Т. 1, 2. М., 1996–2000.

5. Подготовленный А. Г. Булыгиным проект законосовещательной Думы рассматривался на заседаниях Совета министров под председательством Д. М. Сольского с 26 мая по 28 июня 1905 г. На этих заседаниях С. Ю. Витте выступил за предоставление активного и пассивного избирательного права рабочим и евреям и за лишение этого права офицеров, однако, в конечном итоге, прошло лишь его предложение, касавшееся евреев. Именно С. Ю. Витте выступил за увеличение среди выборных доли крестьян, о чем он умолчал в своих воспоминаниях. Однако, по сведениям В. И. Гурко, «в пространной речи» председатель Комитета министров говорил на совещании Д. М. Сольского про «обеспечение за представителями земельного крестьянства преобладающего большинства в Государственной думе». «В России, — заявил С. Ю. Витте, — земельное крестьянство составляет большинство населения страны, является основой всего народного строя и тем фундаментом, на котором зиждется все государственное здание; оно же представляет и наиболее надежный элемент в смысле охранения существующего порядка» (*Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого. С. 402). Мнение С. Ю. Витте явилось «руководящим критериемом» при обсуждении проекта А. Г. Булыгина Советом министров и впоследствии легло в основу избирательного закона, проводившего, согласно изданным 6 августа 1905 г. Положению о «булыгинской Думе» и избирательному закону, куриальную систему (землевладельцы, крестьяне, горожане) многоступенчатых выборов. Участвуя в подготовке Манифеста 17 октября 1905 г., С. Ю. Витте изменил свою позицию в смысле признания необходимости расширения круга выборных и даже введения всеобщего избирательного права (*Корелин А. П., Степанов С. А.* С. Ю. Витте — финансист, политик, дипломат. С. 434, 436). Манифест 17 октября одной из задач Совета министров провозгласил наделение избирательным правом категорий населения, которые ранее его не получали, т. е., прежде всего, рабочих, как особой курии. Вопрос об этом обсуждался на заседаниях кабинета С. Ю. Витте, происходивших в ноябре 1905 г. и рассматривавших проекты избирательного закона: один из них, правительственный, являлся расширенной модификацией булыгинского проекта, а другой, подготовленный общественными деятелями, проводил всеобщее избирательное право. Совет министров высказался за привлечение к выборам, помимо

рабочих, еще двух классов — лиц, арендующих более или менее значительные участки земли и управляющих имениями тех же размеров, а также за допущение в предварительный съезд землевладельцев лиц, владеющих землею в размерах не менее одной двадцатой части ценза, дающего прямой голос на съезде, и сохранение отдельного представительства в Думе от крестьян. Проекты избирательных законов обсуждались под председательством Николая II и при участии С. Ю. Витте в Особом совещании, заседавшем 5, 7 и 9 декабря 1905 г. В это время С. Ю. Витте считал «совершенно невозможным» одновременное дарование избирательного права рабочим и введение всеобщего избирательного права, находя, что если «исключить рабочих», то произойдет возвращение к прежней системе, и «прочной Думы не будет». С. Ю. Витте подчеркивал, что Манифестом 17 октября «уже предусмотрено некоторое расширение избирательного ценза». Вместе с тем, премьер осознавал опасные последствия выделения рабочих в особую курию, поскольку тем самым «государство как бы признает политическую силу рабочего класса, как государства в государстве». Прогноз С. Ю. Витте относительно судьбы нового избирательного закона отличался крайней пессимистичностью: он, указывая премьеру, «не внесет успокоения не только в революционные кружки, но и среди умеренных элементов. Результаты, — резюмировал С. Ю. Витте, — будут плохие, но в какой интенсивности они проявятся — предвидеть, конечно, невозможно» (Царскосельские совещания: Протоколы секретного совещания под председательством бывшего императора по вопросу о расширении избирательного права // Былое. 1917. № 3. С. 249, 251, 252, 265). Тем не менее, избирательный закон был утвержден императором 11 декабря 1905 г. именно в редакции виттевского кабинета. Подробнее об этом см.: Совет министров Российской империи 1905–1906 гг.; *Ганелин Р. Ш.* Российское самодержавие в 1905 году; Власть и реформы; *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время.

6. Прием Николаем II депутатов I Государственной думы состоялся не в мае, а 27 апреля 1906 г.

7. Впервые вопрос о лишении придворного отличия за политические взгляды был возбужден в конце 1904 г., когда Николай II, решив исключить из числа придворных камер-юнкера А. А. Муханова, «соизволил признать, что вообще лица, состоящие в придворных чинах или носящие придворные звания, замеченные в участии в недозволенных обществах, в произнесении публичных речей, осуждающих существующий государственный строй, и в подписи по сему предмету адресов, статей, телеграмм и т. п., должны быть исключены из придворных списков, как проявившие начинания, совершенно не соответствующие их положению». Это высочайшее повеление и явилось основанием для снятия с В. Д. Набокова камер-юнкерского мундира, непосредственной причиной чего стали следующие события. Присутствуя, в качестве гласного Петербургской городской думы, на состоявшемся 6 января 1905 г. обеде у городского головы П. И. Лелянова при провозглашении тоста «За здоровье государя императора!» В. Д. Набоков оказался в числе нескольких лиц, которые «не пожелали присоединиться к означенному тосту и не встали». Тогда же он отказался от подписи общей верноподданнической телеграммы, заявив, что «если бы он знал, что будет не на частном обеде, а на политической манифестации, то вовсе бы сюда не приехал». На заседании Петербургской городской думы 12 января В. Д. Набоков пытался прочесть заявление от имени 16 гласных с выражением «глубокого негодования по поводу жестоких мер против рабочих», т. е. «Кровавого воскресенья». Решение о лишении В. Д. Набокова звания камер-юнкера Николай II принял уже 20 января (РГИА. Ф. 472. Оп. 41 (229/2846). Д. 10. Л. 11–11 об., 13. Письмо Д. Ф. Трепова В. Б. Фредериксу, 15 января 1905 г., и всеподданнейший доклад В. Б. Фредерикса, 20 января 1905 г.). Кроме Набокова, в 1905–1907 гг. из придворного штата были исключены А. Н. Брянчанинов, В. Н. Вырубов, князь П. Д. Долгоруков, князь Ф. Э. Друцкой-Любецкий, граф М. С. Замойский, П. И. Зыков, барон С. А. Корф, граф А. Д. Нессельроде, П. П. Сабуров, А. А. Стахович, В. В. Скаржинский и Н. Н. Тучков. Хотя большинство из перечисленных лиц имели лишь низшее придворное звание — камер-юнкера, чины же двора среди

них отсутствовали, данное обстоятельство отнюдь не умаляло беспрецедентного размаха, характеризовавшего применение в 1905–1907 гг. исключения из придворного штата в качестве средства политической борьбы — ведь, по свидетельству графа В. Б. Фредерикса, «в прежнее время лишения придворного звания представляли собою редкие единичные явления» (*Куликов С. В.* Высшая царская бюрократия и Императорский двор. С. 75).

8. В данном случае снова налицо влияние на В. Б. Лопухина воспоминаний С. Ю. Витте, поскольку именно он употреблял ту же самую французскую фразу, характеризуя И. Л. Горемыкина. Ср.: Из архива С. Ю. Витте. Т. 2. С. 35.

9. При замене, в апреле 1906 г., кабинета С. Ю. Витте кабинетом И. Л. Горемыкина П. Х. Шванебах не остался государственным контролером, а был назначен на этот пост.

10. Кабинет И. Л. Горемыкина действительно внес в I Государственную думу законопроект об отпуске 40 029 рублей 49 копеек на перестройку оранжереи и сооружение прачечной при Юрьевском университете. Но помимо законопроектов, посвященных мелким вопросам, правительство представило ей законопроекты, подразумевавшие проведение крупных либеральных преобразований, в частности — о земельных обществах, владеющих надельными землями, об актах на эти земли, о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих промышленных и технических заведений Министерства финансов, о преобразовании местного суда, об изменении порядка производства дел по взысканию вознаграждения за вред и убытки, причиненные должностными лицами, и об изменении порядка производства дел по преступным деяниям по службе (*Куликов С. В.* Государственная дума Российской империи: политическое измерение ораторских ристаний (1906–1907) // Ораторы России в Государственной думе. СПб., 2004. Т. 1. С. 12).

11. Открывая I Государственную думу 27 апреля 1906 г., Николай II в присутствии ее депутатов, членов Государственного совета, сенаторов и придворных произнес в Тронном зале Зимнего дворца речь, суть которой состояла в призыве «к содействию в законодательной работе». Кроме того, царь отметил, что «для благоденствия государства необходима не одна свобода, необходим порядок на основе права» (Полное собрание речей императора Николая II. С. 74–75). В ответ на речь Николая II думцы под руководством кадетов, ориентировавшихся на трудовиков и социал-демократов, выработали и 5 мая 1906 г. приняли адрес — обращение Думы к императору. Содержавшиеся в адресе требования политической амнистии, введения парламентаризма и упразднения Государственного совета противоречили только что введенной конституции — Основным законам. Таким образом, не только фактически, но и формально адрес призывал к государственному перевороту. Текст адреса см.: Государственная дума. 1906–1917: Стеногр. отчеты. Т. 1. С. 59–62.

12. В действительности декларация правительства, зачитанная И. Л. Горемыкиным, была двойственной по содержанию, причем ее реформаторская часть явно перевешивала реакционную. Правительство, в лице премьера, выразило готовность «оказать полное содействие разработке тех вопросов, возбужденных Государственной Думой, которые не выходят из пределов предоставленного ей законодательного почина». Содействие своего правительства И. Л. Горемыкин обещал по вопросу об изменении избирательного права, хотя, отметил он, кабинет «не считает этого вопроса подлежащим немедленному обсуждению, так как Государственная Дума только еще приступает к своей законодательной деятельности, а потому и не успела выясниться потребность в изменении способа ее составления». И. Л. Горемыкин заявил, что Совет министров «с особливим вниманием» относится к возбужденным Думой вопросам о «незамедлительном удовлетворении насущных нужд сельского населения» и издании закона о крестьянском равноправии, об удовлетворении пожеланий рабочего класса, о выработке закона о всеобщем начальном образовании, о введении подоходного налога и о преобразовании местного управления и самоуправления. И. Л. Горемыкин заверил депутатов, что «не меньшее значение» правительство придаст и поднятому Думой вопросу об издании законов, обеспечивающих неприкосновенность личности, свободу совести, слова, печати, собраний и союзов. Кро-

ме того, И. Л. Горемыкин пообещал, что Совет министров внесет на рассмотрение Думы законопроекты о новых исключительных законах, о преобразовании средней школы на основе расширения общественного и частного почина, и высших учебных заведений, в смысле дарования им автономии, о реформе местного суда, об изменении правил относительно гражданской и уголовной ответственности должностных лиц, о пересмотре Положения о пошлинах с наследства и некоторых видов косвенных налогов, о крепостных пошлинах, о Паспортном уставе и отмене паспортов и видов на жительство. Только предложенное думами решение аграрного вопроса путем принудительного отчуждения частной собственности было, по мнению И. Л. Горемыкина, «безусловно недопустимо». Включенные в адрес Думы предположения об ответственности министров перед народным представительством, упразднении Государственного совета и расширении компетенции Думы И. Л. Горемыкин отвел под предлогом того, что «они касаются коренного изменения Основных государственных законов, не подлежащих по силе оных пересмотру по почину Государственной Думы». По мнению премьера, Дума не имела права и поднимать вопрос о политической амнистии, поскольку по Основным законам она была прерогативой монарха. Впрочем, И. Л. Горемыкин сообщил, что в отношении лиц, лишенных свободы в административном порядке, Совет министров принял меры к пересмотру соответствующих постановлений для освобождения «всех тех лиц, предоставление коим свободы не угрожает общественной безопасности». Таким образом, декларация И. Л. Горемыкина имела ярко выраженный консервативно-либеральный характер. Полный текст декларации см.: Ораторы России в Государственной думе. Т. 1. С. 100–107.

13. Эскалации конфликта между кабинетом И. Л. Горемыкина и нижней палатой способствовало выдвижение думами вопроса о принудительном отчуждении частной собственности, прежде всего — помещичьих земель. Кадеты выступили за частичное, а трудовики — за полное отчуждение. Между тем, император и правительство были противниками и того, и другого. Мнение Николая II и кабинета И. Л. Горемыкина относительно разрешения аграрного вопроса выразило правительственное сообщение, опубликованное 20 июня 1906 г. и настаивавшее на недопустимости принудительного отчуждения. В ответ на это в начале июля кадеты поддержали идею обращения Думы к населению с разъяснением по аграрному вопросу. В обращении, опубликованном 6 июля, снова говорилось о необходимости принудительного отчуждения, вследствие чего Николай II подписал 9 июля Манифест о роспуске I Думы. Подробнее об этом см.: *Тютюкин С. В.* Июльский политический кризис 1906 г. в России. М., 1991. С. 38–59; *Куликов С. В.* Государственная дума Российской империи. С. 12–13.

14. В 1896–1905 гг. Д. Ф. Трепов занимал только пост московского обер-полицмейстера. Дворцовый комендант Трепов и его единомышленники, по свидетельству П. Н. Милокова, «говорили и думали» «очень серьезно» о введении парламентаризма путем образования чисто кадетского кабинета (*Милоков П. Н.* Воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 383). В связи с этим Трепов, с ведома Николая II, в июне 1905 г. вел переговоры с П. Н. Милоковым. П. А. Столыпин, будучи противником образования парламентарного кабинета, выступал за формирование коалиционного общественно-бюрократического министерства, «Министерства общественного доверия», куда предполагалось включить и депутатов Думы. Министр внутренних дел вместе с министром иностранных дел А. П. Извольским, также с ведома царя, параллельно с Треповым контактировали с теми лидерами оппозиции, которые могли бы войти в такое министерство. По наблюдениям Извольского, даже 25 июня Николай II был «расположен к соглашению с Думой» (*Извольский А. П.* Воспоминания. М., 1989. С. 121). Благоприятное отношение царя к компромиссу с оппозицией существовало до 5 июля, но с этого дня «положение изменилось». Милоков признавал, что поводы для разрыва дали не министры, а кадеты, причем «на почве самого конфликтного из вопросов, вопроса аграрного» (*Милоков П. Н.* Воспоминания. Т. 1. С. 393, 394–395). Действительно, именно в начале июля кадеты одобрили идею обращения Думы к населению с разъяснением по аграрному вопросу. Подробнее о переговорах Трепова и мини-

стров с общественными деятелями см.: *Старцев В. И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. С. 52–109.

15. П. Н. Милюков не попал в I Государственную думу, поскольку правительство, вспоминал он, «кассировало мой квартирный ценз, который я пытался себе устроить» (*Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 1. С. 365).

16. В июне 1906 г. А. С. Ермолов вел переговоры со своим кузеном А. П. Извольским, который отмечал, что А. С. Ермолов «был связан с умеренными либералами в Государственном совете» и в это время «являлся лидером этой партии в верхней палате». Переговоры А. П. Извольского с общественными деятелями из числа членов Государственного совета происходили именно в доме А. С. Ермолова (*Извольский А. П.* Воспоминания. С. 123).

17. Данный абзац свидетельствует о знакомстве В. Б. Лопухина с мемуарами А. П. Извольского, который поведение Д. Ф. Трепова в июне 1906 г. объяснял аналогичным образом. Ср.: *Извольский А. П.* Воспоминания. С. 138.

18. См. комментарий 18 к главе 1.

19. Свеаборгское восстание происходило 17–20 июля, Кронштадтское — 19–20 июля, взрыв на даче П. А. Столыпина относится к 12 августа 1906 г.

20. Законопроект о реформе налога с городских недвижимых имуществ был внесен министром финансов В. Н. Коковцовым во II Государственную думу 22 февраля 1907 г., а после ее роспуска — в III Думу. В марте 1910 г. законопроект получил одобрение Государственного совета и 6 июня того же года удостоился царского утверждения. Текст закона «О государственном налоге с недвижимых имуществ в городах, посадах и местечках, за исключением посадов губерний Царства Польского» см.: *Столыпин П. А.* Программа реформ. Т. 1. С. 577–589.

21. Н. А. Маклакову протезировала помещица Тамбовской губернии статс-дама А. Н. Нарышкина — родная сестра Б. Н. Чичерина.

22. Назначение Н. Н. Покровского товарищем министра финансов произошло 9 июля 1906 г. См.: *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. С. 529.

23. Имеется в виду международный заем, предоставленный России Австро-Венгрией, Англией, Голландией и Францией, а также русскими банками, в апреле 1906 г. Заем давался под 5%, равнялся сумме в 2250 миллионов франков и стал самым большим за всю предыдущую историю займов. См. о нем: *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. С. 312–334.

24. Алжезирасская конференция была создана по инициативе Германии и проходила с 15 января по 7 апреля 1906 г. Цель конференции состояла в урегулировании отношений Германии и Франции в марокканском вопросе. Германия надеялась добиться, при поддержке России, усиления своего влияния в Марокко и предотвратить переход этой страны под протекторат Франции. В конференции участвовали представители 13 держав. Россия не поддержала притязания Германии, встав на сторону Франции, поскольку именно она была организатором международного займа 1906 г., который обрел реальные очертания только после того, как на конференции наметилось торжество Франции (*Ананьич Б. В.* Россия и международный капитал. 1897–1914: Очерки истории финансовых отношений. Л., 1970. С. 71–173).

25. Бьоркский договор был подписан Вильгельмом II и Николаем II 11 июля 1905 г. В историографии, вслед за воспоминаниями С. Ю. Витте, принято расценивать этот договор как досадную оплошность Николая II, между тем как германский канцлер князь Б. фон Бюлов расценил Бьорке как оплошность Вильгельма II и едва ли не победу царя. Когда при ознакомлении с текстом договора, действие которого было ограничено Европой, Б. фон Бюлов натолкнулся на появившиеся по инициативе Николая II слова «en Europe», то канцлер, согласно его воспоминаниям, «тотчас же понял, что благодаря этому ограничению договор терял для нас большую часть своего значения, так как Россия не могла в Европе сослужить нам никакой службы против Англии; только если бы она могла угрожать Индии, англичане были бы поражены в чувствительное для них место». Более

того, ошибка, допущенная Вильгельмом II при подписании Бьоркского договора, была, по мнению Б. фон Бюлова, столь велика, что канцлер просил германского императора об отставке (*Бюлов Б.* Воспоминания. М.; Л., 1935. С. 303, 304, 305). О Бьоркском договоре см.: *Игнатьев А. В.* Внешняя политика России в 1905–1907 гг. М., 1986. С. 25–27; История внешней политики России. Конец XIX — начало XX в. С. 183–184.

26. Имеется в виду Антанта — союз Англии, России и Франции, нацеленный против Тройственного союза, в который входили Австро-Венгрия, Германия и Италия. Окончательное оформление Антанты произошло в 1907 г. Подробнее об этом см.: *Игнатьев А. В.* Внешняя политика России. С. 107–221.

27. Ср.: *Извольский А. П.* Воспоминания. С. 58.

28. Здесь имеется в виду, прежде всего, барон Р. Р. Розен, который в 1912 г. изложил свои взгляды в особой записке, которая мотивировала необходимость переориентации внешней политики России с Англии на Германию. Предпосылку переориентации Розен видел в отказе царского правительства от славянофильства и панславизма. «Россия не нуждается в славянстве» и «славянство не нуждается в России», полагал барон, а потому «не может быть и речи о единении славянства под главенством России». Призывая «отречься от поклонения фетишу великой славянской идеи» и рассматривать отношения России с Австро-Венгрией «под совершенно иным углом зрения», Розен приходил к выводу, что «вся цель нашей политики может заключаться только в том, чтобы поддерживать и укреплять возможно более дружественные с ней отношения, не менее важные, чем такие же отношения с Германиею». Барон полагал необходимым отречься не только от славянофильства и панславизма, но и от мысли, согласно которой Константинополь и проливы являются «ключом от нашего дома». Признавая существенный интерес России в том, чтобы «проливы всегда, и в мирное, и в военное время, оставались свободными для торгового мореплавания», Розен, однако, считал, что достигнуть этого можно не присоединением Босфора и Дарданелл к России, а «лишь путем нейтрализации их, наподобие нейтрализации Суэцкого канала, под гарантию всех великих держав». С учетом изложенной точки зрения, подчеркивал барон, участие России в Антанте не соответствовало «истинным интересам России», тем более, что «равновесие сил, создавшееся вследствие заключения франко-русского союза, является действительной угрозой миру, а отнюдь не предохранением от опасности его нарушения». Антигерманская политика, считал Розен, абсолютно неприемлема еще и потому, что столкновение с Германией в случае победоносного исхода для царизма «не может дать России ничего, в случае же поражения грозит ей потерю ее западных окраин, иначе сказать, расчленением Империи». Партнерство же России и Германии «обеспечивало бы за ними сообща “гегемонию” на обоих материках и должно было, казалось, быть одинаково желательным и для России». Вообще, писал Розен, «интересам всех континентальных держав, и в том числе Франции не менее, чем Германии, скорее соответствовало бы соединенными силами составить противовес английскому господству над морями». Поскольку избежать войны России и Германии «требуют самые существенные интересы наши», ее, по мысли Розена, могли желать «одни лишь внутренние враги России, в надежде на погром нашего военного могущества, мечтающие о низвержении существующего строя и расчленении Империи» (*Розен Р. Р.* Европейская политика России. Пг., 1917. С. 6, 9, 10, 12, 13, 16, 19, 21, 22, 25, 27). Подробнее о взглядах и деятельности барона см.: *Rosen R. R.* Forty years of diplomacy. Vol. 1, 2. New York, 1922.

29. Речь идет об инциденте, случившемся в ночь на 9 (22) октября 1904 г. в районе Доггер-Банки, в Северном море, со 2-й Тихоокеанской эскадрой, которая совершала переход из Либавы на Дальний Восток. Русские миноносцы обстреляли корабли Гульбского английского рыболовного общества, приняв их за японские суда, поскольку накануне командующий эскадрой З. П. Рожественский получил разведанные о том, что японский флот собирается напасть на него в Северном море. Подробнее о расследовании этого инцидента см.: *Таубе М. А.* «Зарницы»: Воспоминания о трагич. судьбе предреволюц. России (1900–1917). М., 2007. С. 49–79.

30. Вероятно, имеется в виду ситуация, возникшая вследствие Октябрьской всероссийской политической стачки 1905 г. Представители европейских банков во главе с французским банкиром Э. Нецлином приехали 7 октября в Петербург для выработки условий международного займа России. Однако под влиянием стачки они отказались от ведения переговоров и неожиданно покинули столицу империи (*Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. С. 312–313).

31. Подразумевается русско-германский торговый договор 1904 г., оказавшийся менее выгодным, чем аналогичный договор 1893 г.

32. Столыпинскую аграрную реформу составили следующие, последовательно изданные, акты: высочайшее повеление 12 августа 1906 г. о передаче части удельных земель Крестьянскому банку, указ 27 августа 1906 г. о предназначении казенных земель к продаже для расширения крестьянского землевладения, высочайше утвержденное 30 августа 1906 г. положение Совета министров о предоставлении Крестьянскому поземельному банку при производстве операций по землям, заложенным в Особом отделе Дворянского земельного банка, принимать на себя долги этому банку, указ 19 сентября 1906 г. о передаче кабинетских земель в Алтайском округе в распоряжение Главного управления землеустройства и земледелия для образования переселенческих участков, указ 5 октября 1906 г. об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных состояний, указ 14 октября 1906 г. о понижении платежей заемщиков Крестьянского поземельного банка и об изменении условий выпуска государственных свидетельств этого банка, высочайше утвержденное 21 октября 1906 г. положение Совета министров о разрешении владельцам заповедных, временно-заповедных, майоратных, ленных и подушных имений отчуждать крестьянам участки из состава принадлежащих им имений, указ 9 ноября 1906 г. о дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования, и указ 15 ноября 1906 г. о выдаче Крестьянским поземельным банком ссуд под залог надельных земель. Указ 9 ноября 1906 г. после прохождения через III Государственную думу и Государственный совет, которые внесли в него некоторые изменения и дополнения, и утверждения 14 июня 1910 г. Николаем II стал законом «Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении». Текст этого закона см.: *Столыпин П. А.* Программа реформ. Т. 1. С. 423–434.

Глава 13

1. II Государственная дума начала свою работу 20 февраля 1907 г.

2. Судьбу II Думы решило дело депутатов ее Социал-демократической фракции. Участники состоявшегося 29 апреля 1907 г. собрания Военной организации РСДРП, занимавшейся подготовкой вооруженного восстания, приняли решение о выработке от имени революционно настроенных солдат наказа социал-демократическим депутатам. Департамент полиции узнал об этом от секретаря Военной организации Е. Н. Шорниковой, которая была секретной сотрудницей Петербургского охранного отделения. Полиция арестовала членов Военной организации 4 мая, на квартире члена Социал-демократической фракции И. П. Озоля. Конечно, в действиях полиции имелся элемент провокации. Однако поводы для нее дали сами социал-демократы. «Провокаторам и шпионам, — признавал П. Н. Милюков, — нетрудно было найти в тактике социалистов криминал, против которого спорить было невозможно» (*Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 1. С. 429). При всей значимости наказа как вещественного доказательства, подчеркивал В. Н. Коковцов, обвинение против участников организации и социал-демократических депутатов базировалось не только на нем (*Коковцов В. Н.* Из моего прошлого: Воспоминания. 1903–1919 гг. М., 1992. Т. 1. С. 235). Отрицательная реакция думского большинства на требование Со-

вета министров о немедленном снятии с членов Социал-демократической фракции депутатской неприкосновенности дало правительству повод для роспуска Думы. Параллельно с подготовкой роспуска в первых числах мая 1907 г. с одобрения Николая II начались конспиративные совещания министров, посвященные обсуждению проектов нового избирательного закона. После долгих дебатов была принята курialsкая схема выборов, разработанная товарищем министра внутренних дел С. Е. Крыжановским и в шутку названная сановниками «бесстыжей». Манифестом 3 июня 1907 г., в составлении которого принял участие П. А. Столыпин, Николай II распустил Думу и изменил выборный закон без участия народного представительства, что являлось нарушением Основных законов 1906 г. и, тем самым, государственным переворотом. См. об этом: *Куликов С. В.* Государственная дума Российской империи. С. 16–18.

3. Имеется в виду конвенция России и Англии, подписанная в Петербурге 18 августа 1907 г. и приведшая к урегулированию их отношений в Персии, Афганистане и Тибете. См. об этом: *Игнатьев А. В.* Внешняя политика России. С. 131–138, 181–195.

4. Подробнее о значении тибетского вопроса при заключении англо-русского соглашения 1907 г. см.: *Кулешов Н. С.* Россия и Тибет. М., 1992. С. 118–133.

Глава 14

1. «Русь» — политическая газета, выходившая два раза в месяц в Москве с 15 ноября 1880 по 1 марта 1886 г. Ее издателем-редактором был И. С. Аксаков, в 1886 г., после его смерти, — Д. Ф. Самарин. Являлась органом поздних славянофилов.

2. Имеется в виду проходивший в Берлине с 13 июня по 13 июля 1878 г. конгресс представителей Австро-Венгрии, Англии, Германии, Италии, России, Турции и Франции. На конгрессе под давлением главным образом Англии Россия была вынуждена согласиться на невыгодную для нее ревизию Сан-Стефанского прелиминарного мирного договора, завершившего русско-турецкую войну 1877–1878 гг.

3. Встреча в Бухлау (Моравия) министров иностранных дел России и Австро-Венгрии А. П. Извольского и А. фон Эренталья состоялась 3 (15) сентября 1908 г., причем последний играл роль хозяина, поскольку встреча происходила в его замке. Во время нее речь шла о уже предпринятой Англией Австро-Венгрии Боснии и Герцеговины, которые формально принадлежали Турции, а фактически, по решению Берлинского конгресса 1878 г., были оккупированы Австро-Венгрией. А. фон Эренталь согласился по совершении аннексии оформить ее на международной конференции, о самой же аннексии заранее предупредить А. П. Извольского, который получил от собеседника, в качестве компенсации, обещание, что постановка Россией вопроса об отмене запрета на проход через Босфор и Дарданеллы ее военных судов встретит «дружественное и благожелательное отношение» Вены. Министры договорились также, что аннексия произойдет не ранее оформления позиций сторон соответствующими документами, однако А. фон Эренталь нарушил это джентльменское соглашение. Подробнее о свидании в Бухлау см.: История внешней политики России. Конец XIX – начало XX в. С. 233–237.

4. Аннексия Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией произошла 24 сентября (7 октября) 1908 г., провозглашение же Болгарии независимым государством (царством) — двумя днями ранее. До этого, по решению Берлинского конгресса 1878 г., Болгария формально считалась княжеством, находящимся в вассальной зависимости от Турции.

5. Как вспоминал А. Ф. Редигер, вопрос об отношении России к аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией по повелению Николая II «обсуждался на дипломатическом совещании», а затем, 6 марта 1909 г., в Совете министров под председательством императора. «На совещании, — отмечал А. Ф. Редигер, — дебатов не было, так как я категорически заявил, что мы к войне не готовы и воевать не можем. Поэтому совещание,

а затем и Совет министров единогласно постановили признать аннексию без каких-либо возражений, и государь с этим согласился» (*Редигер А. Ф.* История моей жизни: Воспоминания воен. министра. М., 1999. Т. 2. С. 277).

6. Здесь, видимо, имеется в виду письменный обмен мнениями, состоявшийся между руководителями дипломатических ведомств Англии, России и Франции в феврале 1909 г. 26–27 марта (8–9 апреля) того же года европейские державы, подписавшие Берлинский трактат 1878 г., в т. ч. и Россия, особыми нотами сообщили Австро-Венгрии о своем соглашении на отмену статьи 25 этого трактата, запрещавшей ей аннексию Боснии и Герцеговины.

7. Визит А. П. Извольского в Англию был частью большого дипломатического турне министра иностранных дел и длился с 13 (26) сентября по 1 (14) октября 1908 г.

8. III Государственная дума открылась не в 1908 г., а 1 ноября 1907 г. А. П. Извольский выступил в ней 12 декабря 1908 г. Текст его речи, а также вызванных ею выступлений думцев см.: Государственная дума: Стеногр. отчеты. III созыв. 1908 г. Сес. 2. Ч. I. СПб., 1908. Стлб. 2613–2704.

9. А. Ф. Керенский являлся депутатом не III, а IV Государственной думы.

10. Реформа центральных учреждений МИД являлась одним из главных пунктов программы А. П. Извольского как министра иностранных дел. Уже в 1906 г., через несколько месяцев после получения им этого поста, в МИД была образована Комиссия по подготовке проекта реорганизации министерства во главе с товарищем министра иностранных дел К. А. Губастовым, которого в 1907 г. сменил Н. В. Чарыков. Направление деятельности комиссии определяли «Вопросные пункты», составленные самим А. П. Извольским и его ближайшими сотрудниками. Тогда же при участии барона М. А. Таубе был разработан проект исправления «Учреждения Министерства иностранных дел», находившегося в Своде законов Российской империи. Этот проект предусматривал реформирование центральных учреждений на основе регионального принципа, создание юридического отдела и отдела печати. Комиссия Чарыкова закончила свою работу в начале 1910 г., после чего подготовленный ею законопроект о преобразовании штатов МИД обсуждался Советом министров, который в марте 1910 г. внес его в III Государственную думу. Однако только в 1914 г. данный законопроект был одобрен уже IV Думой и 14 июля того же года утвержден Николаем II. В результате этой реформы центральный аппарат МИД стал состоять из следующих учреждений: объединенные канцелярия (ведала перепиской министра, подготовкой его всеподданнейших докладов, отправкой и приемом дипкурьеров и выдачей загранпаспортов) и 1-й политический отдел (западно- и центральноевропейские государства, Америка и Африка, кроме Абиссинии и Египта, а также шифровальное отделение и литография), 2-й (ближневосточный), 3-й (среднеазиатский) и 4-й (дальневосточный) политические отделы, 1-й (кадровые и хозяйственные вопросы) и 2-й (консульские и юридические дела) департаменты, Юрисконсультская часть, отдел печати и архивы (два в Петербурге и один — в Москве). Подробнее о реформе центрального аппарата МИД см.: *Bolsover G. H.* *Isvolsky and reform of the Russian Ministry of foreign affairs // The Slavonic and East European Review.* 1985. Vol. 63. № 1; *Игнатьев А. В.* Внешняя политика России. С. 114–115; История внешней политики России. Конец XIX — начало XX в. С. 85–87; Очерки истории Министерства иностранных дел России. М., 2002. Т. 1. С. 537–547; Высшие и центральные государственные учреждения России. Т. 4. С. 9–13. Одновременно с вопросом о реорганизации центральных учреждений МИД был поднят и вопрос о реформе его заграничных установлений, до 1917 г. так и не решенный. См. об этом: Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. 1. С. 548–552.

11. Ю. Я. Соловьев подтверждал, что он участвовал в «Междуведомственной комиссии по преобразованию нашего министерства». Он подготовил проект, согласно которому были установлены новые кадры Бюро печати (*Соловьев Ю. Я.* Воспоминания дипломата. С. 216).

12. В начале XX в. в состав Туркестанского края (Туркестанского генерал-губернаторства), находившегося в ведении не гражданских властей, а Военного министерства,

входили Закаспийская, Самаркандская, Семиреченская, Сырдарьинская и Ферганская области, которые управлялись на основании трех положений, в связи с чем и возникла проблема установления единообразия в управлении этим краем. В 1905 г. заседавшая в Ташкенте специальная комиссия разработала проект Общего туркестанского положения. Особый журнал Совета министров, утвержденный Николаем II 30 июля 1907 г., уполномочил военного министра А. Ф. Редигера образовать для рассмотрения проекта Туркестанского положения Особое межведомственное совещание под председательством К. А. Нестеровского, назначив срок в два года на переработку проекта и представление его кабинету. В целях более полного освещения ситуации в Туркестанском крае и внесения в совещание дополнительных материалов 8 марта 1908 г. царь поручил члену Правительствующего сената графу К. К. Палену провести ревизию края, а Особый журнал Совета министров, утвержденный Николаем II 24 марта 1909 г., приостановил работу комиссии Нестеровского «до выяснения результатов ревизии». Однако по окончании ревизии 14 ноября 1910 г. император повелел рассмотреть ее результаты Совету министров, который для подготовки преобразования управления Туркестаном предложил образовать Особое совещание, на что 29 декабря 1910 г. последовало согласие монарха. Председателем Особого совещания стал государственный контролер П. А. Харитонов, под руководством которого к ноябрю 1912 г. оно и разработало соответствующие законопроекты (Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб., 1998. С. 848–863; Особые журналы Совета министров... 1912 год. М., 2004. С. 353–354).

13. Вопрос о введении городского самоуправления в Царстве Польском приобрел особое значение по инициативе П. А. Столыпина. Проект Городового положения для Польши, разработанный в Межведомственном совещании под председательством начальника Главного управления по делам местного хозяйства МВД С. Н. Гербеля, был внесен в Совет министров в июле 1909 г. Министры 28 июля 1909 г. высказали свои соображения по проекту и поддержали мнение П. А. Столыпина о необходимости его рассмотрения в Совете по делам местного хозяйства, который занимался этим в октябре того же года. На заседаниях кабинета 6 и 27 апреля 1910 г. работа Совета по делам местного хозяйства получила одобрение, и законопроект о введении Городового положения в Царстве Польском был передан в III, а затем – в IV Государственную думу, однако Государственный совет отверг этот законопроект. В марте 1915 г. Николай II утвердил закон о городском самоуправлении в Царстве Польском в чрезвычайно-указном порядке (Высочайше утвержденное 17 марта 1915 г. Положение Совета министров «О распространении действия Городового положения 11 июня 1892 г. на города губерний Царства Польского» // Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени. Т. 1. С. 554–585; Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма. С. 384–399).

14. См. комментарий 20 к главе 12.

15. В данном случае с мнением В. Б. Лопухина перекликается мнение левого кадета князя В. А. Оболенского, который в 1890-е гг. служил в Министерстве земледелия и государственных имуществ и, обрисовывая ситуацию, характерную уже для этого периода, вспоминал: «Несомненно, в Петербурге было перепроизводство чиновников, и многие из них на низших должностях не имели достаточно работы. Работали по-настоящему высшие должностные лица, начиная с начальников отделений, а министры были перегружены работой» (Оболенский В. А. Моя жизнь, мои современники. Paris, 1988. С. 130).

16. Имеется в виду басня А. И. Крылова о свинье, подрывавшей корни дуба.

17. Богарные земли (богара) – поля, засеваемые в Средней Азии под дождь, т. е. без искусственного орошения, главным образом – яровой пшеницей. Богарные посевы, по причине недостатка воды, играли большую роль в хозяйственной жизни, тем более, что неурожай богары влек за собой голод, и занимали от четверти до половины всех посевов.

18. На самом деле увольнение А. Ф. Редигера произошло по причине того, что на заседании III Государственной думы 23 февраля 1909 г. он, по мнению Николая II, недо-

статочно решительно опроверг прозвучавшие на том же заседании критические отзывы А. И. Гучкова о высшем командном составе армии (*Редигер А. Ф.* История моей жизни. Т. 2. С. 277–280).

Глава 15

1. Сам С. Д. Сазонов отрицал версию, приводимую В. Б. Лопухиным и разделявшуюся другими современниками. Согласно Сазонову, А. П. Извольский избрал его в товарищи министра иностранных дел, с перспективой назначения к себе в преемники, независимо от П. А. Столыпина. Подразумеваемая Извольского, Сазонов вспоминал: «Перебирая возможных себе заместителей, он остановил свое внимание, в числе других, и на мне. Ему говорили обо мне некоторые лица, ко мнению которых он прислушивался. К тому же он близко знал меня лично со времени нашей трехлетней совместной службы в Риме». Сазонов подчеркивал, что «в этом вопросе, вопреки утверждению графа Витте, П. А. Столыпин не играл никакой роли. Я, — писал Сазонов, — упоминаю об этом факте лишь потому, что считаю долгом снять с памяти этого замечательного человека обвинение в соображениях семейного свойства при замещении одной из наиболее ответственных должностей в государстве» (*Сазонов С. Д.* Воспоминания. М., 1991. С. 22–23). Подробнее о положении министра иностранных дел в царском Совете министров см.: *Флоринский М. Ф.* Совет министров и Министерство иностранных дел в 1907–1914 гг. // Вестник Ленинградского государственного университета. История, язык и литература. 1977. № 2. Вып. 1; *Mac Laren, Mac Donald D.* United government and foreign policy in Russia 1900–1914. London, 1992.

2. Потсдамское свидание Николая II и Вильгельма II происходило 22–23 октября (4–5 ноября) 1910 г. В центре внимания участников переговоров было не общеполитическое соглашение, а регулирование русско-германских отношений в Персии в связи с финансированием Германией строительства Багдадской железной дороги. О Потсдамском свидании см.: *Аветян А. С.* Русско-германские дипломатические отношения накануне Первой мировой войны. 1910–1914. М., 1985. С. 66–83.

3. Современники, в т. ч. В. Б. Лопухин, видели в Г. Е. Распутине поклонника секты хлыстов, адепты которой практиковали разврат, а потому репутацию развратника имел и Г. Е. Распутин. Жертвами его любовных походов считали подругу царской семьи А. А. Вырубову и даже императрицу Александру Федоровну. Между тем, Николай II неоднократно имел основания сомневаться в истинности возводимых на старца обвинений. Когда слух об изнасиловании Г. Е. Распутиным няни царских детей дошел до императора, то он немедленно приказал произвести дознание. «Выяснилось, что молодую женщину, — вспоминала великая княгиня Ольга Александровна, — действительно застали в постели — но с казаком из Императорского конвоя» (*Воррес Й.* Последняя великая княгиня // *Ден Л.* Подлинная царица. *Воррес Й.* Последняя великая княгиня. М., 1998. С. 295). Известный врач Р. Р. Вреден, осматривавший Распутина в 1914 г. по поручению Министерства двора в связи с покушением на старца, «нашел детородные органы пациента в состоянии, которое наблюдается у весьма пожилых людей, что заставило врача усомниться в его способности вообще вести половую жизнь» (*Пайнс Р.* Русская революция. М., 1994. Ч. 1. С. 292). В начале 1916 г., читая представленную царю сводку фактов о разгульной жизни старца на стороне, Николай II заметил, что «в день и час, в который произошел один из указанных в расследовании фактов, Распутин как раз находился в Царском Селе» (*Жильяр П.* Император Николай II и его семья. (Петергоф, сентябрь 1905 — Екатеринбург, май 1918 г.): По лич. воспоминаниям. М., 1921. С. 133). В муссировании слухов о развратности Распутина Николай II видел не только следствие заблуждения, но и средство дискредитирования монарха и монархии. Выражая мнение царя, князь М. М. Андроников писал ему в сентябре 1915 г., что «самый удобный для дискредитиро-

вания верховной власти способ — это распространение в народе, путем печати, небывалых слухов о Григории Ефимовиче Распутине» («Успокоения нечего ожидать»: Письма князя М. М. Андроникова Николаю II, Александре Федоровне, А. А. Вырубовой и В. Н. Воейкову // Источник. 1999. № 1. С. 27). Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства, по свидетельству ее следователя В. М. Руднева, доказала ложность слухов об интимных отношениях Г. Е. Распутина с Александрой Федоровной и А. А. Вырубовой (*Руднев В. М.* Правда о царской семье и «темных силах» // Святой черт. Тайна Г. Распутина: Воспоминания, док., материалы следств. комис. М., 1990. С. 292–294). Не подтвердилась и версия о хлыстовстве старца. Еще в 1912 г. тобольский епископ Алексей вынес впечатление, что дело о принадлежности Г. Е. Распутина к секте хлыстов возбуждено «без достаточных к тому оснований». По инициативе Алексея Тобольская духовная консистория в ноябре 1912 г. дело о хлыстовстве Распутина прекратила (Г. Е. Распутин глазами официальных властей // Русское прошлое: Ист.-док. альм. СПб., 1996. Кн. 6. С. 137, 138). Независимые эксперты также не считали старца хлыстом. В том же 1912 г. историк сектантства В. Д. Бонч-Бруевич опубликовал статью, в которой писал, что «Г. Е. Распутин-Новых является полностью и совершенно убежденным православным христианином, а не сектантом» (*Ляндрес С. М., Смолин А. В.* Примечания к публикации «А. И. Гучков рассказывает...» // Вопросы истории. 1991. № 11. С. 195). Оппозиционный журналист И. А. Гофштеттер хлыстовство Распутина также «отрицал» (Показания А. Д. Протопопова // Падение царского режима. Т. 4. С. 9). К отрицанию хлыстовства старца пришла и Чрезвычайная следственная комиссия (*Руднев В. М.* Правда о царской семье и «темных силах». С. 284). Более того, по свидетельству следователя комиссии А. Ф. Романова, она обнаружила, что противники Распутина использовали для его дискредитирования фальшивки, в частности отретушированные фотографии (*Романов А. Ф.* Император Николай II и его правительство: (По данным Чрезвычайной следств. комис.) // Русская летопись. 1922. Кн. 2. С. 19). Так или иначе, но слухи о порочности Г. Е. Распутина, судя по всему, были действительно преувеличены, как и слухи о вмешательстве старца в государственное управление. По свидетельству Руднева, Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства «решительно не было добыто никаких указаний о вмешательстве Распутина в политические дела» (*Руднев В. М.* Правда о царской семье и «темных силах». С. 285). Влияние старца на царя, несомненно, существовало, но не столько в политической, сколько в духовной сфере. В общении с Распутиным Николай II находил удовлетворение своим душевным запросам. «Отец, — отмечала дочь старца, — был для Николая лекарем, а не советчиком» (*Распутина М. Г.* Распутин. Почему?: Воспоминания дочери. М., 2000. С. 234). Подробнее о степени политического влияния Г. Е. Распутина см.: *Куликов С. В.* Камарилья и «министерская чехарда».

4. См. комментариев 10 к главе 14.

5. Императорский яхт-клуб — элитарный клуб, основанный в 1847 г. и в начале XX в. располагавшийся на Малой Морской в Петербурге. Членами Яхт-клуба, командором которого долгое время состоял министр Императорского двора граф И. И. Воронцов-Дашков, а затем — его преемник граф В. Б. Фредерикс, были великие князья, придворные, дипломаты, высокопоставленные бюрократы и гвардейские офицеры, причем многие из них разделяли либеральные взгляды. По воспоминаниям директора императорских театров В. А. Теляковского, Яхт-клуб затмевал «своим блеском, пышностью и влиянием все решительно клубы в России». Члены императорской фамилии и представители дипломатического корпуса принимались в Яхт-клуб без баллотировки, но для остальных кандидатов существовала самая строгая фильтрация, никогда не практиковавшаяся в других клубах: один черный шар уничтожал пять белых, причем среди посетителей Яхт-клуба были такие члены, которые всегда и всем клали черные шары. «Здесь, — отмечал Теляковский, подразумеваемая Яхт-клуб, — можно было узнавать все самые последние новости придворные, служебные, общественные и политические, до театральных, — конечно, балетных, — включительно», «если говорилось, что это сказано было в Яхт-клубе, то считалось, что ис-

точный был серьезный, ибо здесь вращались и великие князья, и сановники, и дипломаты самой высокой марки» (*Теляковский В. А.* Воспоминания. 1898–1917. Пб., 1924. С. 138, 141). В царствование Николая II Яхт-клуб приобрел политическое значение, поскольку в нем, вспоминал великий князь Николай Михайлович, «открыто критиковались поступки и поведение» императрицы Александры Федоровны (*Николай Михайлович, вел. кн.* Записки // Красный архив. 1931. Т. 6. С. 106–107).

Глава 16

1. Фразой «Не запугаете» П. А. Столыпин закончил свое выступление во II Государственной думе, состоявшееся 6 марта 1907 г. См.: *Столыпин П. А.* Нам нужна великая Россия...: Полн. собр. речей в Гос. думе и Гос. совете. 1906–1911. М., 1991. С. 64.

2. Подразумеваются совершенные 3 июня 1907 г. по инициативе П. А. Столыпина роспуск II Государственной думы и издание без нее нового избирательного закона — так называемый третьеиюньский переворот.

Словами «Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия!» П. А. Столыпин закончил свою речь, произнесенную им 10 мая 1907 г. во II Думе (*Столыпин П. А.* Нам нужна великая Россия. С. 96).

Инцидент с членом кадетской фракции III Думы Ф. И. Родичевым имел место 20 ноября 1907 г., при обсуждении декларации правительства, озвученной П. А. Столыпиным.

3. Речь идет о так называемом «конституционном» кризисе 1911 г., во время которого законопроект о распространении Земского положения 1890 г. на западные губернии, принятый III Государственной думой, был отвергнут 11 марта 1911 г. Государственным советом, в чем П. А. Столыпин усмотрел интригу, нацеленную против него лично и его кабинета. В тот же день по просьбе премьера, под угрозой выхода Столыпина в отставку, Николай II прервал заседания законодательных учреждений на три дня, а затем указом 14 марта провел законопроект о западном земстве в думской редакции по статье 87-й Основных государственных законов 1906 г. Подробнее см.: *Дякин В. С.* Чрезвычайно-указное законодательство в России (1906–1914 гг.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. Т. 7. С. 266–267.

4. Есть основания полагать, что В. Б. Лопухин, как и другие современники, оценивал ошибочно отношения царя и премьера после мартовского кризиса 1911 г. Сотрудник П. А. Столыпина А. В. Зеньковский утверждал, что противники премьера в Государственном совете «глубоко ошиблись, и именно в то время положение Столыпина еще более укрепилось в глазах государя» (*Зеньковский А. В.* Правда о Столыпине. М., 2002. С. 149). Показательно, что непосредственно после кризиса Николай II пожаловал зятю премьера, Б. И. Боку, придворное звание камер-юнкера, хотя Столыпин и не настаивал на этом (*Куликов С. В.* Высшая царская бюрократия и Императорский двор. С. 32). Слухи об отставке Столыпина с поста председателя Совета министров были только слухами. На самом деле, когда летом 1911 г. врачи открыли у него грудную жабу, стало ясно, что сердце Столыпина «требует полного и длительного отдыха» (*Бок М. П.* Воспоминания о моем отце П. А. Столыпине. Нью-Йорк, 1953. С. 330). В связи с этим он хотел уйти с поста министра внутренних дел, сохранив за собой премьерство. В свои преемники по МВД Столыпин рекомендовал царю нижегородского губернатора А. Н. Хвостова (Допрос генерала В. Н. Воейкова. 28 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т. 3. М.; Л., 1925. С. 80). После гибели Столыпина его преемником по МВД Николай II хотел назначить именно А. Н. Хвостова, однако В. Н. Коковцов отговорил императора от этого.

5. Покушение на П. А. Столыпина произошло 1 сентября 1911 г. в Киевском оперном театре, причем стрелявший в него Д. Г. Богров, анархист по своим убеждениям, являлся бывшим сотрудником Киевского охранного отделения, поскольку к моменту покушения около полутора лет не сотрудничал с ним. Смерть Столыпина последовала не через не-

сколько часов, как пишет В. Б. Лопухин, а через несколько дней — 5 сентября. См. также комментарий 31 к главе 1.

6. «Эрнест» — петербургский ресторан, называвшийся по имени его владельца и существовавший в 1909–1912 гг. по адресу: Каменноостровский пр., д. 60. Кроме того, Эрнест содержал ресторан «Медведь» (Большая Конюшенная ул., д. 27).

Глава 17

1. Вероятно, речь идет о Международном железнодорожном конгрессе.

2. Официальные торжества, посвященные 100-летию Бородинского сражения, происходили на Бородинском поле и в Москве 25–30 августа 1912 г. Подробное описание этих торжеств см.: *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. М., 1997. Т. 2. С. 17–66.

3. Заграничная поездка министра иностранных дел С. Д. Сазонова, в ходе которой он посетил сначала Лондон, а затем — Париж и Берлин, происходила в сентябре-октябре 1912 г.

4. Подразумевается Балканский союз (Болгария, Греция, Сербия и Черногория), который окончательно сформировался в конце мая 1912 г. при полной поддержке России. Министр иностранных дел С. Д. Сазонов признавал, что союз возник «если не по почину русского правительства, то с его ведома и согласия» (*Сазонов С. Д.* Воспоминания. С. 60). Союзники объявили войну Турции 17 октября 1912 г. Эта война получила известность как 1-я Балканская и длилась до 30 мая 1913 г., когда был подписан Лондонский мирный договор между Турцией и ее противниками. Согласно договору, болгаро-турецкая граница стала проходить по линии Энос-Мидия, все же остальные европейские владения турок отходили к союзникам. Судьба Албании передавалась на усмотрение великих держав, которые решили создать из нее независимое государство.

5. Согласно «Повести временных лет», в 907 г. киевский князь Олег по окончании удачного для него похода на Византийскую империю прибил свой щит на ворота ее столицы Константинополя (Царьграда).

6. Речь идет о 2-й Балканской войне, которая началась 30 июня и закончилась 10 августа 1913 г. заключением Бухарестского мирного договора. В ходе этой войны против Болгарии объединились ее прежние союзники по 1-й Балканской войне — Греция, Сербия и Черногория, к которым присоединились Румыния и Турция, в силу чего Болгария потерпела поражение.

Глава 18

1. Имеется в виду Лондонская конференция послов великих держав, входивших как в Антанту, так и в Тройственный союз, которая открылась 16–17 декабря 1912 и заседала до 30 мая 1913 г., т. е. до окончания 1-й Балканской войны. Параллельно в Лондоне проходили переговоры между представителями стран, участвовавших в этой войне.

2. Подразумевается государственный переворот 1903 г. в Сербии, в результате которого король Александр и королева Драга из династии Обреновичей были убиты в ночь с 28 на 29 мая и на престол взошел Петр I из династии Карагеоргиевичей.

3. Т. е. Первую мировую войну 1914–1918 гг.

4. Ультиматуму, предъявленному Австро-Венгрией Сербии, предшествовало убийство наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда и его мorganатической супруги графини С. Гогенберг, которое стало формальным поводом к началу Первой мировой войны. Эрцгерцог и графиня были застрелены в 11 часов утра 28 июня 1914 г. (н. ст.) в столице Боснии Сараево, куда Франц-Фердинанд прибыл для наблюдения за военными маневрами. Убийца, сербский националист Гаврило Принцип, являлся чле-

ном тайного общества «Млада Босна», боровшегося за освобождение Боснии от австрийского господства и связанного с сербскими антиавстрийскими организациями «Объединение или смерть» («Черная рука») и «Народна одбрана» («Народная оборона»). В ответ на убийство Франца-Фердинанда Австро-Венгрия, полагая, что организатор убийства — Сербия, предъявила ей 23 июля ультиматум, который содержал следующие требования: осуждение всякой пропаганды против Австро-Венгрии, ведущейся в Сербии чиновниками и офицерами; заявление о неодобрении самой мысли о каком-либо вмешательстве во внутреннюю жизнь любой части территории Австро-Венгрии; помещение этого заявления в приказе сербского короля Петра I по армии и на первой странице главной официальной газеты; запрещение всех публикаций, враждебных Австро-Венгрии, прежде всего тех, общее направление которых нацелено против ее территориальной целостности; немедленное закрытие общества «Народная оборона» и других обществ, враждебных Австро-Венгрии, и конфискация их средств пропаганды; удаление преподавателей, агитирующих против нее, и искоренение в народном образовании всего того, что могло бы служить этой пропаганде; удаление с военной службы и из администрации офицеров и чиновников, чьи имена укажет австро-венгерское правительство; открытие судебного расследования обстоятельства убийства Франца-Фердинанда, с тем, чтобы представители Австро-Венгрии участвовали в следствии на территории Сербии; наказание офицеров и чиновников, оказывавших помощь участникам убийства; представление объяснений по поводу заявлений высших сербских чинов относительно убийства. Все эти условия Сербия должна была выполнить в течение 48 часов. Срок ультиматума истек в 18.00 25 июля. Под давлением России Сербия согласилась удовлетворить все требования, кроме одного — об участии австро-венгерских представителей в следствии на ее территории. Впрочем, она соглашалась вынести этот пункт на обсуждение Гаагского трибунала или великих держав и подчиниться тому решению, которое будет ими вынесено. Тем не менее, поддерживаемая своей союзницей Германией, Австро-Венгрия не удовлетворилась ответом Сербии и в 11 часов утра 28 июля начала бомбардировку ее столицы — Белграда (*Тарле Е. В.* Европа в эпоху империализма. 1871—1919 гг. 2-е изд. М.; Л., 1928. С. 270—271, 273).

5. Взятие болгарской армией, в ходе 2-й Балканской войны, турецкой крепости Адрианополь (Эдирне) произошло 26 марта 1913 г. Однако уже во время 2-й Балканской войны, 20 июля 1913 г., Турция вернула себе эту крепость. На встречу с думцами С. Д. Сазонов пошел из-за раздававшейся в Таврическом дворце критики позиции России по скутарийскому вопросу, т. е. по вопросу о судьбе города Скутари, который Черногория, поддерживаемая русским общественным мнением, хотела включить в свой состав, несмотря на сопротивление Австро-Венгрии и Германии, выступавших за присоединение Скутари к вновь образуемой Албании. Не желая обострять отношения с центральными державами, царская дипломатия приняла их точку зрения. По воспоминаниям С. Д. Сазонова, он «пригласил к себе всех членов Государственной думы, которые интересовались внешней политикой, и прочитал им в подлинниках дипломатические документы, касавшиеся скутарийского вопроса. Эти документы показали им настолько убедительными, что появившееся было в Думе неблагоприятное настроение к русской политике сменилось в скором времени благожелательной ее оценкой» (*Сазонов С. Д.* Воспоминания. С. 88).

6. Официальное празднование 300-летия династии Романовых происходило 20—24 февраля 1913 г. в Петербурге. Описание этого события см.: *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. Т. 2. С. 145—156.

Глава 19

1. Первая мировая война началась 19 июля (1 августа) 1914 г. с объявления Германией войны России.

2. См. комментарий 4 к главе 18.

3. Всеобщая мобилизация русской армии, т. е. ее развертывание и на австрийской, и на германской границе, была объявлена Николаем II 17 июля 1914 г. в качестве меры давления лишь на Австро-Венгрию, напавшую на Сербию. Поскольку немецкая военная наука, в отличие от русской, трактовала момент объявления мобилизации как начало войны, кайзеровское правительство сочло действия России началом войны не только против Австро-Венгрии, но и против Германии, что и заставило ее предъявить России ультиматум, содержавший дилемму: либо отмена мобилизации, либо русско-германская война. Отказ царского правительства от отмены мобилизации привел 19 июля (1 августа) 1914 г. к объявлению Германией войны России.

4. Имеется в виду франко-прусская война 1870–1871 гг., закончившаяся сокрушительным поражением Франции и отторжением от нее в пользу Германской империи Эльзаса и Лотарингии.

5. Подразумевается анонимная статья «Россия хочет мира, но готова к войне», написанная журналистом московской газеты «Русское слово» Б. М. Ржевским и опубликованная в петербургской газете «Биржевые ведомости» 27 февраля 1914 г.

«Биржевые ведомости» — ежедневная иллюстрированная «политическая, общественная и литературная газета», выходившая в 1880–1917 гг. в Петербурге и в начале XX в. отличавшаяся либеральным направлением.

В статье Ржевского сообщалось о получении «из безупречного источника сведения, не оставляющего сомнения, что Россия, по воле своего верховного вожда поднявшая боевую мощь армии, не думает о войне, но готова ко всяким случайностям». Текст статьи см.: *Лемке М. К.* 250 дней в царской Ставке. (25 сентября 1915–2 июля 1916). Пг., 1920. С. 4–6. В. А. Сухомлинов, чьи мемуары цитирует В. Б. Лопухин, вспоминал, что появление статьи было вызвано обращением к нему, по поручению «Русского слова», Ржевского, которому редакция этой газеты поручила «просить разрешения» у военного министра «ответить на явный вызов» немецких газет — в начале 1914 г. они печатали материалы, «задевавшие русскую армию». Проект статьи Ржевский представил Сухомлинову, а военный министр, после исключения из него «всех резких и неуместных выражений» — Николаю II, причем проект удостоился монаршего одобрения. Однако «Русское слово» отказалось от публикации сокращенного варианта статьи, и Ржевский передал ее «Биржевым ведомостям», где статья и была напечатана. Соглашаясь на ее публикацию, Николай II, отмечал Сухомлинов, «под влиянием» С. Д. Сазонова находил, что «вовремя показанный кулак может предотвратить драку». «Все дело здесь, — по мнению Сухомлинова, — заключалось в жесте, в легком “холодном душе”, сказал бы князь Бисмарк, чтобы отрезать алармистов по ту сторону границы» (*Сухомлинов В. А.* Воспоминания. Минск, 2005. С. 302–303).

6. Здесь перечисляются три войны: Крымская 1853–1856 гг., русско-японская 1904–1905 гг. и русско-турецкая 1877–1878 гг.

7. Сразу после сараевского убийства усилия С. Д. Сазонова были нацелены на предотвращение австро-сербской войны: он советовал как Австро-Венгрии, так и Сербии проявлять наивозможную умеренность. После предъявления Австро-Венгрией 23 июля (н. ст.) ультиматума Сербии Сазонов пытался локализовать австро-сербский конфликт и предотвратить перерастание его в европейскую войну. Так, уже 24 июля Сазонов беседовал с послом Германии в России Ф. фон Пурталесом, причем эта встреча «утвердила» последнего «в воззрении, что русский министр иностранных дел все еще определенно надеется избежать войны». Сазонов заверил посла, что «ищет средств доставить Австро-Венгрии законное удовлетворение, не изменяя при этом той точки зрения, что Россия должна отстаивать суверенитет Сербии от всяких посягательств». Министр иностранных дел заявил, что готов обсудить «любое предложение, которое может способствовать осуществлению этой достижимой цели» (*Пурталес Ф. фон.* Между миром и войной. Мои последние переговоры в Петербурге в 1914 году. М.; Пг., 1923. С. 26–28). Вечером 24 июля Сазонов телеграфировал в Белград о возможности оказания Россией военной

поддержки Сербии, но, вместе с тем, рекомендовал ей обратиться за посредничеством к Великобритании, с тем, чтобы урегулирование австро-сербского конфликта было вынесено на решение Международного третейского суда в составе представителей Великобритании, Германии, Италии и Франции. Одновременно министр иностранных дел обратился в Вену с просьбой продлить срок ультиматума, на что Австро-Венгрия ответила отрицательно. Беседа с Пурталесом 25 июля, Сазонов попросил германское правительство «уговорить Австрию» смягчить ультиматум или продлить его срок. Именно поэтому в течение 26 и 27 июля министр иностранных дел находился в уверенности, что уступчивость Сербии будет оценена Австро-Венгрией (*Писарев Ю. А.* Тайны Первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. М., 1990. С. 91–93). Однако после того как надежды Сазонова не оправдались и 28 июля Австро-Венгрия объявила войну Сербии, а 29 июля Белград подвергся бомбардировке, министр иностранных дел окончательно разочаровался в возможности сохранения европейского мира путем дипломатических переговоров. К 30 июля в Сазонове укрепилось «убеждение о неизбежности европейской войны». Тем не менее, не только русские, но и английские и французские дипломаты, подчеркивал он, «были проникнуты одинаковым намерением не прерывать, пока была на то какая-либо возможность, дипломатических переговоров, прекращение которых привело бы немедленно к войне». «Гром орудий, — вспоминал Сазонов, — помешал возобновлению этих переговоров, которым я придавал практическое значение только в первую стадию австро-сербского столкновения. Объявление войны Сербии и бомбардирование Белграда лишали их этого значения и я, не отказываясь от них по вышеприведенным соображениям, утратил к ним всякий интерес. Помочь они ничем не могли, а отсрочивать более было нечего» (*Сазонов С. Д.* Воспоминания. С. 238, 258–259). Делая столь пессимистический вывод, Сазонов явно выдавал желаемое за действительное, поскольку пока столкновение между Австро-Венгрией и Сербией имело локальное значение, предотвратить европейскую войну было еще вполне возможно. Следовательно, если до 28 июля, при всей неоднозначности позиции Сазонова, он являлся противником европейской войны, то после этой даты, предоставив события их естественному течению, он оказался причастным к ее развязыванию. Когда решался вопрос о том, проводить ли для поддержки Сербии частичную или всеобщую мобилизацию, Сазонов был одним из тех, кто выступил перед Николаем II за всеобщую мобилизацию, хотя это грозило войной не только с Австро-Венгрией, но и с Германией.

8. Речь идет о книге советского историка Н. П. Полетики «Сараевское убийство», вышедшей в 1930 г. в Ленинграде в издательстве «Красная газета» (с предисловием К. П. Шелавина). Помимо указанной работы, Н. П. Полетика написал еще следующие книги, посвященные той же тематике: Подготовка империалистической войны 1914–1918 гг. М., 1934; Возникновение мировой войны. М.; Л., 1935; Возникновение Первой мировой войны (июльский кризис 1914 г.). М., 1964. Рассматривая в «Сараевском убийстве» вопрос о виновниках Первой мировой войны, Полетика солидаризировался со взглядами школы М. Н. Покровского, которая, в отличие от «антантофильского» направления историографии в лице, прежде всего, Е. В. Тарле, занимала «германофильскую» точку зрения, поскольку считала виновниками войны не Тройственный союз, а Антанту, в т. ч. Россию. Полетика поставил перед собой задачу развенчать «ритуальную легенду о “маленькой, бедной, невинной Сербии, на которую неожиданно напала Австрия”» и показать «картину того, как сознательно фабриковался Антантой предлог для провокации мировой войны». Полетика допускал, что Сербия, организовав убийство Франца-Фердинанда, «только выполнила “социальный заказ” Антанты создать повод для самого благоприятного варианта войны ее с Тройственным союзом». Более того, он утверждал, что сараевское убийство «явилось организованным Антантой скрытым нападением на одного из членов Тройственного союза — Австро-Венгрию, и что тезис Германии: “на нас напали” совершенно правилен» (*Полетика Н. П.* Сараевское убийство: Исследование по истории австро-серб. отношений и балканской политики России в период 1903–1914 гг. Л., 1930. С. XI–XII,

411–412). На последующих страницах своих воспоминаний В. Б. Лопухин ведет полемику с концепцией Полетики, используя данные из его книги.

9. По воспоминаниям С. Д. Сазонова, на вопрос, исходивший не от премьер-министра, а от короля, «о возможности европейской войны» он ответил, что «опасность войны наступит для Европы только в том случае, если Австро-Венгрия нападет на Сербию» (*Сазонов С. Д. Воспоминания. С. 133*). Новые данные о сараевском убийстве и реакции на него великих держав, прежде всего России, см.: *Писарев Ю. А. Тайны Первой мировой войны. С. 23–49*.

10. Т. е. в Александровском лицее. В действительности С. Н. Свербеев окончил Московский университет.

11. Подразумевается дипломатический конфликт между Россией и Германией, длившийся с октября 1913 по февраль 1914 г. и вызванный отправкой в Турцию германской военной миссии во главе с генералом О. Лиманом фон Сандерсом. Подробнее о миссии см.: *Аветян А. С. Русско-германские дипломатические отношения. С. 225–232*.

12. Имеется в виду германская концессия на строительство Багдадской железной дороги.

13. Вопрос о проведении реформ в шести армянских вилайетах (провинциях) Турции был поднят в мае 1913 г. по инициативе Петербурга. Хотя Берлин, давно вошедший в роль покровителя Османской империи, «не выразил сочувствия» этой инициативе, она получила поддержку Парижа и Лондона, а также Австро-Венгрии, в посольстве которой в Константинополе в июне начала заседать Международная комиссия представителей великих держав для разработки армянских реформ. На восьми заседаниях комиссии рассматривался проект, разработанный драгоманом российского посольства в Турции А. Н. Мандельштамом и предусматривавший объединение армянских вилайетов в одну провинцию, управляемую генерал-губернатором из христиан, назначаемым султаном на пять лет с согласия великих держав. При генерал-губернаторе планировалось образовать выборное провинциальное собрание, состоящее наполовину из христиан, наполовину — из мусульман. На уровне вилайетов и санджаков предполагалось образование аналогичных по составу административных советов. Этот проект подвергся критике со стороны Германии и Австро-Венгрии, которые призвали другие державы, чтобы они «считались, в одинаковой мере, с желаниями Турции». Комиссия была вынуждена прекратить свою работу, а Россия — пойти на уступки. В результате российский и германский послы выработали более умеренный проект, который удовлетворил все великие державы, в т. ч. Германию, однако подпись ее представителя отсутствовала под соответствующим соглашением, заключенным 8 февраля 1914 г. только между Россией и Турцией (*Сазонов С. Д. Воспоминания. С. 169–175*).

14. К установлению протектората над Тибетом Англия стала стремиться открыто после Китайской революции 1911 г., хотя это означало полную ревизию важнейшего пункта русско-английского соглашения 1907 г. В качестве компенсации Англия предлагала России свободу рук в Монголии, в которой и без того русское влияние было доминирующим. Большим успехом английской дипломатии явилась Симлская конвенция, заключенная Англией с Китаем и Тибетом в октябре 1913 г. и содержащая пункт о независимости Тибета, т. е. первый шаг на пути к протекторату.

15. Версию о масонских корнях Первой мировой войны в 1920–1930-е гг. активно муссировали русские эмигранты из числа бывших черносотенных лидеров и идеологи Национал-социалистской партии Германии. Впрочем, скорее всего, В. Б. Лопухин мог узнать об этой версии, прочитав книгу Н. П. Полетики, который привел данные, которые, по его мнению, свидетельствовали о причастности масонских организаций Франции и Сербии («Великий Восток Франции» и белградская ложа «Побратим») к организации убийства Франца-Фердинанда (*Полетика Н. П. Сараевское убийство. С. 407–411*).

16. Увольнение В. Н. Коковцова с постов председателя Совета министров и министра финансов произошло 30 января 1914 г. (*Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи. С. 303*).

17. Сам В. Н. Коковцов о приведенных В. Б. Лопухиным словах Вильгельма II в своих воспоминаниях ничего не пишет. Ср.: *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Т. 2. С. 181–189.

18. Данное наблюдение соотносится с точкой зрения Ю. Я. Соловьева, который вспоминал, что в начале XX в. получение придворных званий «было почти неизбежно связано с дипломатической службой: почти две трети царских дипломатов носили придворный мундир» (*Соловьев Ю. Я.* Воспоминания дипломата. С. 131). В этом факте нельзя не усмотреть модификацию очень старой, наблюдавшейся еще в Московской Руси, традиции, вследствие влияния которой службы придворная и посольская, больше, чем какие-либо иные, взаимопроникали друг друга и почитались как бы только разновидностями одной и той же, особо поставленной службы личности государя. Впрочем, к 1917 г. на фоне общей численности придворных наиболее солидное представительство в рамках придворного штата имело Министерство внутренних дел (30,4%), за которым шли министерства Императорского двора (13,9%) и иностранных дел (12,3%). Однако при обратной перспективе МВД, как одно из самых многочисленных ведомств, оказывается едва ли не на последнем месте, первое же место переходит к МИД, насчитывавшему, вместе со всем личным составом центральных и зарубежных установлений (в т. ч. и консульских) и нештатными служащими, лишь около 700 человек. Отмеченная пропорция будет еще больше, если из этого числа вычесть консульский корпус, на что есть веские основания. Консулы имели достаточно проблематичную возможность получения придворных отличий, или, вернее, чаще всего не имели ее. В 1910 г. генеральный консул в Копенгагене В. Я. Сиверс был возведен в должность шталмейстера, несмотря на то, что «присвоение придворной должности лицу, находящемуся на консульской службе» МИД признавалось «неудобным». Через три года сопричтение к придворному штату одного из консулов не последовало под предлогом того, что «лица, состоящие на консульской службе по Министерству иностранных дел, обычно не представляются к придворным пожалованиям» (*Куликов С. В.* Высшая царская бюрократия и Императорский двор. С. 51–53).

19. См. комментарий 10 к главе 14.

20. См. комментарий 4 к главе 18.

21. Посещение английской эскадры Кронштадта относится к 10–15 (23–28) июня, визит же президента Франции Р. Пуанкаре в Петербург происходил 7–10 (20–23) июля 1914 г.

22. Сараевское убийство, по крайней мере внешне, Вильгельм II воспринял не слишком драматично, поскольку, наблюдая за проходившей в это время гонкой яхт по Кильскому каналу, кайзер не только не прекратил их, но и не поехал в Вену на похороны Франца Фердинанда. Однако довольно скоро Вильгельм II расценил покушение на эрцгерцога как удобный повод для Австро-Венгрии расправиться с Сербией, причем он был уверен в невозможности из-за австро-сербского конфликта как австро-русской, так и европейской войны. «Император Вильгельм и все руководящие здесь лица, — сообщал в Вену после сараевского убийства посол Австро-Венгрии в Германии Л. Сегеньи, — не только твердо стоят как верные союзники за [австро-венгерскую] монархию, но и самым решительным образом подбадривают нас не упустить нынешний момент». Согласно Л. Сегеньи, германская сторона аргументировала свою позицию неподготовленностью к войне России, стремлением Англии сохранить нейтралитет и тем, что убийство было чрезвычайно благоприятным предлогом для наступления на Сербию. Еще 10 июля Вильгельму II доставили предварительный текст австрийского ультиматума сербскому правительству, причем статс-секретарь Германии по иностранным делам А. Циммерман, явно отражая точку зрения кайзера, заявил: «Требования Вены настолько серьезные, что Сербия вряд ли сможет их принять. Следствием этого будет война». Узнав о предъявлении ультиматума 23 июля, Вильгельм II похвалил «венцев» «за храбрость» (*Писарев Ю. А.* Тайны Первой мировой войны. С. 65, 67). «По-видимому, его величество удручено! — подразумевая сербского короля Петра I, писал кайзер. — Гордые славяне! Насколько надута и пуста вся эта так называемая Сербская великая держава, настолько же никчемны и все другие славянские государства! Давите крепче ноги этой сволочи». Впрочем, когда Сербия дала свой

ответ, Вильгельм II наложил следующую резолюцию: «Блестящий результат для срока в 48 часов! Он превзошел все ожидания! Отпадают основания для войны» (*Лухарев М.* Вильгельм и начало мировой войны // *Анналы.* Пг., 1924. С. 105, 107). Однако после того, как стало ясно, что Австро-Венгрия не собирается удовлетворяться сербским ответом, кайзер поддержал намерение союзницы в ее конфликте с Сербией идти до конца. «Это можно только пожелать, — отметил Вильгельм II на полях одной из телеграмм. — Сербия не государство в европейском смысле, а банда разбойников» (*Писарев Ю. А.* Тайны Первой мировой войны. С. 78). Поведение кайзера не означало, что, поддерживая Австро-Венгрию, он сознательно стремится к превращению австро-сербского конфликта в европейскую войну, поскольку Вильгельм II полагал, что ни при каких условиях Россия не пойдет на вооруженную защиту Сербии, а потому все ограничится австро-сербской войной. Впоследствии, когда на горизонте замаячила возможность войны Германии с Россией и Францией, кайзер недооценил опасность этой войны, веря в то, что Англия в любом случае не нарушит своего нейтралитета. Показательно мнение С. Д. Сазонова, который считал, что «своевременное заявление Англии о ее солидарности с Россией и Францией будило бы Германию повлиять на австро-венгерское правительство в смысле умерения его требований, благодаря чему явилась бы возможность найти выход из созданного им опасного положения» (*Сазонов С. Д.* Воспоминания. С. 220). Поскольку, однако, и тот, и другой прогноз оказался ошибочным, а иной прогноз кайзер не учитывал, тем самым он разделил ответственность за развязывание Первой мировой войны.

23. Визит короля Саксонии Фридриха-Августа в Петербург имел место 6–9 (19–22) июня 1914 г.

Орден Альбрехта Мужественного — орден Саксонского королевства, основанный в 1850 г. в честь основателя династии его правителей, принадлежавших к Альбертинской линии дома Веттин. Орден выдавался за гражданские и военные заслуги и имел множество разновидностей знаков — одних звезд существовало пять видов. См.: *Спасский И. Г.* Иностранные и русские ордена до 1917 года. Л., 1963. С. 79.

24. См. комментарий 4 к главе 18.

25. Вечером 19 июля (1 августа) 1914 г. Германия через своего посла Ф. фон Пурталеса объявила войну России по причине неисполнения ее правительством германского ультиматума о прекращении всеобщей мобилизации, которая была предпринята для поддержки Сербии в ее противостоянии с Австрией.

26. «Огонек» — иллюстрированное «обозрение общественной и политической жизни, наук и изящных искусств», выходившее еженедельно в 1900–1917 гг. в Петербурге. В 1901–1908 гг. являлось приложением к «Биржевым ведомостям», с 1913 — к газете «Восток».

27. Подробнее о реакции графа С. Ю. Витте на начало Первой мировой войны и предпринятых им попытках добиться ее прекращения см.: *Ананьич Б. В., Ганелин Р. III.* Сергей Юльевич Витте и его время. С. 384–389.

28. Доклад С. Д. Сазонова Николаю II о необходимости всеобщей мобилизации состоялся 17 июля 1914 г. в Петергофе. Перед докладом министр иностранных дел встречался с военным министром В. А. Сухомлиновым и начальником Главного управления Генерального штаба Н. Н. Янушкевичем, которые «считали сохранение мира более невозможным и видели спасение только в немедленной мобилизации всех сухопутных и морских сил империи». Собеседники Сазонова просили его повлиять на императора «в смысле разрешения принять нужные меры для начала всеобщей мобилизации», причем Янушкевич заметил, что после получения разрешения на нее он не будет брать телефонной трубки под предлогом поломки его телефона, чтобы Николай II не мог изменить этого решения. По воспоминаниям Сазонова, во время его доклада царю, длившегося около часа, И. Л. Татищев находился тут же, а не в другой комнате, как пишет В. Б. Лопухин. Министр иностранных дел сказал Николаю II, что за прошедшие два дня положение «изменилось к худшему» и не остается «никакой надежды на сохранение мира», вследствие непримиримости Австро-Венгрии и Германии. Сославшись на телеграммы Вильгельма II

и сообщения, сделанные Сазонову Пурталесом, министр иностранных дел приходил к заключению, что России «войны не избежать», поскольку «она давно решена в Вене», а в Берлине «не хотят» произнести «слова вразумления» Австро-Венгрии, требуя от Петербурга «капитуляции перед центральными державами, которой Россия никогда не простила бы государю и которая покрыла бы срамом доброе имя русского народа». В таком положении, подытоживал Сазонов, не остается «ничего иного, как повелеть приступить ко всеобщей мобилизации», с чем Николай II, после некоторых размышлений, согласился (Сазонов С. Д. Воспоминания. С. 242–249).

29. Имеется в виду записка П. Н. Дурново, датированная февралем 1914 г. Ее автор полагал, что «англо-русское сближение ничего реально полезного» России «не принесло» и «неизбежно сулит» войну с Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией, хотя и в союзе с Англией и Францией. «Главная тяжесть» в этой войне, по мнению Дурново, выпадет на Россию, которая будет играть «роль тарана, пробивающего самую толщу немецкой обороны», между тем, Россия к такому развитию событий явно не готова, да война и не выгодна ей. «Жизненные интересы России и Германии, — подчеркивал Дурново, — нигде не сталкиваются и дают полное основание для мирного сожительства этих двух государств». Согласно автору записки, союз России и Германии выгоден им обоим с точки зрения как внешней политики, так и экономических отношений, наконец, исходя из внутривосточных соображений — ведь Россия и Германия, в отличие от Англии и Франции, являются «представительницами консервативного начала в цивилизованном мире», способного прийти, вследствие русско-германской войны, «к ослаблению». Более того, «в побежденной стране неминуемо разразится социальная революция, которая, силою вещей, перекинется и в страну-победительницу». Дурново считал, что «политическая революция в России невозможна, и всякое революционное движение неизбежно вырождается в социалистическое», а потому компромисс императорского правительства с либеральной оппозицией лишь ослабил бы царское правительство, поскольку «никакой реальной силы», по мнению Дурново, оппозиция не представляла. Ведь она «сплошь интеллигентна, и в этом ее слабость», ибо между интеллигенцией и народом имеется «глубокая пропасть взаимного непонимания и недоверия». «Более чем странно при таких условиях, — отмечал Дурново, — требовать от правительственной власти, чтобы она серьезно считалась с оппозицией» и «выступила пред широкими народными массами в качестве послушного органа классовых стремлений интеллигентско-имущего меньшинства населения». «Требую от правительственной власти ответственности пред классовым представительством и повиновения ей же искусственно созданному парламенту, — не без сарказма указывал автор записки, — наша оппозиция, в сущности, требует от правительства психологии дикаря, собственными руками мастеращего идола и затем с трепетом ему поклоняющегося». Дурново выступал за сохранение властью надпартийного характера, ее дистанцирование от левых и правых, полагая, что правительство не должно отказываться от роли «беспристрастного регулятора социальных отношений». Ведь в случае прихода к власти либеральной оппозиции ее лидеры «будут не в силах сдержать расходящиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению». Внешнеполитическим идеалом Дурново являлся союз континентальных держав — Германии, России, Франции, а также Японии. Полный текст записки П. Н. Дурново см.: *Искендеров А. А. Закат империи*. М., 2001. С. 475–494. См. также: *Тарле Е. В. Германская ориентация и П. Н. Дурново // Былое*. 1922. № 19.

30. Манифест о вступлении России в войну с Германией Николай II подписал 20 июля 1914 г. Тогда же он подписал и указ о назначении верховным главнокомандующим великого князя Николая Николаевича.

31. Имеется в виду чрезвычайная однодневная сессия IV Государственной думы, которая была созвана 26 июля 1914 г. в связи со вступлением России в Первую мировую войну. На этой сессии, впервые за всю историю Думы, ее подавляющее большинство поддержало царское правительство. Данное событие имело тем большее значение, что на-

кануне войны политическая обстановка в Петербурге предельно обострилась. В ответ на расстрел 3 июля митинга солидарности рабочих Путиловского завода с рабочими Баку в столице началась массовая политическая стачка, сопровождавшаяся демонстрациями и митингами, столкновениями с полицией, сооружением баррикад. 8 июля число бастующих достигло 150 тысяч человек (*Ганелин Р. Ш., Нардова В. А., Сухорукова А. С., Шевченко М. В.* В начале века // Санкт-Петербург. 300 лет истории. СПб., 2003. С. 349).

32. Подразумевается произошедший в ночь с 22 на 23 июля 1914 г. разгром здания германского посольства на Исаакиевской площади в Петербурге. Здание было построено в 1910–1912 гг. по проекту немецкого архитектора П. Беренса, который являлся одним из выдающихся представителей «югенд-стиля». Описывая обстоятельства разгрома, столичный городской голова граф И. И. Толстой записал 23 июля 1914 г.: «Ночью был в Петербурге безобразный скандал: толпа в несколько десятков тысяч смяла охрану германского посольства, оставленного его жителями, уехавшими два дня перед этим на родину, и разгромила все здание, выбросив картины, вещи, мебель и стащив с крыши две декоративные статуи. Это последствие допускаявшихся все эти дни патриотических манифестаций, принявших несомненно хулиганский вид. Толпу с трудом удалось разогнать с помощью пожарных насосов. Сегодня запрещены всякие уличные демонстрации, чего нельзя не одобрить» (*Толстой И. И.* Дневник. 1906–1916. СПб., 1997. С. 526).

33. См. комментарий 2 к главе 12.

34. Речь идет о Восточно-Прусской операции, длившейся с 4 августа по 1 сентября 1914 г., во время которой первоначальный успех русских армий был перечеркнут германскими войсками, окружившими и уничтожившими 2-ю армию генерала А. В. Самсонова.

35. Если в данном случае В. Б. Лопухин подразумевает события кампании 1914 г., то его оценки ошибочны, поскольку эта кампания, несмотря на поражение русской армии в Восточно-Прусской операции, в целом была успешной для России, чьи войска вели наступление на территории Австро-Венгрии, оккупировав Галицию с ее столицей Львовом.

36. Вступление Италии в Первую мировую войну на стороне Антанты произошло 23 мая 1915 г.

37. Турция вступила в войну как союзница австро-германского блока 29 октября 1914, а Болгария — в ночь с 13 на 14 октября 1915 г. Бельгия поддержала Антанту 3 августа, Черногория — 5 августа, Япония — 23 августа 1914 г., Румыния — 27 августа 1916 г. и США — 6 апреля 1917 г.

38. Имеется в виду сражение под Каушеном (Восточная Пруссия), состоявшееся 6 августа 1914 г. Во время него погибли некоторые родственники В. Б. Лопухина, в частности — его двоюродные племянники В. Л. Князев и Г. Д. Лопухин. Потери в Каушенском сражении имели столь громкий резонанс, что привлекли внимание министров, и на заседании кабинета 9 августа назывались фамилии не только В. Л. Князева и Г. Д. Лопухина, но и других офицеров, происходивших из известных дворянских фамилий и павших в этом сражении. См.: Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С. 41–42.

39. Сакраментальность этой фразы заключалась в том, что она употреблялась по отношению не только к сановникам, определявшимся к присутствию в департаментах и общих собраниях Сената, т. е. к занятию поста сенатора с потерей предыдущего поста, но и к тем, кто получал не должность, а звание сенатора, не связанное с пребыванием в Сенате и с отрывом от прежней должности, причем соответствующее жалование обеспечивалось лишь в первом случае.

40. Подразумевается происходившая в октябре-ноябре 1915 г. эвакуация дипломатов, аккредитованных в Белграде, в связи с поражениями сербской армии и оккупацией территории Сербии австро-венгерской армией. Подробнее об этом см.: *Писарев Ю. А.* Сербия на Голгофе и политика великих держав. 1916 г. М., 1993. С. 14–22.

41. Отозванные сотрудники посольств и миссий пополнили состав учреждений, образованных в МИД в связи с началом Первой мировой войны. Этими учреждениями были:

временные отделы по делам военнопленных, по переводу денег российским гражданам за границу, в т. ч. интернированным, по наведению справок, по транзиту, Особый политический отдел (с 1916 г. отдел печати и осведомлений). См.: Высшие и центральные государственные учреждения России. Т. 4. С. 12.

42. Т. е. Февральской революции 1917 г.

43. В самом начале Первой мировой войны, 27 июля 1914 г., был утвержден закон «О некоторых мерах к усилению средств казны ввиду обстоятельств военного времени», который давал Совету министров право на сокращение кредитов, отпущенных по государственным росписям расходов на 1914 и предшествующие годы (Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С. 374).

Глава 20

1. Назначение графа П. Н. Игнатьева управляющим Министерством народного просвещения произошло 9 января 1915 г., утверждение в должности министра — 6 мая того же года (*Куликов С. В.* «Министерская чехарда» в России периода Первой мировой войны. С. 47, 48).

2. Управляющим Министерством торговли и промышленности князь В. Н. Шаховской был назначен 18 февраля, утвержден в должности министра — 6 мая 1915 г. Предположение В. Б. Лопухина о причастности к назначению В. Н. Шаховского Г. Е. Распутина ошибочно. Согласно официальной справке о старце, составленной после 1913 г., среди знакомых Распутина В. Н. Шаховской не значился (Г. Е. Распутин глазами официальных властей. С. 140–141). В январе — феврале 1915 г., накануне своего назначения, князь ни разу со старцем не встречался (Выписка из данных наружного наблюдения за Григорием Распутиным за время с 1-го января 1915 г. по 8-е февраля 1916 г. // Святой черт. С. 266). Знакомство Распутина с Шаховским произошло много позже его назначения министром, а потому очевидно, что ходатайствовать о своем назначении перед старцем князь не мог. Истинным «виновником» возвышения Шаховского был фактический премьер и главноуправляющий землеустройством и земледелием А. В. Кривошеин, которого с Распутиным ничего не связывало. Кривошеин выдвинул В. Н. Шаховского как «человека, пользующегося симпатиями Думы» (РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 15. Л. 115. Дневник И. С. Ключева). См. также: *Куликов С. В.* «Наш Друг сказал». Г. Е. Распутин и «министерская чехарда» // Родина. 2005. № 3. С. 52.

3. Назначение принца А. П. Ольденбургского верховным начальником санитарной и эвакуационной части последовало 3 сентября 1914 г.

Верховный совет по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов — чрезвычайное учреждение военного времени, созданное 11 августа 1914 и существовавшее до 25 июля 1917 г., которое осуществляло объединение правительственной, общественной и частной деятельности по оказанию помощи семьям офицеров, солдат, раненых и погибших на фронте, а также общее руководство деятельностью Особого петроградского и Московского комитетов по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну, Главного кавказского комитета помощи пострадавшим от войны и других учреждений. Председательницей Верховного совета была императрица Александра Федоровна, вице-председательницей — великая княгиня Ольга Николаевна, председательствующим в нем являлся председатель Совета министров (первоначально — И. Л. Горемыкин). В качестве членов в Верховный совет входили: великие княгини Мария Павловна и Ксения Александровна и Татьяна Николаевна, председатели Государственного совета и IV Государственной думы, два члена от верхней (князь Б. А. Васильчиков и А. Б. Нейдгардт) и нижней (М. М. Алексеев и князь В. М. Волконский) палаты, Главного алексеевского и романовского комитетов, Главного управления Российского общества Красного Креста, вице-председатель Комитета попечительства о трудовой помощи,

обер-прокурор Синода, министры: военный, внутренних дел, финансов, путей сообщения, главноуправляющий землеустройством и земледелием, государственный контролер, главноуполномоченный Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам, государственный секретарь, главноуправляющий Канцелярией его величества по принятию прошений, статс-дама по выбору императрицы (Е. А. Нарышкина), секретарь императрицы (граф Я. Н. Ростовцев) и назначенный ею член Государственного совета князь А. Н. Лобанов-Ростовский. При Верховном совете работали комиссии: Подготовительная, занимавшаяся предварительным обсуждением вопросов, вносившихся в совет; Финансовая, ведавшая изысканием и распределением средств на оказание помощи инвалидам войны и их семьям, а также семьям погибших; Распорядительная, рассматривавшая текущие дела, не подлежащие внесению в совет, отчеты о деятельности подведомственных совету учреждений и составлявшая общий отчет о его деятельности. См.: Высшие и центральные государственные учреждения России. Т. 1. С. 221–222.

4. Т. е. В. А. Сухомлинова.

5. Дело полковника С. Н. Мясоедова, бесспорно, как оказалось позднее, обвиненного в государственной измене, рассматривалось военными властями с декабря 1914 г. и закончилось его повешением 18 марта 1915 г. Подробнее о деле С. Н. Мясоедова см.: *Шаццлло К. Ф.* «Дело» полковника Мясоедова // Вопросы истории. 1967. № 4. Дело С. Н. Мясоедова было «поднято и ведено, главным образом, благодаря настойчивости» генерала М. Д. Бонч-Бруевича, которому «помогал» другой генерал — Н. С. Батюшин (*Лемке М. К.* 250 дней в царской Ставке. С. 514). Оппозиция всячески раздувала это дело, видя в нем средство для дискредитации власти. Лидер фракции трудовиков в IV Государственной думе А. Ф. Керенский 25 февраля 1915 г. адресовал ее председателю М. В. Родзянко официальное письмо, в котором, указав на слухи о том, что «по распоряжению военных властей арестовано несколько жандармских офицеров и чиновников Департамента полиции по обвинению в государственной измене — в сношениях с внешним врагом», делал абсолютно ложный вывод: «Измена свила себе гнездо в Министерстве внутренних дел». А. Ф. Керенский настаивал на немедленном созыве Думы, чтобы она могла предъявить запрос правительству «о государственной измене, обнаруженной в центральном правительственном учреждении». Письмо А. Ф. Керенского получило «довольно широкую огласку» и имело огромное агитационное значение (*Каррик В. В.* Война и революция: Зап. 1914–1917 гг. // Голос минувшего. 1918. № 4/6. С. 14, 15). Помимо чинов МВД во главе с его руководителем Н. А. Маклаковым, общественное мнение примешивало к делу военного министра В. А. Сухомлинова, чему способствовали интриги князя М. М. Андроникова, А. И. Гучкова и А. А. Поливанова, находившие отклик у лидеров бюрократической элиты. Проинформировав главноуправляющего землеустройством и земледелием А. В. Кривошеина о том, что «слухи и рассказы о мясоедовской истории принимают грандиозный характер», его заместитель граф В. В. Мусин-Пушкин писал: «Примешивают Сухомлинова, с женой которого он, будто бы, был в связи, примешивают и Маклакова, благодаря, будто бы, огромному числу его агентов и жандармов, замешанных в измене. Левые хотят его на этой почве сокрушить, в чем от души им сочувствую, но Маклакова они, пожалуй, не сокрушат, а пища для революционной пропаганды будет богатая. Если правда, что все три наши неудачи в Восточной Пруссии (Самсонов, Ренненкамф и последняя) — результат все той же измены, а если это неправда — то тем более, не находите ли вы нужным прекратить толки исчерпывающим правительственным сообщением. Если здесь не разберешь, что правда, что ложь, то что дойдет до деревни! Простите, если ломаюсь в открытую дверь, но я, впервые услышав об этой истории, совсем ею потрясен и видел людей в полном иступлении» (РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 290. Л. 41–42 об. Письмо В. В. Мусина-Пушкина А. В. Кривошеину. 1 марта 1915 г.; см. также: *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004. С. 48, 144). По решению Совета министров было напечатано правительственное сообщение, слагавшее с МВД «ответственность за шпионаж, путем указания, что арестованные лица на службе в министерстве не состоят» (*Кар-*

рик В. В. Война и революция. С. 15). Однако официальное опровержение слухов об измене власти способствовало их усилению. На заседании кабинета 10 марта 1915 г. С. В. Рухлов, подняв «вопрос об измене», заметил: «Не придавал значения, но правительственное сообщение косвенно подтверждает». Слова С. В. Рухлова вызвали предложение Н. А. Маклакова: «Письмо Керенского рассмотрим» (Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С. 148). По сути дела, апофеозом которой стали заседания Думы уже в ноябре 1916 г. и последующие события, закончившиеся Февральской революцией, для которой была характерна германофобская риторика.

6. Посещение Николаем II только что завоеванной Галиции происходило 9–11 апреля 1915 г. Тогда же Галицию посетил и председатель IV Государственной думы М. В. Родзянко.

7. Отступление русской армии с позиций, занятых ею в Галиции, было вызвано наступлением австро-германской армии, развивавшимся в ходе Горлицкой операции 19 апреля — 11 мая (2–24 мая) 1915 г.

8. Здесь В. Б. Лопухин противоречит своему же сообщению в главе 1, где на с. 30 он пишет, что Г. Д. и Д. А. Лопухины погибли не в 1915, а в 1914 г.

9. Строго говоря, в 1915–1917 гг. оппозиция выступала за создание «Министерства общественного доверия», формально отличного от «ответственного министерства». Однако фактически оба министерства означали введение парламентаризма, т. е. ограничение царской власти не только в законодательстве, но и в управлении, с той лишь разницей, что «ответственное министерство подразумевало это как де-факто, так и де-юре. Анализ данных понятий см.: Куликов С. В. «Министерство доверия» и «ответственное министерство»: государственно-правовые аспекты политической борьбы в предреволюционной России // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: Материалы IV междунар. науч.-теорет. конф. Санкт-Петербург, 24 дек. 2003 г. СПб., 2004.

10. Имеются в виду увольнения министра внутренних дел Н. А. Маклакова (5 июня 1915 г.), военного министра В. А. Сухомлинова (13 июня), обер-прокурора Синода В. К. Саблера (5 июля) и министра юстиции И. Г. Щегловитова (6 июля), вместо которых были назначены князь Н. Б. Щербатов (главноуправляющий государственным коннозаводством и член Государственного совета по выборам), А. А. Поливанов (член Государственного совета по назначению), А. Д. Самарин (московский губернский предводитель дворянства и член Государственного совета по назначению) и А. А. Хвостов (член Государственного совета по назначению). О политическом смысле этих кадровых перемен см.: Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи. С. 49–52, 76–77.

11. В действительности увольнение А. А. Поливанова, следовавшее 15 марта 1916 г., было вызвано политическими разногласиями между ним и новым председателем Совета министров Б. В. Штюрмером. Непосредственной причиной увольнения стало излишнее, с точки зрения Николая II, благоволение военного министра к военно-промышленным комитетам, и прежде всего к Центральному военно-промышленному комитету, председатель которого А. И. Гучков подозревался императором в подготовке антидинастического заговора. Объясняя причины отставки А. А. Поливанова, Николай II писал генералу 13 марта: деятельность комитетов «мне не внушает доверия, а руководство Ваше эту деятельность недостаточно властно в моих глазах». См.: Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи. С. 235.

12. В. Б. Лопухин ошибочно связывает с кадровыми переменами июня-июля 1915 г. увольнения А. В. Кривошеина (26 октября 1915 г.) и С. В. Рухлова (27 октября), преемниками которых стали члены Государственного совета: по выборам — А. Н. Наумов (10 ноября) и по назначению — А. Ф. Трепов (30 октября). На самом деле отставка А. В. Кривошеина была вызвана его несогласием с политикой И. Л. Горемыкина, С. В. Рухлов же ушел «по состоянию здоровья». См.: Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи. С. 99.

13. См. комментарий 13 к главе 1.

14. Николай II вступил в верховное главнокомандование 23 августа 1915 г. Тогда же великий князь Николай Николаевич был назначен наместником его величества на Кавказе и главнокомандующим Кавказским фронтом.

15. Художник В. В. Каррик отметил в своем дневнике 25 августа 1915 г., что в связи со вступлением Николая II в верховное главнокомандование подготовлен, якобы, «указ о назначении, на время отсутствия государя, регентства в лице Николая Николаевича». Фиксируя слухи, возникшие в первой половине сентября 1915 г., Каррик писал: «В последние дни опять усиленно толкуют о регентстве. Теперь уже кандидатом называют Кириллу Владимировича. Завтра в Царском Селе состоится заседание Совета министров, на котором будут обсуждаться вопросы “чрезвычайной важности”. Говорят, что обсуждаться будет вопрос о регентстве; сегодня мне опять называли кандидатом Михаила Александровича и Александру Федоровну» (*Каррик В. В.* Война и революция. С. 27, 41). Граф В. В. Мусин-Пушкин сообщал А. В. Кривошеину, что в Петрограде «усиленно говорят об отсрочке приезда» царя из Ставки в столицу, «т. к., будто бы, в Ставку вызван» великий князь Михаил Александрович для принятия регентства (РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 290. Л. 15–16 об. Письмо В. В. Мусина-Пушкина А. В. Кривошеину. 23 сентября 1915 г.). Все эти слухи оказались ложными.

16. Управляющий МВД князь Н. Б. Щербатов и исправляющий должность обер-прокурора Синода А. Д. Самарин сами подали в отставку, вследствие политических разногласий между ними и И. Л. Горемыкиным, и были уволены 26 сентября 1915 г. Их преемниками, соответственно, стали член фракции правых IV Государственной думы А. Н. Хвостов и директор Департамента общих дел МВД А. Н. Волжин. Разделяемое В. Б. Лопухиным мнение современников о причастности к выдвижению этих кандидатур Г. Е. Распутина и князя М. М. Андроникова неверно. В действительности на пост министра внутренних дел А. Н. Хвостов, еще в качестве нижегородского губернатора, был рекомендован Николаю II в 1911 г. не кем иным, как П. А. Столыпиным. «Мне его, — имея в виду А. Н. Хвостова, говорил император В. Н. Воейкову, — рекомендовал покойный П. А. Столыпин, когда он был нижегородским губернатором; когда Столыпин хотел уйти из Министерства внутренних дел и сделаться председателем Совета министров, он называл мне его кандидатом на пост министра внутренних дел» (Допрос генерала В. Н. Воейкова. 28 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т. 3. С. 80). Расположение П. А. Столыпина к А. Н. Хвостову было столь сильным, что в 1907 г. по ходатайству премьера, признававшего «справедливым поощрить отлично-усердную службу» А. Н. Хвостова, он получил звание камергера «вне правил». Николай II последовал совету премьера и около 18 августа 1911 г. послал Г. Е. Распутина в Нижний Новгород, поручив ему «посмотреть на Хвостова» (Показания С. П. Белецкого // Падение царского режима. Т. 4. С. 162; Из архива С. Ю. Витте. Т. 1. Кн. 2. С. 895). В поездке старца сопровождал журналист Г. П. Сазонов, ошибочно полагавший, как и Г. Е. Распутин, что скоро последует уход П. А. Столыпина с поста не только министра внутренних дел, но и премьера. Заблуждение обоих подтверждается тем, что самым желательным кандидатом на последний пост им виделся граф С. Ю. Витте, к которому Николай II испытывал стойкую антипатию. Нижегородский губернатор не выказал гостю особого внимания, а потому старцу А. Н. Хвостов не понравился (Последний временщик последнего царя: (Материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о Распутине и разложении самодержавия) // Вопросы истории. 1965. № 1. С. 101). Несмотря на это, в начале сентября 1911 г., после гибели П. А. Столыпина, министром внутренних дел Николай II по-прежнему хотел назначить именно нижегородского губернатора, отказавшись от своего намерения только по просьбе нового премьера В. Н. Коковцова. К мысли о назначении А. Н. Хвостова царь вернулся в конце июля 1915 г.: первый раз о своем намерении заменить им Н. Б. Щербатова Николай II заявил И. Л. Горемыкину 29 июля, когда у императора заседало правительство. В период, непосредственно предшествовавший выбору Николаем II кандидатуры А. Н. Хвостова, с 15 июня по 31 июля 1915 г., Г. Е. Распутин был у себя на родине в Сибири. В письмах же царицы за период до 15 июня, как, впрочем,

и позднее, имя думца не упоминается ни разу. Следовательно, к выдвижению кандидатуры А. Н. Хвостова Г. Е. Распутин и Александра Федоровна отношения не имели. Поскольку, однако, против царского кандидата выступил И. Л. Горемыкин, царица в письме Николаю II от 22 августа 1915 г. встала на сторону мужа, после чего попросила А. А. Вырубову встретиться с А. Н. Хвостовым и оценить его как человека. Для организации встречи с думцем А. А. Вырубова обратилась к одному из своих знакомых — издателю и журналисту князю М. М. Андроникову, который узнал от А. А. Вырубовой, что А. Н. Хвостов «предназначен был уже государем» (Допрос князя М. М. Андроникова. 6 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т. 1. Л., 1925. С. 388). Встреча подруги императрицы и депутата произошла 29 августа в Царском Селе, причем А. А. Вырубовой А. Н. Хвостов понравился. Лишь после этого М. М. Андроников развернул эпистолярную агитацию в пользу назначения А. Н. Хвостова министром внутренних дел. К середине сентября 1915 г. Александра Федоровна решила лично встретиться с А. Н. Хвостовым, чтобы проверить положительные мнения о нем, высказанные А. А. Вырубовой и М. М. Андрониковым. В решении пойти на эту встречу царицу утвердила телеграмма Г. Е. Распутина, все еще находившегося в Сибирю. О близости назначения А. Н. Хвостова старец узнал из телеграммы А. А. Вырубовой только в середине сентября, отправив ей ответную телеграмму 16 сентября. В телеграмме Г. Е. Распутин благословил выбор императора, хотя до этого момента старец имел отрицательное мнение о А. Н. Хвостове. Однако Г. Е. Распутин переменял фронт, когда узнал о намерении Николая II и одобрении этого намерения Александрой Федоровной. Встреча царицы с А. Н. Хвостовым, благоприятная для него, произошла 17 сентября. Указ о назначении А. Н. Хвостова Николай II подписал 26 сентября, Г. Е. Распутин же вернулся в Петроград лишь 28 сентября. Встреча старца с думцем, открывшая период их близких отношений, состоялась уже после назначения А. Н. Хвостова, 29 сентября. Тем не менее, превеличивая свою роль, виновником его возвышения Г. Е. Распутин выставлял себя. «Меня злило, — говорил по этому поводу М. М. Андроников, — когда Распутин говорил: “Я назначил Хвостова”... Это была неправда, потому что Хвостов был назначен 24–25 августа, а Распутин приехал в сентябре!» (Допрос князя М. М. Андроникова. 6 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т. 1. С. 379). Впрочем, сам М. М. Андроников, кадя своему самолюбию, перед непосвященными, в частности — С. П. Белецким, тоже представлял дело так, будто он и является автором кандидатуры А. Н. Хвостова. Понятно, что старец и князь выдавали желаемое за действительное. Камарилья не имела отношения и к выдвижению кандидатуры А. Н. Волжина в преемники А. Д. Самарина, на пост исправляющего должность обер-прокурора Синода. В сентябре 1915 г. никто из кандидатов, выдвинутых Александрой Федоровной и М. М. Андрониковым на этот пост (члены Государственного совета по назначению граф А. А. Бобринский, Н. А. Зверев, А. А. Макаров, А. П. Рогович и А. А. Хвостов, а также почетный опекун В. С. Арсеньев, директор канцелярии Синода П. В. Гурьев, камергер С. М. Прутченко, редактор «Правительственного вестника» князь С. П. Урусов и вице-председатель Общества востоковедения Н. К. Шведов), преемником А. Д. Самарина не стал. С. П. Белецкий полагал, что А. Н. Хвостов «провел мысль о Волжине» «в одном из своих ближайших докладов» (Показания С. П. Белецкого // Падение царского режима. Т. 4. С. 168). Однако первый доклад А. Н. Хвостова у монарха, согласно дневнику Николая II, состоялся 20 октября 1915 г., между тем как уже 30 сентября, согласно тому же дневнику, царь имел встречу с А. Н. Волжиным, во время которой и предложил ему пост обер-прокурора. На самом деле А. Н. Волжин являлся личным кандидатом Николая II, хотя и не исключено, что в данном случае он косвенно учел рекомендацию И. Л. Горемыкина, выдвинувшего А. Н. Волжина, в начале сентября 1915 г. и наряду с другими кандидатами, в министры внутренних дел. Подробнее об этом см.: *Куликов С. В.* Камарилья и «министерская чехарда». С. 78–82.

16а. Возможно, здесь мемуарист ошибается: согласно ряду источников, в это время и впоследствии Е. Н. Хвостова была замужем за статским советником М. П. Стремоуховым (Комментарий Д. Н. Шилова).

17. Подробнее о судьбе плана А. Н. Хвостова по подготовке выборов в V Государственную думу см.: *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи. С. 181–182.

18. Принимая во внимание пожелания оппозиции, на заседании правительства 24 июля 1915 г. И. Л. Горемыкин высказался за создание Верховной комиссии по расследованию деятельности В. А. Сухомлинова. А. В. Кривошеин рекомендовал поставить во главе нее члена Государственного совета по назначению Н. П. Петрова, который 1 августа и был назначен председателем Верховной комиссии для всестороннего расследования обстоятельств, послуживших причиной несвоевременного и недостаточного пополнения запасов воинского снабжения армии. В конце февраля 1916 г. Верховная комиссия закончила свою работу и признала необходимым дать расследованию дела Сухомлинова дальнейший ход, направив его в 1-й департамент Государственного совета. Николай II согласился с Верховной комиссией, несмотря на то, что считал Сухомлинова невиновным. Убеждение царя в этом было таково, что поначалу Николай II собирался помиловать Сухомлинова путем особого рескрипта. «Ознакомившись с докладом назначенной мной Верховной комиссии по расследованию причин недостаточного пополнения запасов воинского снабжения армии, — гласил рескрипт, — я пришел к заключению, что нет фактических данных относить это исключительно к Вашей виновности. В короткий сравнительно срок после предшествовавшей войны Вы смогли, при известных мне не легких условиях, восстановить боевую готовность армии настолько, что она блестяще отобилизовалась, сосредоточилась, и доблестные войска наши второй год ведут упорную борьбу с сильными врагами» (Допрос графа В. Б. Фредерикса. 2 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т. 5. М.; Л., 1926. С. 45). Постановление 1-го департамента от 10 марта 1916 г. о привлечении Сухомлинова к предварительному следствию царь утвердил 12 марта, возложив производство следствия на сенатора И. А. Кузмина. Николай II пошел на эту уступку оппозиции, хотя, как вспоминал дворцовый комендант В. Н. Воейков, «продолжал верить в невиновность Сухомлинова и не изменял своих чувств к нему». Царь согласился на привлечение Сухомлинова к предварительному следствию, «не желая пользоваться своим положением» (*Воейков В. Н.* С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1994. С. 97). Подробнее о политическом подтексте дела Сухомлинова см.: *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи. С. 130, 201–202.

19. О миссии М. А. Васильчиковой и связанных с нею предложениях Германии России о заключении сепаратного мира см.: *Мельгунов С. П.* Легенда о сепаратном мире. Канун революции. М., 2006. С. 21–41. См. также письма М. А. Васильчиковой Николаю II от 25 февраля (10 марта) 1915 г. из Клейн-Вартенштейна (Глоггнитц, Нижняя Австрия) и от 14 (27) мая 1915 г. из Берлина (Константинополь и проливы. Т. 2. С. 369–370, 370–374).

Глава 21

1. Замена И. Л. Горемыкина членом Государственного совета по назначению Б. В. Штюрмером последовала 20 января 1916 г. Мнение В. Б. Лопухина, что И. Л. Горемыкин был уволен по инициативе «распутинского кружка», — неосновательно. В конце 1915 г. Г. Е. Распутин выступал не только против увольнения Горемыкина, но и за усиление его политической роли. В октябре старец поддержал идею об отставке министра иностранных дел С. Д. Сазонова, соединении этого поста с постом премьера и назначении Горемыкина канцлером Российской империи. Слух о предстоящей отставке Сазонова и назначении Горемыкина канцлером с передачей руководства МИД на правах управляющего бывшему послу в Австро-Венгрии Н. Н. Шебеко распространился в Петрограде в середине октября 1915 г. С Г. Е. Распутиным солидаризировался князь М. М. Андроников, который писал Александре Федоровне между 13 и 26 октября: «Если бы пост министра иностранных дел возможно было совместить с постом председателя Совета министров и вручить такое совмещение пронципальному и тонкого ума Ивану Логгиновичу Горемыкину, то, вне вся-

кого сомнения, наше международное положение повысилось бы в весьма значительной степени» («Успокоения нечего ожидать»: Письма князя М. М. Андроникова. С. 31–32). Рекомендации представителей камарильи Николай II игнорировал, наоборот — он решил уволить И. Л. Горемыкина, первоначально наметив его преемником министра юстиции А. А. Хвостова. Поэтому в начале ноября 1915 г. Г. Е. Распутин и Александра Федоровна выступили за отставку И. Л. Горемыкина. Однако 12 ноября старец, а вслед за ним, 13 ноября, и царица выступили категорически против такой замены. В течение второй половины ноября — декабря 1915 г. Александра Федоровна ни в одном из писем Николаю II ни разу не упомянула о необходимости замены И. Л. Горемыкина Б. В. Штюмером. Если бы в конце 1915 г. у Александры Федоровны или Г. Е. Распутина действительно появилась мысль о подобной замене, то эту мысль императрица непременно зафиксировала бы на бумаге. Именно так она поступила 19 декабря относительно предположения о замене министра финансов П. Л. Барка председателем правления Соединенного банка графом В. С. Татищевым. Кандидатура графа была выдвинута А. Н. Хвостовым и поддержана, без каких-либо последствий, Г. Е. Распутиным, Александрой Федоровной и М. М. Андрониковым. Раз о замене И. Л. Горемыкина Б. В. Штюмером императрица ничего не написала, то, следовательно, в конце 1915 г. Александра Федоровна и Г. Е. Распутин по-прежнему полагали, что увольнять И. Л. Горемыкина не стоит. Но это и означает, что кандидатуру Б. В. Штюмера Николай II выбрал независимо от супруги и старца (*Куликов С. В.* Камарилья и «министерская чехарда». С. 83–84). О действительной роли камарильи при подготовке назначения Б. В. Штюмера см. комментарий 24 к главе 1.

2. Другие современники, вопреки В. Б. Лопухину, утверждали обратное. Так, бывший председатель III Государственной думы Н. А. Хомяков вспоминал, что на посту назначенного председателя Тверской губернской земской управы Б. В. Штюмер уже «в две недели сумел стать общим любимцем» (Н. А. Хомяков о Государственной думе, правительстве и стране // Биржевые ведомости. 1916. 22 января). Подробнее об этом см.: *Куликов С. В.* Назначение Бориса Штюмера председателем Совета министров. С. 388–391.

3. Здесь, как и в предыдущем случае, мнению В. Б. Лопухина можно противопоставить свидетельства не менее осведомленных современников. По воспоминаниям Н. П. Муратова, в Ярославле Б. В. Штюмер «оставил по себе большую память и, во всяком случае, как о незаурядном губернаторе» (РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 28. Л. 586). Штюмеровское управление Ярославской губернией, подчеркивал П. Г. Курлов, многие считали «образцовым, так как никто не сомневался, что в лице Б. В. Штюмера был хозяин губернии, каким рисует губернатора наш закон» (*Курлов П. Г.* Гибель императорской России. М., 1991. С. 153). Доказательством общественного признания деятельности Штюмера в Ярославле стало то, что при оставлении им поста губернатора местное дворянское собрание, склонное к либерализму, приобрело на имя Штюмера земельный ценз (это давало право на причисление к ярославскому дворянству), после чего собрание само, без ходатайства о том Штюмера, приняло его в свои ряды. Более того, Николай II считал Штюмера самым лучшим губернатором Российской империи. На отчете министра внутренних дел Д. С. Сипягина о посещении им в 1901 г. Ярославской губернии в том месте, где он свидетельствовал «об административном опыте и энергичной деятельности» Штюмера, создавших ему «положение действительного хозяина губернии», царь подчеркнул последние слова и сделал на полях совершенно беспрецедентную отметку: «Желал бы, чтобы все вообще губернаторы так сознательно и правильно смотрели на себя и на вверенное им мною дело». Подробнее см.: *Куликов С. В.* Назначение Бориса Штюмера председателем Совета министров. С. 391–394.

4. Замена П. А. Харитоновой Н. Н. Покровским на посту государственного контролера произошла 25 января 1916 г.

5. Выступая в IV Государственной думе с правительственной декларацией, председатель Совета министров А. Ф. Трепов заявил: «Жизненные интересы России так же понятны нашим верным союзникам, как и нам, и соответственно сему заключенные нами

в 1915 г. с Великобританией и Францией соглашение, к которому присоединилась и Италия, окончательно устанавливает право России на проливы и Константинополь. Русский народ должен знать, за что он льет свою кровь, и, по состоявшемуся ныне взаимному договору, соглашение наше с союзниками сегодня оглашается с этой кафедры». Полный текст декларации см.: Ораторы России в Государственной думе. Т. 2. С. 311–318. О значении проблемы черноморских проливов во внешней политике России периода Первой мировой войны см.: Россия и черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М., 1999. С. 305–352.

6. В данном абзаце речь идет о Дарданелльской (Галлиполиийской) операции, которую Англия и Франция проводили против Турции с 19 февраля 1915 по 9 января 1916 г. Подробнее об этом см. комментарий 11 к главе 1. Надеясь на удачный исход Дарданелльской операции, Англия, Россия и Франция вели переговоры о временном устройстве Константинополя после захвата его союзниками. По окончании войны он должен был перейти в обладание России, однако на период военных действий в нем предполагалось ввести временное устройство. Проект городского управления Константинополя предполагал создание военной и гражданской власти, причем Россия настаивала, чтобы контроль главнокомандующего союзными силами не распространялся на верховных комиссаров Англии, России и Франции. Подразумевалось также учреждение шести отделов, которые ведали бы всеми отраслями гражданского управления, с тем, чтобы каждой из держав предоставлялось назначение двух начальников отделов. России планировалось передать управление внутренними делами и юстицией, заведование же вакуфами, т. е. мусульманскими духовными имуществами, — мусульманину (*Сазонов С. Д.* Воспоминания. С. 321). Документы о предположениях союзников и переговорах между ними относительно оккупации Константинополя и временного управления столицей Турции см.: Константинополь и проливы. Т. 2. С. 325–368.

7. В годы Первой мировой войны министр иностранных дел С. Д. Сазонов, несмотря на антинемецкую кампанию в печати, сознательно проводил кадровую политику, нацеленную на сохранение в МИД солидного представительства сановников немецкого происхождения. В июне 1916 г., во время заседания кабинета, он резко отреагировал на то, что шовинистическое «Общество 1914 г.» послало ему письмо «неприличного тона и содержания». Авторы письма, намекая на «лиц немецкого происхождения», требовали от Сазонова «устранить предателей». «Я не могу молчать, — возмутился Сазонов. — Эта гадость и дрянь сами предатели. Если правительство не вступится, я доложу его императорскому величеству. Если в военное время не оградить себя, то в мирное время тяжело будет. Надо прекратить» (Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С. 344). Отношение Сазонова к вопросу о «немецком засилье» предопределяли личные связи министра «с явно германским по своему происхождению, а отчасти и по симпатиям, большинством его ближайших любимых сотрудников по МИД. Иная позиция, — полагал мидовский чиновник, — была прямо невозможна при сохранении этих лиц в дипломатическом аппарате на ответственных местах» (*Михайловский Г. Н.* Записки. Кн. 1. С. 69). См. также: *Куликов С. В.* Российские немцы в составе Императорского двора и высшей бюрократии: коллизия между конфессиональной и национальной идентичностями в начале XX в. // Немцы в государственности России. СПб., 2004.

8. О посещении Николаем II 9 февраля 1916 г. Государственной думы см.: *Куликов С. В.* Император Николай II в годы Первой мировой войны // Английская набережная, 4: Ежегодник С.-Петербург. науч. о-ва историков и архивистов. 2000 г. СПб., 2000. С. 302–307; *Витенберг Б. М.* 9 февраля 1916 г.: Николай II в Государственной думе // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX – начала XX века. Кишинев, 2001.

9. Ср.: *Родзянко М. В.* Крушение Империи: Записки председателя Русской Государственной Думы // Архив русской революции. М., 1993. Кн. 9. Т. 17. С. 117–119.

10. А. Н. Хвостов, как и В. Б. Лопухин, верил, что появление Николая II в Таврическом дворце было вызвано влиянием Г. Е. Распутина, поскольку о желательности такого

шага старец говорил своему охраннику в декабре 1915 г. Однако Г. Е. Распутин только вторил собственному мнению царя, который решил посетить Думу, по крайней мере, не позднее первой половины ноября 1915 г. Во всяком случае, именно тогда Александра Федоровна напомнила мужу, что он «полагал» «совершенно неожиданно появиться в Думе и сказать несколько слов» (Николай Второй в секретной переписке. М., 1996. С. 294). Воплощению царского плана содействовали представители не камарильи, а оппозиции, в частности — А. А. Клопов, действовавший с ведома М. В. Родзянко. См.: *Куликов С. В.* Император Николай II в годы Первой мировой войны. С. 302–307.

11. Вопреки мнению В. Б. Лопухина, к состоявшейся 3 марта 1916 г. замене А. Н. Хвостова Б. В. Штюмером камарилья не имела никакого отношения, поскольку об этой кадровой перемене Александра Федоровна узнала в день ее совершения от А. А. Вырубовой, а она — от премьера. Николай II уведомил супругу о назначении Штюмера министром внутренних дел лишь 5 марта. Г. Е. Распутин узнал о данном назначении, как и царица, 3 марта от Вырубовой, но, тем не менее, выдавая себя за его автора, разыгрывал перед И. Ф. Манасевичем-Мануйловым роль вершителя судеб России. Причиной появления Штюмера во главе МВД было не влияние камарильи, а стремление Николая II к соглашению с оппозицией, не выходящее за границы Основных законов 1906 г. См. об этом: *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи. С. 186–187. Об увольнении А. А. Поливанова см. комментарий 11 к главе 20.

12. Сообщая о деле Б. М. Ржевского, В. Б. Лопухин, как и большинство современников, ошибочно считал, что в данном случае А. Н. Хвостов действительно готовил покушение на Г. Е. Распутина. Между тем, сам А. Н. Хвостов отрицал эту версию, хотя и выставлял себя борцом против камарильи. Беседа с В. А. Маклаковым в феврале 1916 г., министр внутренних дел заявил, что слухи о его причастности к подготовке убийства старца — «простая сплетня» (*Маклаков В. А.* Некоторые дополнения к воспоминаниям Пуришкевича и кн. Юсупова об убийстве Распутина // *Современные записки* (Париж). 1928. № 34. С. 264). В деле Б. М. Ржевского А. Н. Хвостову виделась «какая-то простая и грубая инсценировка» (Допрос А. Н. Хвостова. 18 марта 1917 г. // *Падение царского режима*. Т. 1. С. 42). Инсценированность этого дела подтверждается его обстоятельствами. В конце 1915 г. Б. М. Ржевский, корреспондент либеральных «Русского слова» и «Биржевых ведомостей» (тот самый, который в феврале 1914 г. опубликовал статью «Россия хочет мира, но готова к войне» — см. комментарий 5 к главе 19), предложил свои услуги А. Н. Хвостову для организации покупки у жившего в Норвегии врага Г. Е. Распутина, расстриженного иеромонаха Илиодора, рукописи его воспоминаний «Святой черт», посвященных разоблачению старца. А. Н. Хвостов принял предложение Б. М. Ржевского, поскольку он был лично знаком с Илиодором, и согласился выдать журналисту заграничный паспорт и удостоверение на покупку в Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов иностранной валюты на 5 000 рублей. Для получения этих документов А. Н. Хвостов направил Б. М. Ржевского к директору канцелярии министра внутренних дел Б. В. Писаренкову. После того, как 20 декабря 1915 г. Б. М. Ржевский попросил у Б. В. Писаренкова удостоверение на валюту, последний обратился к А. Н. Хвостову, который указал, что денежную выдачу «следует произвести с соблюдением всех требующихся формальностей». Поэтому 23 декабря директор канцелярии выдал Б. М. Ржевскому просимое им удостоверение (РГИА. Ф. 1629. Оп. 1. Д. 109. Л. 1. Докладная записка Б. В. Писаренкова. 11 февраля 1916 г.). По поводу размена 5000 рублей А. Н. Хвостов отправил министру финансов П. Л. Барку особое письмо. «Вот этим письмом, — говорил А. Н. Хвостов журналистам, когда его уже подозревали в подготовке убийства Г. Е. Распутина, — и хотят теперь воспользоваться, как уликой против меня, но вы, конечно, понимаете, что если бы министр внутренних дел решился на какое-нибудь преступное деяние, то он не оставлял бы такого яркого следа, как официальное письмо» (*Гессен И. В.* Беседа с А. Н. Хвостовым в феврале 1916 г. // *Архив русской революции*. М., 1991. Кн. 6. Т. 12. С. 77). Вернувшись из командировки, Ржевский 4 февраля 1916 г. явился к Писа-

ренкову и заявил, что «исполнил за границей секретное поручение господина министра, но для окончательной расплаты по этому поручению ему необходимо произвести обмен русской валюты на иностранную еще до 60 тысяч и что господин министр приказал выдать дополнительное удостоверение на эту сумму». Ввиду уже бывшего прецедента Писаренков выдал Ржевскому удостоверение на приобретение затребованной суммы. Однако 11 февраля, при очередном докладе директора канцелярии А. Н. Хвостову, министр заявил, что «никогда такого распоряжения через Ржевского не делал, и что он уже арестован» (РГИА. Ф. 1629. Оп. 1. Д. 109. Л. 2). Дело в том, что во время поездки Ржевского товарищ министра внутренних дел С. П. Белецкий нашел данные для обвинения журналиста в злоупотреблениях внеочередными свидетельствами, имевшимися у него по должности уполномоченного Красного Креста Северо-Западного района. Поэтому когда Ржевский вернулся, он по распоряжению С. П. Белецкого был обыскан, арестован и намечен к высылке в Тобольскую губернию, на что А. Н. Хвостов согласился. Узнав о грозящей ему опасности, Ржевский через своего друга, инженера В. В. Гейне, сообщил секретарю Г. Е. Распутина А. С. Симановичу, что целью поездки была не покупка книги, а организация убийства старца с помощью Илиодора. А. С. Симанович информировал об этом Г. Е. Распутина и И. Ф. Манасевича-Мануйлова, которого Б. В. Штюмер попросил встретиться с В. В. Гейне. Из разговора с ним Манасевич решил, что А. Н. Хвостов поручил Ржевскому подготовку убийства, доказательством чего счел удостоверение о выдаче ему валюты на 60 000 рублей (Допрос И. Ф. Манасевича-Мануйлова. 8 апреля 1916 г. // Падение царского режима. Т. 2. С. 38–39). Однако в действительности удостоверение было выдано журналисту без ведома А. Н. Хвостова. Николай II возложил расследование дела Ржевского на Штюмера, а он обратился по этому поводу к своему ближайшему сотруднику И. Я. Гурлянду, несколько раз допросившему Ржевского на квартире премьера. Первоначально журналист настаивал на том, что цель его поездки состояла в подготовке убийства Г. Е. Распутина. Но во время завтрака, на котором, помимо Ржевского и Гурлянда, присутствовал начальник Петроградского охранного отделения К. И. Глобачев, Ржевский, расслабленный «большой рюмкой мадеры», отказался от этой версии. «Совершенно опьяневший Ржевский, — вспоминал И. Ф. Манасевич, — вдруг изменил свои показания и заявил, что был командирован министром внутренних дел Хвостовым в Христианию для переговоров с Илиодором, относительно приобретения его книжки, посвященной Распутину» (Александров-Невская лавра накануне свержения самодержавия // Красный архив. 1936. Т. 77. С. 206). Тогда по поручению Штюмера Манасевич встретился с сожительницей Ржевского, которая подтвердила истинность первой версии. Между тем, А. Н. Хвостов попросил Манасевича встретиться с ним на квартире свойственника министра, графа В. С. Татищева, где заявил собеседнику, что «Ржевский врет» (Допрос И. Ф. Манасевича-Мануйлова. 8 апреля 1916 г. // Падение царского режима. Т. 2. С. 40, 41). Видя во всем этом интриги своего заместителя, Хвостов на аудиенции, состоявшейся 10 февраля 1916 г., добился от Николая II согласия на увольнение Белецкого с назначением его, вместо Л. М. Князева, иркутским генерал-губернатором. Белецкий, обидевшись на Хвостова, решил отыгаться на деле Ржевского, для чего встретился с Распутиным в присутствии петроградского митрополита Питирима и Штюмера и подтвердил им истинность первой версии Ржевского, хотя не имел на то веских оснований (Показания С. П. Белецкого // Падение царского режима. Т. 4. С. 412). Еще большее правдоподобие первая версия получила после того, как Илиодор телеграфировал Распутину: «Имею убедительные доказательства покушений высоких лиц твою жизнь. Пришли доверенное лицо» (*Тессен И. В.* Беседа с А. Н. Хвостовым. С. 78). Однако Илиодор и Ржевский инсценировали заговор Хвостова против Г. Е. Распутина. В качестве «подробности инсценировки» заговора следователь Чрезвычайной следственной комиссии В. М. Руднев привел следующий факт. В телеграммах, полученных Б. М. Ржевским от Илиодора, упоминалось о лицах, живших в Царицыне, «входивших будто бы в сношения с Илиодором и даже приезжавших к нему в Христианию для заговора». Но произведенное расследование «не подтвердило правди-

вести этих указаний» и «доказало, что означенные лица из Царицына никуда не уезжали, как о том свидетельствовали акты осмотра домовых книг и других документов» (*Руднев В. М.* Правда о царской семье и «темных силах». С. 285, 286). См. также: *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи. С. 185–186.

13. Назначение Д. С. Шуваева военным министром последовало 15 марта 1916 г.

14. Вероятно, имеется в виду речь члена фракции националистов Л. В. Половцова, произнесенная им 12 февраля 1916 г. Арест В. А. Сухомлинова и заключение его в Петропавловскую крепость последовали 29 апреля того же года.

15. Особая комиссия, при Верховном совете, по призрению воинских чинов и других лиц, пострадавших в продолжение войны, а также их семей, была образована 10 января 1915 г. Она занималась открытием специальных мастерских, развитием профессионального образования, устройством богаделен, приютов и организацией иной помощи инвалидам войны и семьям погибших, а также снабжением одеждой и деньгами солдат, выпускаемых из госпиталей. См.: Высшие и центральные государственные учреждения России. Т. 1. С. 222.

16. Об участии представителей императорской фамилии в оппозиции см.: *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи. С. 358–372 (параграф «Спасение только в Думе». Великокняжеская фронда (август 1915 — февраль 1917 г.)).

17. Имеется в виду находившийся в Москве Комитет под председательством великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну, который она возглавляла с августа 1914 по март 1917 г.

18. Подразумевается воззвание верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича к полякам от 1 августа 1914 г., которое содержало обещание создать объединенную и автономную Польшу. К составлению воззвания сам Николай Николаевич никакого касательства не имел. Его написал находившийся в Петербурге посланник в Сербию князь Г. Н. Трубецкий и отредактировали А. В. Кривошеин и С. Д. Сазонов. Что касается провозглашения Австро-Венгрией и Германией автономии, точнее — независимости, Польши (Польского королевства), то оно не предшествовало увольнению Сазонова, состоявшемуся 7 июля 1916 г., а произошло много позже — 5 ноября (н. ст.) того же года. Материалы по польскому вопросу во время Первой мировой войны см.: *Дякин В. С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма. С. 400–430. О причинах увольнения С. Д. Сазонова см.: *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи. С. 224–229.

19. В данном случае В. Б. Лопухин снова сильно преувеличивает влияние камариллы на кадровую политику самодержавия во время Первой мировой войны. За период с 17 мая по 6 июля 1916 г., нашедший отражение в письмах Александры Федоровны Николаю II и непосредственно предшествовавший увольнению С. Д. Сазонова, о необходимости назначения Б. В. Штюрмера руководителем МИД она ни разу не писала. Замена Сазонова Штюрмером, предreshенная Николаем II 3 июля 1916 г., состоялась без участия царицы, поскольку тогда царь находился в Ставке верховного главнокомандующего (Могилев), куда его жена приехала только 7 июля. Более того, Александра Федоровна и Распутин выступили против назначения Штюрмера преемником Сазонова. Узнав об этом назначении, старец буквально «рвал и метал», возмущаясь тем, как мог премьер согласиться на получение министерства, в котором «ничего не понимает» (Допрос И. Ф. Манасевича-Мануйлова. 10 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т. 2. С. 51, 53–54). «Какой же он хозяин в иностранных... Собака, все себе забрать хочет...», — говорил Распутин Манасевичу после назначения Штюрмера, подразумевая его усилия по привлечению Румынии на сторону Антанты. — Хвастат, что румынцы пошли благодаря ему... Они и без него бы пошли... А он, понимаешь, этим папу за горло схватил и оборудовал все там у него так, что мама даже ничего не знала... Вишь, как зазнался — даже не пожелал посоветоваться с самой... Теперь все пойдет шиворот-навыворот, и старикашке не удержаться» (Александро-Невская лавра накануне свержения самодержавия. С. 208). Г. Е. Распутин советовал Б. В. Штюрмеру не

принимать нового поста, полагая, что «это будет его погибелью: немецкая фамилия, и все станут говорить, что это, — писала царица мужу, — дело моих рук» (Николай II в секретной переписке. С. 618). Александра Федоровна и Распутин явили проницательность, ибо назначение Штюрмера министром иностранных дел общественное мнение действительно восприняло как дело рук императрицы и старца, хотя ничего подобного не было. См. об этом: *Куликов С. В.* Камарилья и «министерская чехарда». С. 87. В. Б. Лопухин, подобно многим современникам, заблуждался и относительно цели назначения Б. В. Штюрмера, которой заключение сепаратного мира могло быть менее всего. Подробнее о его отношении к идее сепаратного мира см.: *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи. С. 246–259 (параграф «Чисто русское направление». Б. В. Штюрмер — министр иностранных дел (июль–ноябрь 1916 г.)). См. также: *Васюков В. С.* Внешняя политика России накануне Февральской революции. 1916 — февр. 1917 г. М., 1989. С. 232–295.

20. Одновременно с заменой С. Д. Сазонова Б. В. Штюрмером и увольнением последнего с поста руководителя МВД 7 июля 1916 г. министр юстиции А. А. Хвостов получил портфель министра внутренних дел, а его преемником стал член Государственного совета по назначению А. А. Макаров. Замена А. Н. Наумова назначенным членом верхней палаты графом А. А. Бобринским произошла 21 июля. Увольнение А. Н. Волжина с должности обер-прокурора Синода имело место 7, назначение же вместо него члена Совета министра народного просвещения Н. П. Раева — 30 августа 1916 г.

21. О предположении Б. В. Штюрмера назначить П. С. Боткина товарищем министра иностранных дел и его последствиях см.: *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи. С. 250–251.

22. Скорее всего, увольнение А. П. Вейнера было вызвано его «немецкой» фамилией, а не еврейскими корнями, поскольку на посту министра иностранных дел Б. В. Штюрмер проводил политику «русификации» личного состава центральных и зарубежных учреждений МИД, в связи с чем отставку получили сановники с «немецкими» фамилиями (барон М. Ф. Шиллинг) либо лица, имевшие репутацию герmanoфилов (В. А. Арцимович).

23. Дела Д. Л. Рубинштейна, директора Русско-Французского банка, и И. Ф. Манасевича-Мануйлова, чиновника, состоявшего при премьере, инициировал начальник штаба верховного главнокомандующего М. В. Алексеев, являвшийся сторонником оппозиции и политическим оппонентом Б. В. Штюрмера, а также противником камарильи, представителями которой начальник штаба считал Д. Л. Рубинштейна и И. Ф. Мануйлова. С одобрения М. В. Алексеева председатель Комиссии по расследованию злоупотреблений тыла Н. С. Батюшин 10 июля 1916 г. приказал арестовать Д. Л. Рубинштейна по обвинению в спекуляциях, граничащей с государственной изменой, хотя это дело было «инсценировано кучкой банкиров» из числа конкурентов Д. Л. Рубинштейна (Петроградская контрразведка накануне революции: Из воспоминаний сотрудника // *Былое*. 1924. № 26. С. 230). К его делу попытались привлечь ближайшего сотрудника Штюрмера И. Я. Гурлянда, обвиненного в предупреждении Д. Л. Рубинштейна об аресте. Скандал вокруг Гурлянда неизбежно поколебал бы и положение премьера, однако Гурлянду удалось выйти из затруднительного положения без больших издержек, а Рубинштейн впоследствии был освобожден. Не прошло и полутора месяцев, как 19 августа 1916 г., по прямому распоряжению М. В. Алексеева и без предварительного уведомления Штюрмера, директор Департамента полиции Е. К. Климович арестовал И. Ф. Манасевича-Мануйлова, обвиненного в вымогательстве взятки у товарища директора Соединенного банка И. С. Хвостова, двоюродного брата бывшего министра внутренних дел А. Н. Хвостова. Помимо Алексеева и Климовича, за арестом И. Ф. Манасевича стояли дядя А. Н. и И. С. Хвостовых, министр внутренних дел А. А. Хвостов, и его заместитель А. В. Степанов, обеспечивавший связь между МВД и Ставкой. По приказанию главнокомандующего Северным фронтом Н. В. Рузского было произведено специальное следствие, порученное находившемуся в его распоряжении М. Д. Бонч-Бруевичу и Н. С. Батюшину, которые пришли к выводу, что дело Манасевича возникло благодаря провокации со стороны А. Н. Хвостова и его ставленника Климовича

(РГИА. Ф. 525. Оп. 2 (217/2715). Д. 696. Л. 4–4 об. Справка по делу И. Ф. Манасевича-Мануйлова). В начале декабря 1916 г. Батюшин явился к А. А. Вырубовой и «просил о прекращении этого дела, так как он убедился, что это грязная история, — сообщила царица мужу, — поднятая с целью повредить нашему Другу, Питириму и др., и во всем этом виноват толстый Хвостов» (Николай II в секретной переписке. С. 630–631). В данном случае А. Н. Хвостов пытался отомстить Манасевичу, поскольку ошибочно полагал, что именно он, установив в феврале 1916 г. причастность Хвостова к делу Б. М. Ржевского, был главным виновником его отставки. Свои основания для мести Манасевичу имел и Климович — именно Манасевич передал Штюрмеру записку бывшего московского градоначальника генерала А. А. Рейнбота-Резвого о причастности Климовича к укрывательству, путем выдачи паспорта, убийцы Г. Б. Иоллоса, члена кадетской фракции I Государственной думы. Штюрмер, получив записку, «заволновался» и поставил вопрос об увольнении Климовича, которое задержалось только потому, что премьер перешел из МВД в МИД (Показания В. Л. Бурцева. 1 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т. 1. С. 323). Согласно результатам расследования Батюшина и Бонч-Бруевича, А. Н. Хвостову помог И. С. Хвостов, давший Манасевичу 25 000 рублей, попросив отослать их французской газете «Temps» за статью в пользу назначения министром финансов председателя правления Соединенного банка графа В. С. Татищева, тестя И. С. Хвостова. На самом деле деньги Манасевичу дали для того, чтобы обвинить его во взимании взятки, причем предварительно, по совету Климовича, все номера кредитных билетов были переписаны, а сами они — помечены условными знаками. Сразу после ухода Хвостова из квартиры Манасевича в нее вошли заранее подготовленные жандармы, которые произвели обыск, изъяли деньги и проверили их по записке, переданной Хвостовым. Жертвой провокации, подготовленной Климовичем, считал Манасевича самый крупный специалист по этой части — В. Л. Бурцев. Он был «глубоко возмущен» «провокационным приемом», использованным Климовичем, который сделал из И. С. Хвостова «орудие для ликвидации своих личных счетов» с Манасевичем. Неудивительно, что на процессе Манасевича Бурцев вел себя «в смысле явно подчеркнутой им симпатии к Мануйлову» (Показания С. П. Белецкого // Падение царского режима. С. 498), а после Февральской революции 1917 г. ходатайствовал о передаче ему Манасевича на поруки (Показания В. Л. Бурцева. 1 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т. 1. С. 322). В данном случае неважно, действительно ли был виновен Манасевич, жертвой чего он являлся — собственной ли алчности или мести А. Н. Хвостова и Е. К. Климовича, поскольку, независимо от степени виновности Манасевича, он оказался, прежде всего, жертвой закулисной политической борьбы. Несмотря на попытки Александры Федоровны и Распутина избавить Манасевича от осуждения, его дело рассматривалось 13–18 февраля 1917 г. Петроградским окружным судом, который признал его виновным в мошенничестве и приговорил к лишению особых прав и преимуществ и заключению в исправительное арестантское отделение на полтора года.

24. Телеграмму Николаю II с осторожным протестом против увольнения С. Д. Сазонова Д. Бьюкенен отправил 6 июля 1916 г. (*Бьюкенен Д. Моя миссия в России: Воспоминания английского дипломата. 1910–1918. М., 2006. С. 210–211*). То, что В. Б. Лопухин знал об этом, свидетельствует о его знакомстве с воспоминаниями английского посла, опубликованными в СССР в 1920-е гг. с некоторыми сокращениями.

25. Имеется в виду конференция представителей стран Антанты, проходившая в Париже 1–4 (14–17) июля 1916 г. В конференции участвовали делегации Бельгии, Великобритании, Италии, Португалии, России, Сербии, Франции и Японии. Н. Н. Покровский являлся главой русской делегации. Заседания конференции были посвящены обсуждению проблем послевоенного мирового экономического устройства. Подробнее об этом см.: *Бабичев Д. С. Россия на Парижской союзнической конференции 1916 г. по экономическим вопросам // Исторические записки. М., 1969. Т. 83.*

26. Увольнение А. А. Хвостова с поста министра внутренних дел и назначение управляющим МВД товарища председателя IV Государственной думы А. Д. Протопопова состо-

ялись 16 сентября 1916 г. Ранее А. Д. Протопопов являлся главой заграничной делегации законодательных учреждений России, которая в апреле-июне 1916 г. посетила Швецию, Англию и Францию. Членами делегации были: от Государственной думы — В. Я. Демченко (фракция прогрессивных националистов), М. М. Ичас (кадет), П. Н. Милуков (кадет), А. А. Ознобишин (фракция националистов), А. А. Радкевич (правая фракция), Ф. Ф. Рачковский (польское коло), Д. Н. Чихачев (фракция националистов), А. И. Шингарев (кадет), Б. А. Энгельгардт (фракция центра) и от Государственного совета — А. В. Васильев (группа левых), граф С. И. Велепольский (группа центра), В. И. Гурко (Кружок внепартийного объединения), князь А. Н. Лобанов-Ростовский (группа правых), граф Д. А. Олсуфьев (группа центра), барон Р. Р. Розен (группа центра). О делегации см.: *Алексеева И. В.* Агония сердечного согласия. Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте. 1914–1917. Л., 1990. С. 168–195.

27. Возвращаясь в Россию, в июне 1915 г. в Стокгольме А. Д. Протопопов и его коллега по делегации, член Государственного совета по выборам граф Д. А. Олсуфьев, беседовали с сотрудником посольства Германии в Швеции Ф. Варбургом, который изложил германские условия мира. Встреча произошла по инициативе не А. Д. Протопопова, а Д. А. Олсуфьева, разделявшего в годы Первой мировой войны германофильские и пацифистские взгляды. По признанию графа, его «соблазняла мысль побеседовать с настоящим “живым немцем”, только что прибывшим из Германии, чтобы ознакомиться с их тогдашним настроением, но тут же вскоре к нашей “затее” присоединился А. Д. Протопопов». «Спустя несколько часов, — отмечал Д. А. Олсуфьев, — нам было сообщено, что в Стокгольме находится некий господин Варбург, банкир из Гамбурга, который часто ездит в Швецию, и что он с полной готовностью отозвался на мое желание» (ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 552. Л. 25. Показание графа Д. А. Олсуфьева). Стокгольмская встреча ни в коей мере не испортила положительного впечатления членов делегации о ее руководителе. После возвращения в Петроград П. Н. Милуков сообщил думацам, что А. Д. Протопопов «держал себя умно и тактично» (*Родзянко М. В.* Крушение Империи. С. 128). Неудивительно, что председатель IV Государственной думы Родзянко считал, что Протопопов «успешно справился со своей задачей» (*Родзянко М. В.* Государственная Дума и февральская 1917 года революция // Архив русской революции. М., 1991. Кн. 3. Т. 6. С. 50). Вплоть до назначения Протопопова управляющим МВД думцы не считали стокгольмскую встречу чем-то криминальным. Когда он рассказал о встрече депутатам, то Дума «удовлетворилась» его объяснениями (*Родзянко М. В.* Крушение Империи. С. 128). Только после назначения Протопопова, когда он оказался неприемлем для оппозиции, стокгольмской встрече было придано значение события, компрометирующего Протопопова. Понимая это, Николай II заявил Д. Бьюкенену 30 декабря 1916 г.: «Господин Протопопов не симпатизирует Германии, и слухи относительно его стокгольмской беседы грубо преувеличены» (*Бьюкенен Д.* Моя миссия в России. С. 234). Следователь Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства Г. П. Гирчич, отнюдь не заинтересованный в обелении Протопопова, тем не менее, пришел к выводу, что «поведение А. Д. Протопопова в эпизоде с Варбургом и то обстоятельство, что он в особую заслугу свою, признанную за ним и при Дворе, ставил удачное отклонение якобы сделанных ему предложений о сепаратном мире с Германией, не дает никаких оснований считать этот эпизод компрометирующим А. Д. Протопопова в каком бы то ни было отношении, за исключением нежелания его считаться с истиной» (ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 552. Л. 114. Заключение Г. П. Гирчича, 2 октября 1917 г.). О стокгольмской встрече см. также: *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. (1914–1917). Л., 1967. С. 280–282; *Черменский Е. Д.* IV Государственная Дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 187–192; *Алексеева И. В.* Агония сердечного согласия. С. 195–202.

28. При передаче В. Б. Лопухиным отзыва Н. Н. Покровского об А. Д. Протопопове произошло явное наслоение на более ранние впечатления позднейших впечатлений как Н. Н. Покровского, так и мемуариста, поскольку версия о сумасшествии А. Д. Протопо-

пова муслировалась оппозиционерами уже после его назначения управляющим МВД. До и сразу после назначения А. Д. Протопопова Н. Н. Покровский относился к нему положительно. «Протопопов, — вспоминал Н. Н. Покровский, — появился в Совете министров с обычной своей живостью, любезностью, — если хотите, внешнею привлекательностью манер, и в первую минуту никакого дурного отношения к нему не было. Напротив, думали, что что-нибудь выйдет» (Показания Н. Н. Покровского. 30 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т. 5. С. 355). Показательно, что до и в первые недели после назначения А. Д. Протопопова он пользовался бесспорным авторитетом и у других министров, которые впоследствии стали относиться к нему резко отрицательно. «С Протопоповым у меня такие отношения, — писал министр народного просвещения граф П. Н. Игнатьев своему заместителю В. Т. Шевякову 21 сентября 1916 г., — что, думается, никаких трений и недоразумений между нами быть не должно. Не знаю, справится ли он со своей тяжелой задачей, но это человек, с которым приятно иметь дело и обо всем можно договориться» (РГИА. Ф. 1129. Оп. 1. Д. 107. Л. 32–32 об.).

29. Замена А. А. Макарова сенатором Н. А. Добровольским последовала не в октябре, а 20 декабря 1916 г. Мнение В. Б. Лопухина, что Добровольский являлся ставленником камарильи, представляется неверным. В конце 1916 г. сенатор являлся выдвинутым не Г. Е. Распутина, а великого князя Михаила Александровича, который с камарильей не имел ничего общего. Хотя на пост министра юстиции Добровольский был избран Николаем II, председатель Совета министров А. Ф. Трепов выступил против назначения сенатора под предлогом того, что он взяточник (позднее слухи об этом не подтвердились). Император сообщил о своих разногласиях с премьером супруге и старцу, которые немедленно встали на сторону монарха. До начала декабря 1916 г. имя Добровольского в письмах Александры Федоровны Николаю II ни разу не упоминалось, а это значит, что она и Распутин обратили внимание на Добровольского только после того, как сенатор выбрал Николай II. С отъездом царя в Могилев, в Ставку верховного главнокомандующего, царица и старец попытались лично оценить кандидата Николая II. По просьбе почитательницы Распутина М. Е. Головиной Добровольский посетил квартиру старца, которому «не особенно понравился» и произвел на него «отрицательное впечатление» (Допрос И. Ф. Манасевича-Мануйлова. 10 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т. 2. С. 62). Негативная реакция Распутина на кандидатуру Добровольского объяснялась тем, что старец верил во взяточничество сенатора. «Той старикашка, — имея в виду Добровольского, сообщил Распутин Манасевичу-Мануйлову, — не чист на руку» (Алекса́ндро-Невская лавра накануне свержения самодержавия. С. 208). В силу этого старец полагал, что «о Добровольском и думать нечего». Следовательно, Распутин являлся противником назначения Добровольского, причем даже тогда, когда он, будучи принят Александрой Федоровной 9 декабря 1916 г., произвел на нее благоприятное впечатление. После данного эпизода Распутин объявил Манасевичу, что «он на себя никакой ответственности брать не хочет, и если пройдет Добровольский, пусть пройдет, а если нет — так и нет» (Допрос И. Ф. Манасевича-Мануйлова. С. 62, 63). Таким образом, от поддержки кандидатуры Добровольского Распутин попросту устранился. Впрочем, отрицательное мнение о сенаторе старец оставил при себе, лишь бы не противоречить Николаю II и Александре Федоровне. В начале декабря 1916 г. Распутин телефонировал члену Государственного совета И. Г. Щегловитову и поинтересовался, годится ли Добровольский в министры юстиции. Щегловитов ответил, что «не годится» (Допрос И. Г. Щегловитова. 26 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т. 2. С. 433–434). Однако негативный отзыв о сенаторе старец от императрицы скрыл, сообщив ей нечто другое, а именно — что, по мнению Щегловитова, Добровольский «вполне на своем месте» (Николай II в секретной переписке. С. 643). Как это неоднократно бывало ранее, в беседах с непосвященными назначение Добровольского Распутин приписывал исключительно себе, хотя и в данном случае он выдавал желаемое за действительное. См.: Куликов С. В. Камарилья и «министерская чехарда». С. 92–93.

30. Под «членами правительства», обращавшимися к императору, В. Б. Лопухин подразумевает, прежде всего, Н. Н. Покровского. Так, 3 января 1917 г. во время всеподданнейшего доклада он подал в отставку, умоляя Николая II не следовать «гибельным советам Протопопова» и открыть глаза на «неминуемую катастрофу». Царь «очень кротко» выслушал министра иностранных дел и велел ему оставаться на прежнем посту, заверяя, что «положение не так трагично» и «все устроится» (*Палеолог М. Дневник посла. М., 2003. С. 690*). Описывая свои отношения к концу 1916 — началу 1917 г. доклады Николаю II по поводу необходимости удаления ненавистного Думе А. Д. Протопопова, Покровский вспоминал: «Я был тогда министром иностранных дел и держался того взгляда, что внешнего успеха мы можем достигнуть только при порядке внутреннем. А так как я считал, что во внутренних делах Протопопов ведет дело к развязке, чрезвычайно трудной, могущей вызвать революцию, — так прямо и этими самыми словами я это и называл, — то я полагал, что вести при этих условиях внешнюю политику не представляется возможным: внутренняя политика вела нас к необходимости заключить, в конце концов, сепаратный мир, а это дело представлялось опасным». Когда Покровский заявил Николаю II, что, оставаясь министром, станет обосновывать в кабинете «такие мнения, которые будут создавать там диссонанс», император заметил, что «это ничего» и «это хорошо». Показательно, что оппозиционное поведение министра иностранных дел ни в коей мере ему не повредило. На вопрос председателя Чрезвычайной следственной комиссии о том, не исчезло ли после всего этого благоволение к нему со стороны Николая II, Покровский категорически ответил: «Совершенно наоборот. Как раз обратное» (Показания Н. Н. Покровского. 30 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т. 5. С. 360, 361).

31. На сближение с оппозицией вдовствующая императрица Мария Федоровна пошла осенью 1915 г., когда она говорила опальному А. В. Кривошеину, что «невозможно управлять большим народом без поддержки просвещенных людей и против общего мнения». Как и лидеры оппозиции, видя в Александре Федоровне главную преграду на пути к образованию «Министерства общественного доверия», Мария Федоровна выразила «грусть и тревогу, что императрица своими личными действиями приготавливает себе трагическую судьбу» (*Барк П. Л. Воспоминания // Возрождение. 1966. № 174. С. 78*). В начале февраля 1916 г. великая княгиня Мария Павловна просила царицу-мать «открыть глаза» сыну и невестке, но расхождения между матерью и сыном были таковы, что она от этого отказалась (*Палеолог М. Дневник посла. С. 447*). Символом перехода Марии Федоровны в оппозицию и стало переселение ее в Киев, куда она прибыла 3 мая 1916 г., официально — для устройства госпиталей и посещения раненых (Высокие особы в Киеве // Утро России. 1917. № 6. 6 января). На самом деле царица-мать покинула столицу, чтобы не видеть «всего того, что ее огорчало в Царском Селе и в Петрограде» (*Родзянко М. В. Крушение Империи. С. 132*). В киевском окружении Марии Федоровны главной темой разговоров была критика Александры Федоровны. Каждый ее поступок «строго осуждался не только в своем кругу, но и в присутствии лиц местного общества» (*Воейков В. Н. С царем и без царя. С. 98*). Это давало обильную пищу оппозиции, лидеры которой постоянно навещали Марию Федоровну. Так, М. В. Родзянко был у нее 12 июля 1916 г. При общении с оппозиционерами Мария Федоровна не делала секрета из своего неодобрения внутренней политики сына. Беседуя с членами Прогрессивного блока в Думе В. Я. Демченко и А. И. Савенко, она говорила, что «поступкам сына не сочувствует» (Личность Николая II и Александры Федоровны по свидетельствам их родных и близких (газетные материалы) // Исторический вестник. 1917. Апр. С. 151). См. также: *Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи. С. 358–361, 362*.

32. Подробнее об этом заговоре см.: *Куликов С. В. «Революции неизменно идут сверху...»: падение царизма сквозь призму элитистской парадигмы // Нестор. Вып. 11. СПб., 2007. С. 160–171*.

33. На самом деле 10 ноября 1916 г. Б. В. Штюмер был одновременно уволен с постов председателя Совета министров, который занял А. Ф. Трепов (с оставлением его ми-

нистром путей сообщения), и министра иностранных дел, и до 30 ноября МИД временно управлял товарищ министра иностранных дел А. А. Нератов.

34. В действительности Александра Федоровна относилась к А. И. Спиридовичу, который был не генерал-губернатором, а градоначальником Ялты, весьма отрицательно. В связи с предположением о его назначении петроградским градоначальником императрица сообщила Николаю II 28 ноября 1915 г., что Спиридович — «не совсем порядочный человек, недавно нелепо женился, — кроме того, после столыпинской истории в Киеве это совсем нехорошо» (Николай II в секретной переписке. С. 304–305). Последней фразой Александра Федоровна напоминала о том, что Спиридович был одним из тех, кого общественное мнение считало виновным в гибели П. А. Столыпина.

35. См. комментарий 12 к главе 21.

36. Назначение государственного контролера Н. Н. Покровского министром иностранных дел и товарища министра финансов С. Г. Феодосьева — государственным контролером относится к 30 ноября 1916 г.

37. Граф А. А. Бобринский был уволен с поста министра земледелия 14 ноября 1916 г. Товарищ министра земледелия А. А. Риттих стал управляющим Министерством земледелия 29 ноября.

38. Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам — общественная благотворительная организация, возникшая в августе 1914 г., главноуполномоченным которой являлся князь Г. Е. Львов. Параллельно с ним образовался и функционировал Всероссийский союз городов помощи больным и раненым воинам с главноуполномоченным М. В. Челноковым. Уже в следующем году Земский и Городской союзы фактически перестали быть как общественными организациями, поскольку работали главным образом на казенные субсидии, составившие к сентябрю 1916 г. более полумиллиарда рублей, так и чисто благотворительными, поддерживая требование думской оппозиции о создании «Министерства общественного доверия». Лидеры Земского и Городского союзов сыграли видную роль в подготовке и проведении Февральской революции 1917 г. Впоследствии в эмиграции существовали организации, считавшие себя правопреемницами союзов. Мнение В. Б. Лопухина о меньшей эффективности общественных организаций по сравнению с правительственными заслуживает внимания в сопоставлении с мнением его двоюродного племянника князя С. Е. Трубецкого, который был одним из руководителей Земского союза. По свидетельству князя, степень неспособности правительства «преувеличивалась нашей самовлюбленной общественностью», хотя «особенно гордиться» перед «военными бюрократами» общественным деятелям «не приходилось». Деятельность общественных организаций, прежде всего Земского союза, характеризовали «отсутствие настоящего хозяйственного расчета», «наплеватьское отношение к вопросу о стоимости», «самоуверенная безграмотность во многих вопросах» и «распоясанность иных руководителей дела, не считающихся ни с какими правилами» (*Трубецкой С. Е.* Минувшее. М., 1991. С. 119, 130).

39. Назначение А. А. Нератова в Государственный совет произошло 26 декабря 1916 г., при этом он сохранил прежнюю должность товарища министра иностранных дел и к присутствию в верхней палате не определялся.

40. Г. Е. Распутин был убит в ночь с 16 на 17 декабря 1916 г. в Петрограде у Юсуповского дворца на реке Мойке. Участниками убийства были хозяин дворца князь Ф. Ф. Юсупов граф Сумароков-Эльстон, великий князь Дмитрий Павлович, депутат IV Государственной думы В. М. Пуришкевич, а также военный врач С. С. Лазаверт и поручик Преображенского полка С. Н. Сухотин. Подробнее об этом см.: *Куликов С. В.* «Выход один — убить негодяя» // Родина. 2003. № 7.

41. Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства не подтвердила эти слухи.

42. М. В. Родзянко предлагал Николаю II назначить А. Д. Протопопова министром торговли и промышленности во время всеподданнейшего доклада, состоявшегося 25 июня 1916 г. в Ставке (*Куликов С. В.* Камарилья и «министерская чехарда». С. 89).

43. Увольнение А. Ф. Трепова и назначение члена Государственного совета князя Н. Д. Голицына председателем Совета министров последовали 27 декабря 1916 г. Тогда же произошла замена министра народного просвещения графа П. Н. Игнатьева сенатором Н. К. Кульчицким, о чем В. Б. Лопухин пишет ниже.

44. За участие в убийстве Г. Е. Распутина Николай II наказал великого князя Дмитрия Павловича ссылкой в русский экспедиционный корпус в Персии, что вызвало протесты у представителей императорской фамилии. На состоявшемся у великой княгини Марии Павловны 29 декабря 1916 г. совещании Романовых его участники по инициативе великого князя Николая Михайловича решили обратиться к императору с просьбой о помиловании Дмитрия Павловича. В письме, составленном морганатической супругой великого князя Павла Александровича княгиней О. В. Палей и подписанном 16-ю царскими родственниками, они просили Николая II «смягчить суровое решение относительно судьбы великого князя Дмитрия Павловича» (*Гавриил Константинович*. В Мраморном дворце: Из хроники нашей семьи. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 216–217). Письмо, несмотря на кажущуюся аполитичность, имело политический подтекст, заключавшийся в демонстрации императорской фамилией решимости добиться ограничения царской власти Государственной думой путем устранения от дел противники этого — императрицы Александры Федоровны. «В декабре уж своей шкуры ради, — сообщил Николай Михайлович 3 марта 1917 г. в Думе, намекая на двоюродного племянника, — собрались мы, великие князья, и послали ему депутацию: заточай жену, давай ответственное министерство» (*Ломоносов Ю. В.* Воспоминания о мартовской революции 1917 года // *Станкевич В. Б.* Воспоминания 1914–1919. М., 1994. С. 261). Политический подтекст письма предопределил отрицательное отношение к нему Николая II, запечатленное его резолюцией: «Никому не дано право заниматься убийством; знаю, что совесть многим не дает покоя, так как не один Дмитрий Павлович в этом замешан. Удивляюсь Вашему обращению ко мне. Николай» (*Гавриил Константинович*. В Мраморном дворце. С. 216–217). Копии письма Николай Михайлович роздал членам Яхт-клуба, высказывал за клубным столом «резкие суждения» по адресу «немецкой» политики «Алисы Гессен-Дармштадтской» и сетовал «на безвольность и недальновидность» императора, которому стало известно о поведении великого князя. Николай II наложил опалу на родственника, приказав ему 31 декабря 1916 г. отправиться на два месяца, до 1 марта 1917 г., в свое имение Грушевка. Впрочем, Николай Михайлович сам напросился на ссылку, поскольку 29 декабря написал императору, что если «мое присутствие в столице будет признано нежелательным, то я уеду в свое имение» (Из дневника великого князя Андрея Владимировича за 1916–1917 гг. // Красный архив. 1928. Т. 26. С. 190, 191, 192). См. также: *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи. С. 366–369.

Глава 22

1. Суть инцидента с П. Г. Курловым, который был другом А. Д. Протопопова, состояла в следующем. По докладу Протопопова Николаю II Курлов был назначен 23 октября 1916 г. исполняющим обязанности товарища министра внутренних дел по Департаменту полиции. Зная об отрицательном отношении к его другу со стороны оппозиции, Протопопов придал частный характер этому назначению и полагавшегося в таком случае рапорта о нем в Сенат не послал. Когда Курлов адресовал Сенату свои служебные рапорты, обер-прокурор 1-го департамента А. И. Руадзе заявил генералу, что не может дать им хода за отсутствием рапорта Протопопова, вследствие чего Курлов разочаровался в шефе и подал в отставку. Доклад Протопопова об увольнении генерала Николай II утвердил 25 ноября 1916 г., и Сенат одновременно заслушал царские повеления о назначении и увольнении Курлова. См. об этом: *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи. С. 280, 287, 298.

2. Речь идет об обновлении назначенной части Государственного совета, произведенном Николаем II 1 января 1917 г. в целях ослабления его оппозиционности. В результате из числа присутствующих были выведены 18 человек, в т. ч. 10 сторонников оппозиции (прогрессивного блока). Назначенные взамен их сановники в большинстве придерживались не «наиболее реакционного», как пишет В. Б. Лопухин, а умеренно-правого направления. Только один вновь назначенный член, а именно — А. И. Соболевский, являлся лидером дубровинского «Союза русского народа», прочие кандидаты крайне правых организаций в верхнюю палату не вошли. Подробнее об этом см.: *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи. С. 351–355.

3. Замена Д. С. Шуваева членом Военного совета М. А. Беляевым произошла 3 января 1917 г., назначение С. Д. Сазонова послом в Англию — 12 января того же года.

4. Судя по всему, В. Б. Лопухин имеет в виду, прежде всего, опубликованные в 1920-е гг. работы В. П. Семенникова (Политика Романовых накануне революции. (От Антанты — к Германии): По новым документам М.; Л., 1926; Романовы и германские влияния во время мировой войны. Л., 1929), в которых тезис о стремлении царизма добиться заключения сепаратного мира накануне Февральской революции развивался наиболее обстоятельно. В. П. Семенников и его последователи не учитывали того кардинального факта, что только с победой над Германией Николай II и его окружение связывали достижение главной цели внешней политики царской России — обладание Константинополем и проливами Босфор и Дарданеллы. В своем последнем всеподданнейшем докладе по МИД, полностью одобренном императором, Н. Н. Покровский, указывая на то, что «ход военных событий, ныне развертывающихся на европейском театре войны, может еще в течение этого года поставить нас лицом к лицу с вопросом о ликвидации войны и началом переговоров о мире», подразумевал победу Антанты над Германией, поскольку далее советовал подготовить десантную операцию для захвата Босфора «не позже октября» 1917 г., т. е. «к моменту, когда может наступить решительный перелом в ведении военных операций у наших союзников» (Константинополь и проливы. Т. 2. С. 387, 390). Подробнее о проблеме сепаратного мира между Россией и Германией накануне Февральской революции см.: *Васюков В. С.* Внешняя политика России. С. 232–295; *Мельгунов С. П.* Легенда о сепаратном мире. С. 388–603.

5. Имеется в виду Особый комитет по делам Дальнего Востока. См. комментарий 7 к главе 7.

6. Петроградская конференция представителей стран Антанты проходила 19 января — 7 февраля 1917 г. См. о ней: *Алексеева И. В.* Агония сердечного согласия. С. 239–251.

7. Подразумевается Февральская революция 1917 г., происходившая 23 февраля — 3 марта этого года. О ее событиях, имевших место в Петрограде 23–25 февраля, см.: *Ганелин Р. Ш.* 1) 25 февраля 1917 г. в Петрограде // Вопросы истории. 1998. № 7; 2) Петроград 23 февраля 1917 г. // Новый часовой. 1999. № 8/9; 3) 24 февраля 1917 г. в Петрограде // Клио. 2000. № 6.

8. О реакции Совета министров на события Февральской революции см.: *Куликов С. В.* 1) Совет министров в дни Февральской революции // Революция 1917 г. в России: Сб. науч. ст. СПб., 1995; 2) Совет министров и Прогрессивный блок во время падения монархии // Нестор. 2005. № 7; *Ганелин Р. Ш.* Совет министров 26 февраля 1917 г. // История глазами историков: Межвуз. сб. науч. тр., посвящ. 70-летию доктора ист. наук, проф., зав. каф. рос. истории СПбГАУ Евгения Романовича Ольховского. СПб.; Пушкин, 2002.

9. Имеется в виду начавшийся утром 27 февраля 1917 г. бунт солдат Волынского полка, к которым присоединились солдаты полков, которые находились поблизости. О выступлении волынцев см.: *Ганелин Р. Ш., Соловьева З. П.* Воспоминания Т. Кирпичникова как источник по истории февральских революционных дней 1917 г. в Петрограде // Рабочий класс России, его союзники и политические противники в 1917 году: Сб. науч. тр. Л., 1989.

10. Из контекста этого места воспоминаний В. Б. Лопухина может создаться впечатление, что Кирилл Владимирович вместе с Гвардейским экипажем, командиром которого

он был, явился в Таврический дворец 28 февраля, однако в действительности данное событие произошло 1 марта 1917 г.

11. Первые контакты МИД с революционной властью относятся к 28 февраля 1917 г., когда начальник канцелярии министра иностранных дел Б. А. Татищев, под предлогом защиты мидовского здания от «вооруженных лиц», обратился к П. Н. Милокову, позвонив в Государственную думу. По воспоминаниям Б. А. Татищева, он «поставил» собеседника «в курс происходящих у нас событий и сказал, что у нас есть секретные архивы, нарушение целостности и секрета которых будет одинаково нежелательным для любого правительства». Татищев поинтересовался у Милокова, «не имеет ли он средств дать нам военную охрану, во избежание каких-либо инцидентов». Тот ответил, что «очень охотно это сделает», и менее, чем через три часа в МИД прибыл караул приблизительно из 20-ти «довольно растерзанных» солдат под командой «совсем юного подпрапорщика, которому едва ли было более 20 лет». В противоречии с воспоминаниями В. Б. Лопухина Татищев утверждал, что 4 марта Милоков «дал» именно ему «знать, что будет в Министерстве в пять часов дня и желал бы познакомиться со служащими» (*Татищев Б. А.* Крушение. 1916–1917 гг. // *Возрождение*. 1949. Тетр. 4. С. 130, 131). О первой встрече Милокова как министра с чиновниками МИД см. также: *Михайловский Г. Н.* Записки. Кн. 1. С. 260–261. Согласно А. В. Игнатьеву, 3 марта мидовцы получили извещение о намерении нового главы ведомства вступить в должность, причем им было предписано явиться на службу к 12 часам следующего дня. Однако, задержавшись на заседании Временного правительства, после которого он посетил Н. Н. Покровского, 4 марта П. Н. Милоков появился на Певческом мосту только в начале третьего и, встретившись с чиновниками, в половине пятого принял послов европейских союзных держав (*Игнатьев А. В.* Внешняя политика Временного правительства. М., 1974. С. 114).

12. Официальное провозглашение России республикой последовало не вскоре после речи П. Н. Милокова о целях переворота, произнесенной им 2 марта 1917 г. в Таврическом дворце, а лишь 1 сентября 1917 г., хотя де-факто Россия стала республикой уже 3 марта, вследствие отказа великого князя Михаила Александровича занять императорский трон.

13. Подразумевается Временный комитет Государственной думы, орган революционной власти, образованный 27 февраля 1917 г. и продолжавший существовать и после образования Временного правительства.

14. Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так и военного и морского ведомств была учреждена указом Временного правительства от 5 марта 1917 г. и работала до Октябрьской революции. Подробнее о ее деятельности см.: *Аврех А. Я.* Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства: замысел и исполнение // *Исторические записки*. 1990. Т. 118. Попытки Чрезвычайной следственной комиссии обвинить деятелей старого режима, в т. ч. и Б. В. Штюмера, в нарушении законов, действовавших до Февральской революции, в целом закончились неудачей. Как вспоминал следователь комиссии А. Ф. Романов, революционной власти «не удалось не только осудить деятелей прежней власти, но, несмотря на самое горячее желание и энергию, даже и обнаружить хотя бы намеки на те тяжкие преступления, которые приписывались ей так называемым общественным мнением». Комиссия была вынуждена придти к выводу, что царские министры не совершали «тяжкие уголовно наказуемые деяния» (*Романов А. Ф.* Император Николай II и его правительство: (По данным Чрезвычайной следственной комиссии) // *Русская летопись*. 1922. Кн. 2. С. 37, 38).

15. В действительности Ю. П. Бахметев ушел в отставку не столько в силу принципиальных расхождений с Временным правительством, сколько по причинам личного свойства, поскольку еще в 1897 г., будучи посланником России в Болгарии, где преподавал будущий лидер кадетов, «ввиду “революционности” Милокова потребовал его высылки из Болгарии, что и было исполнено болгарским правительством». «Неудивительно, — заключал коллега В. Б. Лопухина по МИД, — что когда “революционер-эмигрант” превратился в министра иностранных дел, т. е. в прямое начальство Бахметева, тот не

стал дожидаться реванша со стороны Милюкова и придал своему уходу из министерства “принципиальный” характер» (*Михайловский Г. Н.* Записки. Кн. 1. С. 251). См. также: *Макушин А. В., Трибунский П. А.* Павел Николаевич Милюков: труды и дни (1859–1904). Рязань, 2001. С. 186–196.

16. Формально решение об увольнении А. А. Половцова с поста товарища министра иностранных дел, с оставлением его состоящим в ведомстве МИД, и назначении на этот пост барона Б. Э. Нольде было принято на заседании Временного правительства 8 апреля 1917 г. См.: Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. М., 2001. С. 260. Однако опубликованный указ о замещении А. А. Половцова Б. Э. Нольде датируется 14 марта того же года (*Куликов С. В.* Временное правительство: кадровые перестановки. (Март — октябрь 1917) // Из глубины времен. СПб., 1996. Вып. 7. С. 34).

17. На самом деле П. Б. Струве вернулся из эмиграции еще в 1905 г. и с этого времени легально занимался общественной деятельностью. Формальное решение о назначении его директором Экономического департамента было принято на заседании Временного правительства 8 апреля 1917 г. См.: Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. С. 260. Назначению П. Б. Струве предшествовала очередная реорганизация структуры центрального аппарата МИД. Постановлением Временного правительства от 14 марта 1917 г. «Об изменении действующего учреждения Министерства иностранных дел» 1-й Департамент был преобразован в Департамент общих дел, 2-й Департамент и Юрисконсультская часть упразднены и учреждены два новых департамента — Экономический (занимавшийся торговлей, мореплаванием, путями сообщения, почтой, телеграфом) и Правовой (ведавший международно-политическими соглашениями, делами о подданстве и выдаче преступников, защитой интересов российских граждан за границей, консультированием по международному праву, подготовкой международных конференций и конвенций). См.: Высшие и центральные государственные учреждения России. Т. 4. С. 12.

18. Имеется в виду Особое совещание для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание, работавшее с 25 марта по 23 сентября 1917 г. Подробнее о нем см.: Высшие и центральные государственные учреждения России. Т. 1. С. 251–254. Об отношениях этого совещания с МИД см.: *Михайловский Г. Н.* Записки. Кн. 1. С. 446–451.

19. Решение о посылке в США российской чрезвычайной миссии и назначении ее начальником Б. А. Бахметева, с оставлением его в должности товарища министра торговли и промышленности, с возложением на него на время пребывания миссии в США управления посольством России в Вашингтоне и с присвоением ему на этот срок звания чрезвычайного и полномочного посла было принято на заседании Временного правительства 25 апреля 1917 г. См.: Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. С. 348–349.

20. Имеется в виду манифест Совета рабочих и солдатских депутатов «К народам всего мира», принятый 14 марта 1917 г. См. о нем: *Игнатъев А. В.* Внешняя политика Временного правительства. С. 94–105.

21. Заявление Временного правительства о войне было опубликовано 28 марта 1917 г. См.: *Игнатъев А. В.* Внешняя политика Временного правительства. С. 105–107.

22. Ноту П. Н. Милюкова от 19 апреля 1917 г. напечатали на следующий день. См. о ней: *Игнатъев А. В.* Внешняя политика Временного правительства. С. 196–206.

23. Опубликованные указы об отставках А. И. Гучкова и П. Н. Милюкова датируются 5 мая 1917 г. См.: *Куликов С. В.* Временное правительство. С. 36.

24. Согласно опубликованным указам Временного правительства, М. И. Терещенко был перемещен с поста министра финансов на пост министра иностранных дел 5 мая 1917 г., однако 8 мая он получил назначение управляющего Министерством финансов, которым его сделали временно, до 20 мая, и с оставлением министром иностранных дел (*Куликов С. В.* Временное правительство. С. 37).

25. Встреча М. И. Терещенко с чиновниками МИД состоялась в день его вступления в должность министра иностранных дел в 11.30 утра. Подробности о встрече см.: *Михайловский Г. Н.* Записки. Кн. 1. С. 366–369. Воспоминания В. Б. Лопухина относительно встречи

корреспондируют с воспоминаниями о ней Б. А. Татищева, который сообщает, что прием новым министром подчиненных состоялся в пять вечера (*Татищев Б. А.* Крушение. С. 134).

26. Подразумевается наступление русской армии на Юго-Западном фронте, т. е. против Австро-Венгрии, происходившее с 18 по 30 июня 1917 г. и закончившееся полным поражением наступавших.

27. Речь идет об аресте М. И. Терещенко вместе с другими министрами Временного правительства во время проведения большевиками Октябрьского вооруженного восстания. Скептическая оценка Терещенко была характерна не только для В. Б. Лопухина, но и для других мидовских чиновников. Подробнее об этом см.: *Михайловский Г. Н.* Записки. Кн. 1. С. 417–420.

28. Решение о назначении А. Н. Мандельштама директором Правового департамента было принято Временным правительством на заседании 8 апреля 1917 г., о назначении Н. Н. Нордмана директором Экономического департамента — на заседании 1 июня (*Журналы заседаний Временного правительства.* Т. 1. С. 260; Т. 2. М., 2002. С. 199). Соответствующие опубликованные указы датированы 8 апреля и 20 мая соответственно. См. также комментарий 17 к главе 22.

29. Имеются в виду события 3–5 июля 1917 г., во время которых большевики впервые предприняли попытку вооруженного восстания, подавленную войсками, сохранившими верность Временному правительству.

30. Вывод В. Б. Лопухина о том, что кадровая нестабильность на уровне министров в период правления Временного правительства побила все рекорды «министерской чехарды», соответствует действительности. Если с июля 1914 г. по февраль 1917 г., т. е. за 31 месяц, министрами перебивали 39 человек, то с марта по октябрь 1917 г., за 8 месяцев, — 42 человека. Следовательно, при Временном правительстве на высшем уровне исполнительной власти текучесть кадров возросла в 5 раз! См.: *Куликов С. В.* «В самых лучших отношениях». Бюрократическая элита и Временное правительство // *Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков: Сб. ст. к 75-летию Алексея Николаевича Цамутали.* СПб., 2006. С. 378.

31. Московское государственное совещание заседало 12–15 августа 1917 г.

32. Ярким примером попыток М. И. Терещенко переориентироваться на новые источники рекрутирования личного состава Внешнеполитического ведомства стало его решение о замещении консульских постов присяжными поверенными, т. е. адвокатами. В связи с этим министр иностранных дел, «никого не спросив» в МИД, официально обратился в Министерство юстиции с предложением запросить все советы присяжных поверенных об их кандидатах в консулы. Мидовские чиновники выступили против подобного нововведения, полагая, что оно привело бы к тому, что «вся система дипломатической и консульской службы как совершенно обособленной отрасли государственной службы рухнула бы», качество же личного состава консулов ухудшилось, поскольку «не лучшие, а худшие элементы адвокатуры пошли бы на эти места, а рекомендация советом присяжных поверенных не явилась бы, надо думать, достаточно надежной для консульской службы». Терещенко был вынужден отказаться от своего плана и отправил в Министерство юстиции письмо с просьбой уведомить советы присяжных поверенных, что «нужда в консульском персонале прекратилась». Тем не менее, многие присяжные поверенные, узнав о возможности занять вакантные консулаты, «стали добиваться при помощи разных протекций консульских мест» и, несмотря на сопротивление МИД, «известное количество» этих мест «пришлось отдать ловким адвокатам». Более важное значение имело то, что при Терещенко начал существенно меняться личный состав послов и посланников, которыми стали назначать общественных деятелей, в связи с чем И. Н. Ефремов оказался посланником в Швейцарии, В. А. Маклаков — послом во Франции, М. А. Стахович — послом в Испании. Г. Н. Михайловский полагал, что если бы Временное правительство осталось у власти, высшие дипломатические посты за границей «стали бы, несомненно, целиком уделом не профессиональных дипломатов, а счастливых политиков» (*Михайловский Г. Н.* Записки. Кн. 1. С. 382–384, 387).

33. Кабинет министра иностранных дел начал функционировать 28 августа 1917 г. одновременно с упразднением Совета МИД, причем его официальное учреждение последовало 22 сентября. Кабинет министра ведал связями с Советом рабочих и солдатских депутатов и ЦИК Всероссийского съезда советов, информировал зарубежные представительства России о ее внутреннем положении (Высшие и центральные государственные учреждения России. Т. 4. С. 34). Подробнее об этом учреждении и его начальнике см.: *Михайловский Г. Н.* Записки. Кн. 1. С. 390–393; Кн. 2. С. 101–104.

34. «Вечернее время» — ежедневная газета, основанная А. С. Сувориным и выходявшая в 1911–1917 гг. в Петербурге.

35. Демарш А. В. Неклюдова предопределило подавление Временным правительством так называемого «корниловского мятежа», т. е. имевшей место 25–31 августа 1917 г. вооруженной попытки верховного главнокомандующего генерала Л. Г. Корнилова свести к минимуму политическое значение Совета рабочих и солдатских депутатов, который выступал за мир. Л. Г. Корнилов был арестован по приказу А. Ф. Керенского. Под впечатлением от событий в России А. В. Неклюдов решил подать в отставку, о чем сообщил А. Ф. Керенскому незашифрованной телеграммой, упрекая «президента республики» в том, что он «губит Россию». «Не довольствуясь этим, — вспоминал подчиненный А. В. Неклюдова по посольству Ю. Я. Соловьев, — посол разослал копии своей телеграммы союзным послам, испанскому министру иностранных дел и даже одному английскому корреспонденту для помещения в печати. Создалось действительно необыкновенное положение. Представитель российского правительства, пользуясь своим положением, начал агитацию против своего правительства, стремясь тем самым подорвать его авторитет за границей» (*Соловьев Ю. Я.* Воспоминания дипломата. С. 293).

Глава 23

1. По данным А. И. Добкина, М. С. Урицкий посетил МИД уже утром 26 октября 1917 г., когда имел часовую беседу с товарищем министра иностранных дел А. А. Нератовым (Примечания к: *Лопухин В. Б.* После 25 октября // *Минувшее.* 1990. Вып. 1. С. 64). Б. А. Татищев вспоминал, что 26 либо 27 октября («на следующий после переворота день») около 15.00 к подъезду МИД подъехал автомобиль, в котором, кроме М. С. Урицкого, был и Л. Д. Троцкий, встретившийся с директором канцелярии министра иностранных дел (*Татищев Б. А.* Крушение. С. 136). Однако, судя по всему, Б. А. Татищев совместил два разных события: посещения МИД М. С. Урицким и Л. Д. Троцким. По воспоминаниям Г. Н. Михайловского, 26 октября «в 11-м часу утра» на Певческий мост явился «товарищ Залкинд», потребовавший от Б. А. Татищева выдать ему «тайные соглашения с союзниками». Б. А. Татищев переадресовал собеседника к А. А. Нератову, который заявил, что «будет разговаривать только с лицом», отвечающим в новом правительстве за «внешние сношения России». А. А. Нератов узнал от Залкинда, что таковым является Л. Д. Троцкий и вечером был извещен по телефону, что завтра, 27 октября, он «сам придет в министерство» (*Михайловский Г. Н.* Записки. Кн. 1. С. 505). Представляется, что в данном случае Г. Н. Михайловский перепутал М. С. Урицкого с И. А. Залкиндом, который появился в Дипломатическом ведомстве только 4 ноября (*Залкинд И. А.* НКВД в семнадцатом году // *Утро страны советов: Воспоминания участников и очевидцев революционных событий в Петрограде, 25 октября (7 ноября) 1917 г. — 10 марта 1918 г.* Л., 1988. С. 196).

2. Сам Л. Д. Троцкий вспоминал, что приехал в МИД «дней через 5–7 после взятия нами власти» (Примечания к: *Лопухин В. Б.* После 25 октября. С. 65). По воспоминаниям Г. Н. Михайловского, это произошло 27 октября 1917 г., что соотносится с воспоминаниями Б. А. Татищева (*Татищев Б. А.* Крушение. С. 136; *Михайловский Г. Н.* Записки. Кн. 1. С. 505, 509).

3. Эпизод с Б. А. Чемерзиным имеется также в воспоминаниях Б. А. Татищева и Г. Н. Михайловского, которые (особенно последний) описали посещение Л. Д. Троцким МИД более подробно. См.: *Татищев Б. А.* Крушение. С. 136–137; *Михайловский Г. Н.* Записки. Кн. 1. С. 509–517. Реакция мидовских чиновников на Троцкого, как и на большевиков в целом, предопределялась деятельностью Общества (Союза) служащих МИД, образованного в марте 1917 г. на их чрезвычайном общем собрании. В отличие от других министерств, низший персонал, прежде всего — курьеры, в Обществе представлен не был. Общее собрание избрало исполнительный комитет Общества, председателем которого являлся А. М. Петряев (после назначения товарищем министра иностранных дел — почетный председатель исполкома), а товарищем председателя — князь Л. В. Урусов (председатель исполкома после А. М. Петряева). В состав исполкома входили представители от всех отделов МИД: С. Г. Боговяленский, князь С. А. Гагарин (секретарь исполкома), князь Н. В. Голицын, В. Г. Жуковский, Г. А. Колемин, Г. А. Козаков, В. К. Коростовец, Г. Н. Михайловский (секретарь исполкома), В. И. Некрасов (товарищ председателя после князя Л. В. Урусова), Ф. Ф. Новомейский, А. В. Сабанин и другие мидовцы. По наблюдениям Г. Н. Михайловского, исполком «не состоял из младших служащих, как раз наоборот, скорее там преобладали высшие чины министерства». Формально Общество было своего рода чиновничьим профсоюзом, поскольку в его уставе говорилось об «улучшении материальных, моральных и технических условий службы» чинов МИД. Фактически Общество чем дальше, тем больше играло политическую роль, оказывая поддержку Временному правительству. Перед приходом Л. Д. Троцкого в МИД, т. е. 27 октября, исполком принял решение об отказе от признания большевиков и необходимости забастовки. Саботаж мидовских чиновников, отмечал Г. Н. Михайловский, «есть дело исключительно нашего Исполкома и всей предшествующей деятельности Общества служащих МИД, сыгравшего в этот момент историческую роль, так как твердая позиция Дипломатического ведомства в его отрицательном отношении к большевистскому перевороту оказала огромное влияние на все петроградское чиновничество, приступившее к саботажу вместе с нами». Непосредственно после обращения Л. Д. Троцкого к чиновникам состоялось их общее собрание, на котором была оглашена только что принятая резолюция Союза союзов всех правительственных учреждений Петрограда об объявлении всеобщей забастовки в знак протеста против свержения большевиками Временного правительства (см. комментарий 5 к этой главе). На собрании присутствовали все чиновники МИД, а также штатные и нештатные канцелярские служители и машинистки. Все они единогласно, без воздержавшихся, проголосовали за то, чтобы «отказаться от всякой работы с большевиками и присоединиться к всеобщей забастовке», создав стачечный комитет на основе исполкома Общества служащих МИД. После этого председатель исполкома Л. В. Урусов сообщил об итогах голосования Л. Д. Троцкому. Тем не менее, выполняя обещание, данное в начале встречи с чиновниками, он был вынужден подписать пропуска, которые бы обеспечили безопасность всех участников собрания. В это время члены стачечного комитета, собравшиеся в здании общежития слушателей Учебного отделения восточных языков при МИД, составили телеграмму заграничным представителям России, в которой сообщали о начале забастовки и приглашали присоединиться к ней, настаивая перед иностранными правительствами на непризнании большевистской власти. Телеграмма была подписана Л. В. Урусовым и передана через английское посольство (*Михайловский Г. Н.* Записки. Кн. 1. С. 266, 267, 292, 294, 295, 300, 358, 371, 434–435, 503–504, 512, 514–515, 516–517; Кн. 2. С. 18, 50, 57, 106). В результате все посольства и миссии России отказались от сотрудничества с большевиками. Впоследствии стачечный комитет Общества служащих МИД собирался «то у одного, то у другого из сослуживцев по министерству», в т. ч. у директора Петербургского и Главного архивов МИД князя Н. В. Голицына, причем на заседания комитета приходили 10–12 человек (Записки князя К. Н. Голицына. С. 100). Несмотря на репрессии большевистского правительства против «саботажников», забастовка чиновников Внешнеполитического и других ведомств продлилась, по меньшей мере, до марта 1918 г.

4. Предположения В. Б. Лопухина были вполне оправданы, поскольку 3 ноября 1917 г. Петроградский военно-революционный комитет выдал ордер на арест А. А. Нератова, утром 4 ноября — несколько пустых бланков на арест «саботажников» из МИД.

5. Всеобщая забастовка чиновников Петрограда, начавшаяся 27 октября 1917 г., была организована Центральным комитетом Союза союзов всех правительственных учреждений Петрограда — профессионально-политической организацией чиновничества, возникшей в марте-апреле 1917 г. и окончательно сформировавшейся к июлю этого года. Председателем ЦК являлся чиновник МВД Кудрявцев, его товарищами — чиновники Министерства финансов и МИД: Харьковцев и князь Л. В. Урусов. К числу видных членов ЦК принадлежал чиновник МВД Соколов. Заседания Союза союзов происходили в кабинете Кудрявцева в здании МВД у Чернышева моста. В Союз союзов входили общества служащих всех гражданских ведомств, в т. ч. Общество служащих МИД (представителями исполнительного комитета которого были, помимо Л. В. Урусова, В. К. Коростовец и Г. Н. Михайловский), а также ВИКЖЕЛЬ (Всероссийский исполнительный комитет Союза железнодорожников и почтово-телеграфных служащих). Г. Н. Михайловский вспоминал, что «весь центрально-государственный аппарат Петрограда заключался в Союзе союзов, мы имели сведения обо всех самых главных учреждениях столицы, и отсюда наши щупальца протягивались по всей России». «В том виде, в каком он существовал ко дню большевистского переворота, — подчеркивал Г. Н. Михайловский в другом месте, — Союз союзов персонифицировал всю гражданскую правительственную власть или, вернее, весь государственный аппарат, за исключением армии и флота. Даже дипломатия благодаря участию нашего Комитета служащих МИД была в распоряжении Союза союзов». Решение о проведении всеобщей забастовки чиновничества под лозунгом сохранения верности Временному правительству и идее Учредительного собрания ЦК Союза союзов принял 27 октября 1917 г., до прихода в МИД Л. Д. Троцкого, на заседании, проходившем в кабинете Кудрявцева в МВД. Там присутствовал 21 человек, в т. ч. В. К. Коростовец, Г. Н. Михайловский и Л. В. Урусов. За забастовку проголосовали 17 человек, против — 1, воздержались — 3. Характеризуя заседание 27 октября, Г. Н. Михайловский констатировал «сразу выявившееся единодушие в вопросе о непризнании большевиков в качестве всероссийского правительства». Союз союзов призвал к всеобщей забастовке не только столичное, но и провинциальное чиновничество, предусматривая, в то же время, участие в ней чиновников, работавших в жизненно важных учреждениях (продовольственного или муниципального характера). В политическом отношении руководителей забастовки объединяла не положительная, а отрицательная цель — пассивное противостояние большевизму. «Политическая физиономия этих подлинных представителей петроградского чиновничества, — вспоминал Г. Н. Михайловский, — была в высшей степени неясна с точки зрения партийной принадлежности. Все почти были беспартийными, но зато диапазон был велик. Так, в Союз союзов входили меньшевик-интернационалист Абрамсон и октябрист (будущий ярый монархист) С. С. Ольденбург. Это была единственная организация, в которой я видел действительно «единый антибольшевистский фронт». Тогда это казалось совершенно естественным и не вызывало ни малейших трений в работе Союза союзов». Всеобщую забастовку предполагалось проводить в течение двух-трех недель, а дальше действовать в зависимости от обстоятельств, окончив ее, во всяком случае, в день открытия Учредительного собрания. ЦК Союза союзов, после объявления забастовки заседавший ежедневно, действовал в контакте с Советением товарищей министров, формальным преемником Временного правительства, и Комитетом спасения Родины и Революции, причем в качестве соединительного звена выступала особая «тройка» — в ней каждая из трех организаций имела по пять представителей (*Михайловский Г. Н.* Записки. Кн. 1. С. 504, 507; Кн. 2. С. 12, 38–39). Забастовка чиновничества приняла всероссийский характер и в первые месяцы советской власти представляла собой главную угрозу большевистскому режиму. «Самым больным в этот период явлением для советской власти, — указывал один из руководителей ВЧК Я. Х. Петерс, — была стачка

интеллигенции — саботаж, который охватил не только Питер, но и всю страну. Борьба с этим явлением было чрезвычайно трудно» (*Петерс Я. Х.* Из воспоминаний о работе ВЧК в первый год революции // Утро Страны советов. С. 248). После разгона большевиками, в начале января 1918 г., Учредительного собрания ЦК Союза союзов продолжал руководить забастовкой, чему способствовало, помимо прочего, то, что «крушение Временного правительства и разгон Учредительного собрания отодвинули вправо большинство чиновничества» (*Михайловский Г. Н.* Записки. Кн. 2. С. 61). Как представляется, забастовка чиновничества, создавшая компрометировавшую большевистское правительство ситуацию, когда оно, придя к власти, в течение полугода оставалось лишенным аппарата власти, причем не только в столице, но и на местах, явилась едва ли не главной причиной переезда Совнаркома в Москву, где легче было приступить к формированию нового аппарата, состоящего из абсолютно лояльных служащих.

6. Данное мнение В. Б. Лопухина полностью соотносится со свидетельством Г. Н. Михайловского, который писал, что политические партии и организации «не только не стали во главе саботажно-антибольшевистского движения, но шли за ним в хвосте». «Политические организации, — указывал тот же мемуарист, — по вполне понятным причинам сразу же спрятались в подполье, они, в особенности социалисты, делали ставку на Учредительное собрание, а не на саботажно-чиновническое движение. Никакого руководства нами с их стороны не было, повторяю, они шли тогда в хвосте, за нами, одобряя саботаж, но не давая нам никаких директив — до какого момента его вести, когда кончить» (*Михайловский Г. Н.* Записки. Кн. 2. С. 38, 39).

7. Посещение И. А. Залкиндом и Е. Д. Поливановым МИД произошло 4 ноября 1917 г. Воспоминания об этом В. Б. Лопухина дополняются аналогичными воспоминаниями И. А. Залкинда. См.: *Залкинд И. А.* НКВД в семнадцатом году. С. 195–198. По свидетельству Залкинда, именно 4 ноября он получил от начальника канцелярии министра иностранных дел Б. А. Татищева ключи от сейфов, содержавших секретные документы МИД, в т. ч. так называемые «тайные договора», опубликовать которые стремились большевики. Сам Б. А. Татищев признавал, что когда «начальники отдельных частей были приглашены прибыть в министерство для сдачи дел и вручения ключей вновь назначенному помощником комиссара Залкинду», он «пришел в министерство и без каких-либо формальностей, просто вручил Залкинду ключ от несгораемого шкафа с особо секретными бумагами, вделанного в стену в моем служебном кабинете» (*Татищев Б. А.* Крушение. С. 137). Организацией издания секретных документов ведал Н. Г. Маркин, выпустивший семь сборников этих документов. См.: Сборник секретных документов из Архива бывшего Министерства иностранных дел. № 1–7. Пг., 1917–1918. Подразумевая, что изданные большевиками материалы не имели того разоблачительного характера, который приписывали им публикаторы, С. Д. Сазонов отмечал, что большевики оказали «старой русской дипломатии обнаружением так называемых секретных документов большую услугу, обнаружив перед лицом всего света миролюбие императорской политики и чистоплотность ее приемов» (*Сазонов С. Д.* Воспоминания. С. 152).

8. Имеется в виду Г. Е. Пашенко, который, несмотря на обещание Л. Д. Троцкого, был уволен из МИД его приказом от 13 ноября 1917 г. См.: Известия. 1917. № 225. 14 ноября

9. Информацию о деле А. И. Доливо-Добровольского приводит Г. Н. Михайловский. «Дело заключалось в том, — писал он, — что, будучи молодым морским офицером, Доливо-Добровольский попал в кружок, близкий к Н. К. Михайловскому. Увлеченный революционными идеями, Доливо-Добровольский был арестован и посажен в Петропавловскую крепость, где и просидел один год. За это время из-за чтения книг при крайне скудном освещении он почти потерял зрение на один глаз. Из крепости его без суда освободили по личному распоряжению императора Александра III, и дело замяли, но он был отправлен на три года в дальнее плавание, после чего оставил морскую службу и через некоторое время поступил на службу к нам в Дипломатическое ведомство» (*Михайловский Г. Н.* Записки. Кн. 1. С. 301).

10. Еще 27 октября 1917 г. А. И. Доливо-Добровольский агитировал за признание большевистской власти и других мидовцев, в частности — Г. Н. Михайловского (*Михайловский Г. Н.* Записки. Кн. 1. С. 505–506). Впоследствии, 14 ноября, А. И. Доливо-Добровольский публично отказался от участия в забастовке чиновников МИД и признал власть Совета народных комиссаров, к чему призвал своих бывших сослуживцев в обращении к ним, опубликованном 18 ноября в газете «Новая жизнь».

11. В. Б. Лопухин неверно передает содержание приказа Л. Д. Троцкого по МИД от 13 ноября 1917 г., поскольку, судя по всему, ознакомился с его сокращенным вариантом, опубликованным в газетах. В действительности полный текст приказа гласил: «За отказ от подчинения Совету Народных Комиссаров увольняются от должности без права на пенсию: Товарищ министра иностранных дел Анатолий Анатолиевич Нератов. Директор канцелярии Борис Алексеевич Татищев. Товарищ министра Александр Михайлович Петряев и чиновники министерства: Герман Павлович Ухтомский, Владимир Борисович Лопухин, Николай Петрович Юдин, Василий Иоаннович Шавельский, Григорий Григорьевич Епифанов, Алексей Николаевич Орлов, Яков Лазаревич Барсков, Иван Карпович Лысенко, Александр Николаевич Раевский, Александр Эдуардович Ньюман, Григорий Евгеньевич Пашенко, Федор Андреевич Семенченко, Алексей Константинович Беляев, Владимир Иванович Некрасов, Алексей Алексеевич Губарь, Николай Николаевич Маслов, Михаил Иванович Муромцев, Алексей Васильевич Блинов, Константин Карлович Фетерлейн, Евгений Карлович Памерский, Карл Владимирович Циглер, Александр Оттович Струве, Юрий Геннадиевич Удинцов, Николай Николаевич Щелкунов, Александр Николаевич Марисов, Александр Владимирович Григорьев, Василий Иванович Беляев, Николай Михайлович Старченко, Лев Владимирович Урусов, Владимир Владимирович Таубе. Список остальных увольняемых чинов будет опубликован завтра» (Известия. 1917. № 225. 14 ноября). Вскоре, 16 ноября, к перечисленным мидовцам были добавлены еще 69 человек, а 26 ноября, за отказ служить новой власти, отставки получили и 28 послов и посланников.

12. «Ежегодник Министерства иностранных дел» — ежегодное ведомственное издание, выходившее в Петербурге (Петрограде) в 1861–1909 и 1911–1916 гг. Оно содержало сведения о российском и иностранных царствующих домах, высших чинах Российской империи, личном составе МИД и дипломатического корпуса в Петербурге, православных церквях, находившихся в ведении МИД, а также текущие приказы по министерству.

13. В. Б. Лопухин, надеявшийся на публикацию своих воспоминаний в СССР, явно преуменьшил антибольшевистский характер инцидента с Е. А. Висконти и бароном В. В. фон Таубе, тем более, что с началом 27 октября 1917 г. забастовки чиновников МИД сам В. Б. Лопухин занимал весьма щекотливое положение, ведая казенными суммами, из которых бастующие продолжали получать жалованье. По воспоминаниям Г. Н. Михайловского, «правительственные учреждения, принявшие участие в забастовке, располагали теми казенными суммами, которые были в их кассах. Бухгалтерские и казначейские части повсюду присоединялись к саботажному движению, и функции контроля за состоянием кассы переходили к стачечным комитетам». К числу находившихся в компетенции В. Б. Лопухина сумм относилась и субсидия монастырям Афона. Несомненно также, что именно благодаря В. Б. Лопухину чиновники МИД, как и в других министерствах, получили жалованье по указу Сената в обычный срок, т. е. 20 ноября 1917 г., а в декабре в дополнение к жалованью — наградные. Выдача мидовцам полного жалованья продолжалась до февраля 1918 г., когда оно было выдано в половинном размере, после чего «выдавались только пособия в самых экстренных случаях, поскольку ресурсы иссякли». «В некоторых ведомствах, — отмечал Г. Н. Михайловский, — дело обстояло лучше, в других совсем хорошо, и я был крайне удивлен, когда, приехав в начале сентября 1918 г., узнал, что до того времени существовали в некоторых ведомствах и комитетах чиновников какие-то “ликвидационные суммы”, кто-то еще их получал». Другим источником финансирования забастовки стал созданный уже в ее начале забастовочный фонд при Финансовой комиссии ЦК Союза союзов, пополнявшийся за счет общественных и частных пожертвований, поступающих в т. ч. от

правлений крупных предприятий. «Так, например, у Нобеля, — свидетельствовал Г. Н. Михайловский, — было собрано сразу 90 тыс. руб.». В результате обысков у «лиц, организующих саботаж», отмечал Я. Х. Петерс, ВЧК обнаружила «подписные листы, на которых были десятки тысяч пожертвований со стороны отдельных буржуев в пользу саботировавшей интеллигенции». Наконец, в качестве источника субсидирования забастовки Финансовая комиссия в декабре 1917 г. рассматривала и внешний займ у союзных держав, однако ее деятельность в этом направлении пресекла ВЧК (*Петерс Я. Х.* Из воспоминаний о работе ВЧК. С. 248; *Михайловский Г. Н.* Записки. Кн. 2. С. 48–49, 50–53).

14. Е. Б. Лопухин жил на Знаменской площади, 34, а В. И. Лопухина — на Звенигородской, 22.

15. В действительности Ярошинского звали Карл Иосифович. О деятельности К. И. Ярошинского в 1917–1918 гг. см.: *Фурсенко А. А.* 1) Русский Вандербилт // Вопросы истории. 1987. № 10; 2) Концерн К. И. Ярошинского в 1917–1918 гг. // Проблемы социально-экономической истории России: К 100-летию со дня рождения Б. А. Романова. СПб., 1991.

16. Следственная комиссия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов отдала приказ об аресте К. И. Ярошинского 14 декабря 1917 г., однако к этому моменту он был за границей.

17. Строка из стихотворения А. С. Пушкина.

18. Имеется в виду октябрьская всероссийская политическая стачка 1905 г.

19. На самом деле С. Д. Сазонов был назначен членом Государственного совета в 1913 г., еще в бытность его министром иностранных дел. В заседаниях верхней палаты он участвовал как до, так и после увольнения с последнего поста.

20. «Весь Петербург (Весь Петроград)» — адресно-справочный ежегодник, издававшийся А. С. Сувориным в 1894–1917 гг. Содержал информацию об учреждениях центрального и местного управления, учебных и лечебных заведениях, список жителей столицы и т. д.

21. Переезд большевистского правительства из Петрограда в Москву состоялся 10–11 марта 1918 г.

22. Вероятно, организация, созданная М. Д. Зориним, была консультативным органом Особой комиссии из советских и финских представителей «для разработки тех практических мероприятий, которые вытекают из отделения Финляндии от России». Образование Особой комиссии стало следствием подписания В. И. Лениным 18 (31) декабря декрета Совнаркома о предоставлении независимости Финляндии. В связи с тем, что в ней 15 (28) января 1917 г. вспыхнула революция, в начале февраля появилась новая советско-финская комиссия, которая и выработала договор между двумя странами, подписанный 1 марта В. И. Лениным.

23. Имеется в виду Брест-Литовский мирный договор. Л. Д. Троцкий, в качестве народного комиссара иностранных дел, играл главную роль при начале мирных переговоров в Брест-Литовске между Россией и Германией и ее союзниками — Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией. В начале января 1918 г. германская делегация потребовала от большевиков согласия на отторжение от России территории размером свыше 150 тыс. квадратных километров. По инициативе Троцкого переговоры были прерваны. Он предложил объявить войну прекращенной, армию демобилизовать, но столь позорного мира не подписывать. Это мнение Троцкий, вернувшийся в Брест, огласил 28 января, после чего переговоры снова прервались, и Германия начала наступление по всему фронту. Несмотря на отсутствие единства в большевистской верхушке по вопросу о мире, возобладала точка зрения В. И. Ленина, выступавшего за мир любой ценой, даже если он окажется «похабным». Заключение Брестского мирного договора на еще более тяжелых условиях последовало 3 марта 1918 г.

24. Вскоре после подписания Брест-Литовского договора барон Б. Э. Нольде выступил с инициативой создания Комиссии по Брест-Литовскому миру, в связи с чем разослал приглашения в нее «целому ряду общественных деятелей и бюрократов». Председателем комиссии, заседавшей при Съезде торговопромышленников на Литейном про-

спекте, был сам Б. Э. Нольде, а членами — «крупные чиновники разных ведомств», в т. ч. (от МИД) — Г. А. Козаков, Г. Н. Михайловский и А. В. Сабанин. Заседания комиссии посещали также С. И. Веселаго, Н. Н. Покровский и «ряд видных и знающих бюрократов» (*Михайловский Г. Н. Записки. Кн. 2. С. 86–90*). Если эту комиссию нельзя идентифицировать с бюро, о котором пишет В. Б. Лопухин, хотя и там, и там членом являлся А. В. Сабанин, то, во всяком случае, они были тесно связаны между собою.

25. О судьбе А. В. Сабанина см.: *Михайловский Г. Н. Записки. Кн. 2. С. 104–107*.

26. Видимо, имеется в виду декрет ВЦИК и Совнаркома, датированный 11 апреля 1918 г. Декретом 22 апреля того же года была национализирована внешняя торговля.

27. Союз международных торговых товариществ организован в Петрограде к июлю 1918 г. по инициативе банковских, торгово-промышленных и бюрократических деятелей, несмотря на Декрет 22 апреля 1918 г. о монополии внешней торговли. Официально союз образовывался в целях «содействия развитию товарообмена России с иностранными государствами и облегчения условий русской внешней торговли». Деятельностью союза руководил совет, разделенный на собрания в Петрограде и Москве. Председателем совета являлся Н. Н. Покровский, вице-председателем — А. Н. Вентцель. В Совет входили граф Э. Ф. Берг, С. В. Габриэль, барон А. Г. Гинцбург, М. М. Гирс, Н. И. Гучков, Н. И. Жаба, В. К. Кистер, А. В. Кривошеин, К. П. Лазарев, Н. Е. Молчанов, Г. Л. Нобель, С. К. Подгурский, В. В. Прилежаев, В. И. Тимирязев, И. И. Тхоржевский и Б. Е. Шацкий. Текущими делами Союза ведало его правление, председателем которого являлся Е. С. Каратыгин, директором-распорядителем — А. К. Бабиевский. Членами правления были Н. И. Арбузов, А. Н. Вентцель и С. А. Шателен. Деятельность Союза свелась к его организовыванию, которое затянулось до декабря 1918 г. (Примечания к: *Лопухин В. Б. После 25 октября. С. 85–86*).

28. Мемуарист ошибается. В действительности О. А. Глебова (урожденная Михалкова) была дочерью не ярославского губернского предводителя дворянства Сергея Владимировича Михалкова, а его брата Александра Владимировича и его жены Варвары Ивановны, урожденной Унковской, сестры жены С. В. Михалкова.

29. Имеется в виду Лев (Леопольд) Семенович Ауэр (1845–1930).

30. Вероятно, этим младенцем являлся Михаил Семенович Ауэр, который, уже будучи в эмиграции, стал голливудским киноактером Майклом Ауэром.

30а. Мемуарист опять ошибается. А. И. Унковская была замужем за пензенским губернатором С. А. Хвостовым, погибшим при взрыве террористами дачи П. А. Столыпина в 1906 г. См. также комментарий 28 к этой главе (Комментарий Д. Н. Шилова).

31. Судя по всему, В. Б. Лопухин перепутал И. Н. Борисова, который в 1916–1917 гг. являлся товарищем министра путей сообщения и председателем Межведомственной комиссии по выработке плана сети новых железных дорог Российской империи, подлежащих сооружению по окончании войны, с членом комиссии, художником и предпринимателем А. А. Борисовым, отстаивавшим в ней проект Северной сибирской железной дороги, включенный в план, утвержденный комиссией. Компаньоном А. А. Борисова в этом деле являлся норвежский предприниматель Э. Ганневи́г. Оба они ходатайствовали еще перед царским правительством о выдаче им концессии на сооружении Северо-Сибирской магистрали. «Концессионеры, — вспоминал двоюродный племянник В. Б. Лопухина князь С. Е. Трубецкой, участвовавший в выработке устава соответствующего общества, — рассчитывали, что советская власть продлится в России недолго, но боялись потерять свои хозяйственные позиции, если они не продолжат свои переговоры и изыскания при большевиках». В 1918 г. А. А. Борисов и Э. Ганневи́г выдвинули проект концессии на сооружение Великой северной дороги перед Советом народных комиссаров, который отнесся к нему неоднозначно. Более того, по инициативе В. И. Ленина 4 февраля 1919 г. Совнарком принял постановление, которое сочло «предоставление концессии представителям иностранного капитала с принципиальной точки зрения допустимым во всех тех случаях, когда только таким путем может быть достигнуто развитие производительных сил». Концессию на сооружение Северного

пути большевистское правительство решило «признать желательной и осуществление ее практически необходимым». На этой точке зрения Совнарком находился до марта 1919 г. В конечном итоге «представители концессионеров были арестованы и дело заглохло» (*Трубецкой С. Е.* Минувшее. С. 186; Примечания к: *Лопухин В. Б.* После 25 октября. С. 90–92).

32. Вероятно, Н. Н. Покровский подразумевал движение так называемых «моравских братьев».

33. Покушения на М. М. Володарского и М. С. Урицкого, закончившиеся их смертью, произошли 20 июня и 30 августа 1918 г. Покушение Ф. Каплан на В. И. Ленина закончилось его ранением и состоялось 30 августа того же года.

34. Постановление о красном терроре было принято Петроградским комитетом РКП(б) 23 июля 1918 г., Совнаркомом — 5 сентября того же года.

35. См. комментарий 20 к этой главе.

36. Постановление большевистских властей Петрограда о «мобилизации буржуазии» на захоронение трупов умерших от холеры последовало 14 июля 1918 г. Решение В. Б. Лопухина о поступлении на советскую службу не означало, что он изменил идеалам, вдохновлявшим мидовцев в ходе забастовки чиновничества. На состоявшемся 19 января 1918 г. под эгидой исполкома Общества служащих МИД их общем собрании (на нем присутствовали около 200 человек), была принята резолюция, которой запрещались «возвращение на службу и вообще советская служба в тех отраслях государственного управления, где она принимала политический характер». Дипломатическая и консульская службы, «как имевшие явно политический характер», возбранялись «на все время пребывания большевиков у власти». Таким образом, саботаж не только не прекращался, но и становился перманентным, тем более, что позволялась исключительно служба «в нейтральных учреждениях технического свойства», причем можно было поступать лишь в те учреждения, в которых саботаж «законно прекратился с разрешения ЦК Союза союзов». Характерно, что в ходе обсуждения резолюции, принятой единогласно, прозвучало предложение не смягчить ее, а еще более усилить, запретив членам Общества служащих МИД «всякую советскую службу». Выдавая 20 февраля 1918 г. в последний раз жалование, исполком объявил об окончании забастовки в том смысле, что отныне чиновники могли поступать в советские учреждения «на нейтральные должности» (*Михайловский Г. Н.* Записки. Кн. 2. С. 77–78, 81, 95). Как будет видно из дальнейшего, В. Б. Лопухин полностью выполнил это решение.

37. Описывая инцидент с Ф. Н. Петровым, случившийся накануне Первой мировой войны, Г. Н. Михайловский вспоминал: «Личность ничем другим не приметная, он вдруг прославился на всю читающую Россию тем, что на станции Клин во время дебоша, учиненного одним из пассажиров 3-го класса, где оказался Петров, последний из-за неуважительных слов в адрес вмешавшейся в дело железнодорожной жандармерии был отведен в станционное жандармское управление и двумя жандармами высечен в буквальном смысле этого слова. Как показало дознание, никаких бумаг, удостоверяющих его положение как правительственного служащего, при Петрове не оказалось, да и, кроме того, он был в нетрезвом состоянии. По приезде в Петроград Петров немедленно явился к начальству, т. е. к Сазонову, и рассказал свою печальную историю, умолчав, конечно, о невыгодных для себя обстоятельствах. Дело попало в печать, по собственной ли инициативе Петрова или иным образом — неизвестно. Замять инцидент не было никакой возможности, и Сазонов со свойственным ему темпераментом потребовал удовлетворения за оскорбление своего чиновника. Чем дальше двигалось дело, тем картина оказывалась все больше и больше не в пользу Петрова. Он, как выяснилось, сам буйствовал и вел себя во всех отношениях не так, как подобает чиновнику Дипломатического ведомства. Левая печать, отдавая должное демократическому происхождению Петрова, взяла его под свое покровительство, и, поскольку независимо от личности пострадавшего методы станционной жандармерии не заслуживали одобрения, двух виновных жандармов уволили со службы. В результате этой печальной известности уволили Петрова, так как его поведение также заслуживало порицания» (*Михайловский Г. Н.* Записки. Кн. 2. С. 22).